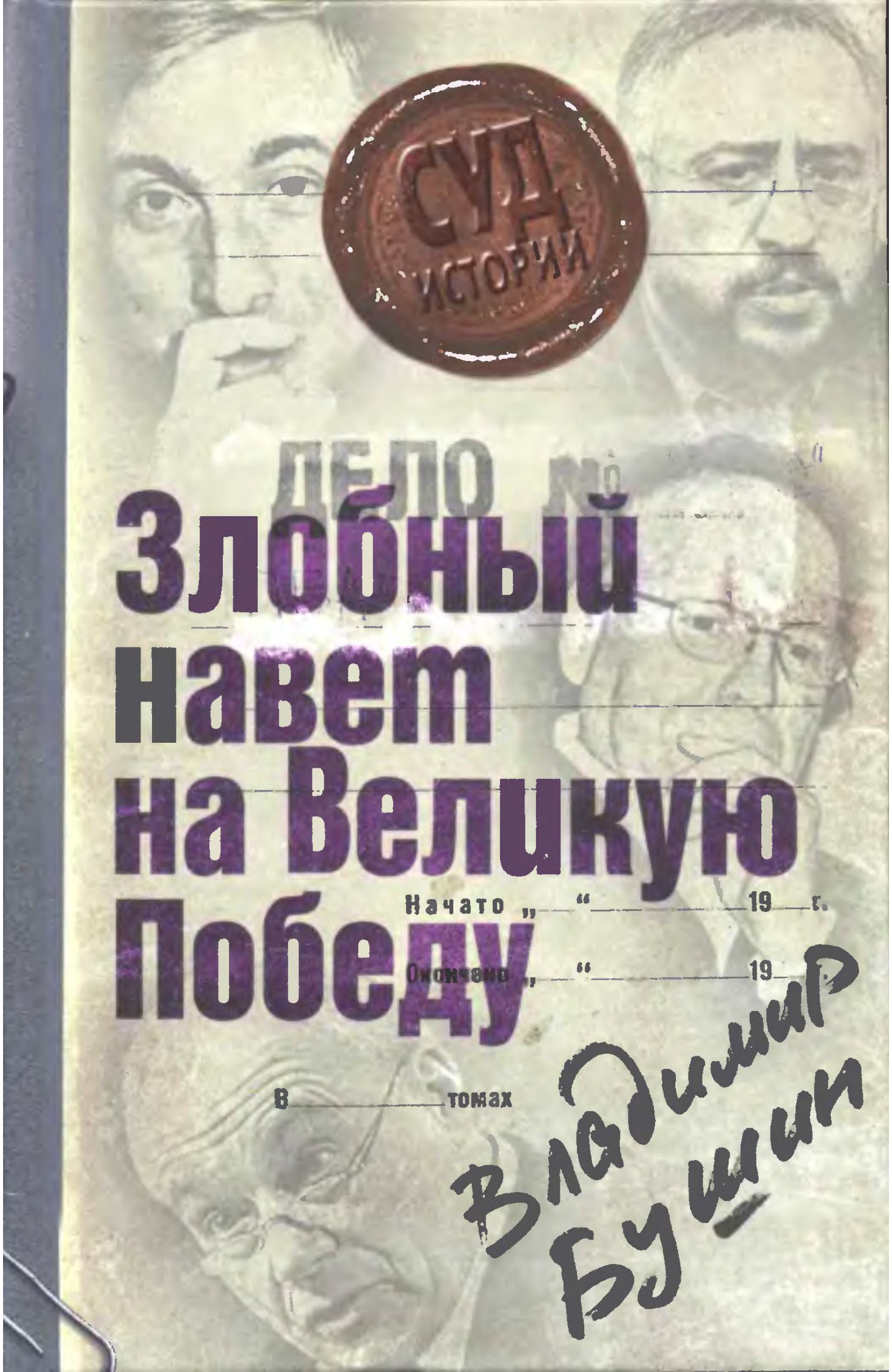

Злобный навет на Великую Победу

Начато „ “ 19 г.

Окончено „ “ 19 г.

В томах

Владимир Бушин

Владимир Бушин

Дело
Злобный навет на Великую Победу

Москва
АЛГОРИТМ
ЭКСМО
2009

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)
Б 90

Бушин В. С.

Б 90 Дело : «Злобный навет на Великую Победу» / В. С. Бушин. — М. : Алгоритм : Эксмо, 2009. — 272 с. — (Суд истории).

ISBN 978-5-699-33757-6

Из главной, всеохватной ненависти «демократов» к коммунистам и Советской власти вытекает их субненависть к советской истории, в том числе к истории Великой Отечественной, т. е. к тому, как они написаны и известны. Почему? А потому, говорят, что писали историю чекисты «и выдали нам такую историю, в которой нет ни капли правды».

Мы всегда знали, что это была война за свободу и независимость нашей родины или, как сказал поэт, «ради жизни на земле». Ничего подобного, заявляют нам: «Война была, прежде всего, классовой войной двух идеологий, в которую коммунисты ввергли наш народ». Красная Армия, объявляют нам, начала войну под знаменами с девизом «Коммунистического манифеста»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Это безграмотное вранье людей, которые никогда в жизни не только не ходили под боевыми знаменами своей родины, но и не видели их. Тогда кто же это им внушил — не литературный ли ефрейтор Радзинский? Идеологии, наша и фашистская, были, разумеется, прямо противоположны, но ефрейтор наврал: не было на наших знаменах цитаты из «Манифеста».

Война, говорят они, была до такой степени идеологической, что «перед идеологией военная целесообразность не имела никакого значения». А Ленинград мы защищали так упорно только потому, что это «колыбель революции», да? Сталинград немцы так бешено стремились захватить лишь по той причине, конечно, что он носил имя нашего вождя и т. д. Боже милосердный, какой вместительный сосуд — человеческая голова! Сколько вздора может в ней поместиться и долгие годы оставаться там в состоянии, всегда готовом после взбалтывания к употреблению.

Эти блаженные просто не имеют никакого представления, что такое была война...

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-699-33757-6

© Бушин В. С., 2009
© ООО «Алгоритм-Книга», 2009
© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

Я обязан был написать эту книгу
от лица ушедших и живых фронтовиков

В. Бушин

Часть 1

АКЦИЯ «ВТОРАЯ МИРОВАЯ»... «ПРАВДЮКИ» О ВОЙНЕ

Вот как совпало! Один за одним я получил два замечательных подарка. Писатель В.С. Геманов, в прошлом моряк-подводник, прислал мне из Калининграда только что вышедшую там свою книгу-исследование «Александр Маринеско», а за ней получаю из Ленинграда от участника Великой Отечественной войны капитана первого ранга К.М. Сергеева, тоже подводника, его книгу о другом знаменитом собрате — о Николае Лунине, вышедшую в московском издательстве «Яуза». Сердечное спасибо, товарищи. Тем более что подводником я никогда не был.

О Маринеско мне доводилось и читать, и слышать немало. А в начале года о нем и телефильм прошел, где для удобства махинаций он назван Маринным. Это они насобачились: назовут Симонова — Семеновым, Серову — Седовой, Маринеско — Маринным и вытворяют все, что взбредет им, бездарным пошлякам, на тощий ум. Этот фильм, где по́шло все, начиная с назва-

ния «Первый после Бога», смастачил Василий Чигинский. О фильме, но, к сожалению, не об Александре Ивановиче Маринеско убедительно писал в «Дуэли» Дм. Пучков.

Поскольку о Лунине я знал меньше, то первой открыл книгу о нем. И вот какое опять совпадение. Чуть ли не в этот же день вечером услышал по телевидению: «Подводная лодка под командованием капитана Логина атаковала двумя торпедами немецкий линкор «Тирпиц»…»

Да, 5 июля 1942 года подлодка «К-21» атаковала этот один из новейших тогда и мощнейших вражеских линкоров, заставив его отказаться от намерения перехватить английский конвой PQ-17 и вернуться на базу, но, во-первых, не двумя, а четырьмя торпедами, а главное — при чем здесь какой-то Логин? Лодкой командовал Герой Советского Союза кавторанг Лунин.

Слушаю дальше: «Попали торпеды в «Тирпиц»? Скорей всего, нет. Сам Лунин не утверждал, что торпедировал, а говорил, что только произвел залп». Это почему же нет? Вот в книге К.М.Сергеева официальный служебный «Отчет командира и комиссара ПЛ «К-21» Северного флота о боевых действиях за время с 18 июня по 9 июля 1942 года». Тут Лунин черным по белому писал: «В 17.50 (немецкая) эскадра повернула «все вдруг», и линкор «Тирпиц» оказался идущим на лодку с его курсовым левого борта 5-7 градусов. Опасаясь срыва атаки, развернулся на кормовые торпедные аппараты и в 18.01 произвел четырехторпедный залп… Попадание двух торпед при атаке ЛК «Тирпиц» считаю достоверным» (с. 140, 142).

Достоверным! Что ж получается? Автор телепередачи не только путает имена наших прославленных героев войны, но и врет на них. Почему? Зачем? И что за передача?

Это 90-серийный телефильм «Вторая мировая война. Русский взгляд» трех авторов: журналиста Виктора Правдка в содружестве с Андреем Терещуком и Кириллом Александровым, объявленных историками. Фильм шел по государственному каналу ТВЦ больше года — начался в юбилейном мае, окончился 22 июня. Как понимаете, выбор дат многозначителен. За время вшивой демократии это самая широкомасштабная ее акция о Великой Отечественной войне.

Кто же авторы? Первый из них более всего известен был ранее тем, что в давней программе Ленинградского телевидения «Пятое колесо» долго и увлеченно с «Тихим Доном» в руках топтался на могиле Михаила Шолохова. Сразу недоумение: и у такого-то человека — «русский взгляд»? Двое других соавторов украшением вертограда Господня тоже не стали… По своей сути они мало чем отличаются друг от друга, и каждый истово клянется, что нет для него ничего дороже, чем святая правда, поэтому в дальнейшем для простоты я буду порой всех называть как бы родовым именем — «правдюками». 90 серий этих суперрусских правдюков дают материал для 180 увлекательнейших статей в духе армянского радио, но я постараюсь уложиться покороче.

* * *

Что подвигло трех дотоле почти неведомых деятелей на создание столь грандиозной киноэпопеи (ведь это повествование «день за днем» о событиях на всех театрах военных действий Второй мировой!)? Два благороднейших чувства, говорят они: великая любовь к русскому народу и неукротимая ненависть к его врагам, к написанной ими лживой истории России и Отечественной войны. Что ж, прекрасно!

Начнем с ненависти… Впрочем, надо сказать, что авторы ведут речь не только о войне 1941—1945 годов, они щедро снабжают нас множеством сведений и о других событиях, о нашей стране в целом и до войны и после.

Так, устами одного беглого антисоветчика в фильме сказано, что «за 25 лет большевики превратили страну в заурядную азиатскую деспотию». И добавлено: где все держалось на страхе. Мало того, в стране, где они родились и прожили большую часть жизни, «главное (!) состояло в том, что общество держалось насилием» (35-я серия).

Очень интересно! Но зачем было тревожить тень почившего беглеца? Можно было сослаться хотя бы на ныне здравствующего критика Бенедикта Сарнова. Тот просто говорит, что это была не страна, а фашистская срань. И о страхе без конца: «страна повального страха… только страх, ничего, кроме страха». Ах, как жаль, что все это не показано на примере хотя бы собственных биографий: как насильно погнали в школу, как палкой заставили вступить в комсомол, как угрозой каторги вынудили окончить вуз, как под страхом расстрела приневолили жениться, рожать детей и т.д. Деспотия же азиатская — в ней все возможно! А кроме того, всюду всегда во всем в стране царили ложь, обман, фальсификации. Вот только они трое почему-то и выросли неколебимыми правдолюбами. Загадка века.

А кроме повсеместного насилия и обмана, говорят, еще и постоянный голод. Да, известно, был голод в результате 6—7 лет сперва Германской, потом Гражданской войн и разрухи, а потом — еще лет через десять. Два голодных года за 75 лет, увы, были. Но интересно, а как обстояло дело на сей счет в дореволюционной России, которую они благоговейно-восторженно име-

нуют «императорской»? Даем справку: в XVIII веке голод приходил в императорскую 34 раза, в XIX — свыше 40. Но возьмем для наглядности сравнения тоже 75 последних лет царизма. Вот годы особенно крупных голодоморов: 1845—1846, 1851, 1855, 1872, 1891—1892, 1901, 1905, 1906, 1907, 1908, 1911—1912. Одиннадцать голодных лет! Причем размах голода все время расширялся: 5—10—20—30—50 губерний. А в 1911—1912 годах, накануне Трехсотлетия дома Романовых, столь пышно отмечавшегося, голод охватил 60 губерний. Эти данные взяты не из «Краткого курса партии», а из энциклопедии Брокгауза и Эфрона, изданной еще в императорской России.

Можно добавить, что при царизме голодные годы нередко следовали один за другим, например, четыре года подряд с 1905 по 1908-й. Императорская власть была бессильна предотвратить бедствие, даже зная о его угрозе. В советское время иная картина и в этом смысле: голод ни разу не вышел за пределы одного года. Больше того, в 1924 году неурожай поразил те же районы, что и в 1922-м, но благодаря своевременно принятым мерам голода в азиатской деспотии не было.

* * *

А вот еще и такой довоенный сюжетик: «Когда случилась катастрофа с пароходом «Челюскин», американцы предлагали использовать свою полярную авиацию на Аляске. Но оказалось, что рядом с пароходом в лед вмерзла баржа с заключенными, и американцы, не дай бог, могли увидеть этот памятник советскому беззаконию».

Ах вот как! Однако же хотелось бы знать, каким образом эта баржа почему-то оказалась в полярных ши-

ротах среди льдов, которые большой пароход раздавили, а ее, утлую, не смогли? Как баржу, набитую, конечно же, беззаконно осужденными правдюками, занесло туда? Ведь она своего хода не имеет. Куда девался буксир? Что, хотели истребить заключенных? Да ведь существует множество гораздо более простых способов, как и способов гораздо более правдоподобно врать. И наконец, при желании американцы могли, и не спасая челюскинцев, проведать о «памятнике беззакония» и даже сфотографировать его. Почему не захотели?

Но главное в другом: эти энтузиасты правды, будучи порожденцами нынешней поры, путают эпохи, смотрят на 30-годы глазами нынешних трепачей. Это сейчас как случится у нас какая авария, властители голосят: «Американцы, помогите!.. Англичане, спасите!.. Япошки, что же вы?..» Сами-то ничего не могут, все средства спасения разбазарили, раздарили абрамовичам-якубовичам. Вот и бегут нам на помощь за хорошие денежки со всего света… А тогда такой нужды мы не знали. Советская авиация и наши летчики были лучшими в мире. Не американцы из Вашингтона через Северный полюс прилетели в СССР, а Чкалов и Громов с товарищами один за другим — из Москвы через Северный полюс в Америку. К изумлению и ликованию всего мира — 12 тысяч километров без посадки и дозаправки!.. Уж не говорю о наших перелетах из Москвы на остров Удд, что на Дальнем Востоке, и о других достославных делах той поры. Да, был у американцев Чарльз Линдберг, перелетевший из США во Францию. Так это ж всего 5800 километров за 33 часа 30 минут, а у нас даже женский экипаж во главе с Валентиной Гризодубовой немного позже одолел 6500 километров за 26 часов 29 минут.

Так на кой же хрен нам нужны были американцы? Мы сами еще в 1928 году спасали экспедицию на Северный полюс Умберто Нобиле, который после этого четыре года не мог расстаться с СССР.

И все 104 челюскинца были спасены да еще собачка. А кто не знает этих американцев? Вот сейчас в Ливане мы спасали без различия гражданства и национальности всех бегущих от израильской агрессии, а янки драли с каждой спасенной души по три тысячи долларов. Они тогда и за собаку потребовали бы плату! И последнее: откуда творцы взяли эту баржу? Почему 70 с лишним лет о ней никто, кроме Солженицына, не слышал?

* * *

Правдюки не одиноки, конечно, в своих усилиях наделить прекрасное Советское время чертами убожества нынешних дней. Учителей этого у них много, один из самых бесстыжих — Гайдар Третий. Выступая по НТВ в связи с очередной годовщиной ГКЧП, этот жиртрест убеждал зрителей, что в 1991 году Советская страна катилась в пропасть, и спасти ее удалось только благодаря мудрым и решительным реформам под его руководством. Очень прекрасно! Только это был уже шестой год антисоветских и антинародных, но не всегда решительных реформ. А вот как начались сплошь решительные, гайдаровские, так страна и покатилась: за девять лет после гайдаровского импульса число самоубийств от веселой жизни увеличилось в полтора раза (39,1 тыс. — 56,9 тыс.); число убийств — в два (21 тыс. — 41,1 тыс.); смертность от почти забытого туберкулеза возросла едва ли не в три раза (11,7 тыс. — 29,8 тыс.); за семь лет заболеваемость сифилисом увеличилась в 50 раз…

Эти и подобные им гайдаровские достижения привели и к резкому росту общей смертности, и к катастрофическому падению рождаемости, и к уменьшению средней продолжительности жизни, не достигающей у мужчин даже пенсионного возраста.

Конечно, все это никак не коснулось таких, как сам Гайдар, который ныне, будучи невежественным газетным треплом, возглавляет какой-то институт. В этот же день, 19 августа, даже в те же часы, когда Гайдар красовался на телеэкране в облике спасителя России, его нежно любимый сын на нашей самодельной поселковой сцене блистал в чеховской «Чайке» в роли Треплева. Какая безмятежная лучезарная юность! И, знать, не ведает в свои шестнадцать лет милый Павлуша, что его папочка сделал все от него зависевшее, чтобы пустить по миру 3 миллиона беспризорников.

* * *

А если так уж Правдюку хотелось поведать нам нечто трагическое непременно о барже с невинными жертвами, то мог бы взять сюжет гораздо более близкий и по теме — война, в историю которой он вляпался! — и по времени, и по месту действия — Крым, откуда он родом. Вот: «4 декабря 1943 года на станцию Севастополь прибыли из Керчи три эшелона раненых военнопленных. Загрузив ими баржу водоизмещением в 2,5 тысячи тонн, стоявшую в Южной бухте, немцы подожгли ее… Тысячи человек погибли в огне» (Нюрнбергский процесс. М., 1990. Юридическая литература. Т. 4, с. 118).

Дальше: «На другой день на такую же баржу погрузили 2 тысячи раненых, привезенных из Керчи. Баржа ушла из Севастополя в море, и находившиеся на ней раненые были утоплены» (там же).

Что ж вы, Правдюк, умолчали об этих документально зафиксированных баржах с русскими пленными? Почему предпочли им антисоветскую фантасмагорию? Таков ваш русский взгляд?

Конечно, многие события и факты авторы не знают просто по молодости лет. В самом деле, главному из них всего-то лишь под семьдесят. Что за возраст для мыслителя! Потому и заявляют, например, если начать с частностей: известный летчик Борис Сафонов, погибший в 1942 году, был первым в стране дважды Героем Советского Союза (серия 40). Откуда им знать, что еще до войны было несколько дважды Героев: полярник И.Д. Папанин (1937, 1940), генерал-лейтенант авиации В.Я. Смушкевич (1937,1939), генерал-лейтенант авиации Г.П. Кравченко (обе Звезды получил в 1939-м).

Был еще Кравченко Андрей Григорьевич, генерал-полковник, тоже дважды Герой, но уже военного времени. О нем упоминается в фильме так: «В многочисленных учебниках истории пишут: «В Умани войска Конева захватили до двухсот исправных «тигров», «пантер» и «фердинандов». На самом деле в марте 1944 года на всех(!) фронтах вермахт потерял только 19 «пантер», 28 «тигров» и 3 «фердинанда». Так у нас до сих пор пишут историю войны», — негодуют правдолюбивые юноши, горя желанием исправить историю.

Какие молодцы, и какой доблестный вермахт! Но непонятно, откуда эти цифры, а главное — почему же немцы при таких небольших потерях в те дни так стремительно драпали, оставляя и Умань, и Жмеринку, и Винницу, и много других городов.

С другой стороны, как говорят, «6-я танковая армия генерала Кравченко с 6 по 10 марта, всего за четыре дня, потеряла 133 танка и САУ из 153», т.е. осталось

только 20 боевых машин. Какой растяпа Кравченко! Но здесь еще больше вопросов. Во-первых, что это за танковая армия, в которой только 153 машины? В армиях их число в ту пору доходило до 1000. А тут нет и дивизии, обычно насчитывавшей около 200 машин.

Неприятно огорчать молодых людей, но приходится сообщить, что 6-я армия начала Уманьско-Ботошанскую операцию, о которой они завели речь, имея 562 машины. Но если осталось только 20 танков, то опять же очень интересно, как с такими ничтожными силами генерал Кравченко продолжал стремительное наступление в составе 2-го Украинского фронта, который, разрезав группу армий «Юг» генерал-фельдмаршала Манштейна, разбив 8-ю армию, преодолев шесть рек и пройдя за полтора месяца 200—250 километров, 26 марта 1944 года вышел к госгранице и вступил на территорию Румынии. Между прочим, в числе форсированных рек были Прут и Серет. Мы тогда так и говорили: если русские на Прут, то румын на Серет. Впрочем, тогда уже не только румын.

И наконец, последнее: за что же 6-я танковая вскоре получила звание гвардейской, а сам Кравченко — третью генеральскую звезду на погоны и две Золотых Звезды Героя? Это ведь не нынешнее время, когда главой правительства назначали газетного свистуна Гайдара, звания генерал-полковника удостаивался Степашин, едва ли отличающий атомную бомбу от керосинки, а пятимиллионная премия по литературе была выдана Ахмадулиной, стихи которой, пожалуй, и в правительстве и в парламенте никто не знает.

Этот сюжетик с 6-й танковой характернейший для фильма: всюду мы несем чудовищные потери, немцы то и дело выходят сухими из воды и крови, а в итоге со-

вершенно непонятно, как же нам удалось загнать их в Берлин и сказать: «А ну, гад, подписывай капитуляцию». И Кейтель, крякнув, подписал.

* * *

Будучи фирменными патриотами, создатели телефильма «Вторая мировая. Русский взгляд» очень много говорят о любви к отечеству. Например, уверяют, что, только когда началась война, «большевики под угрозой нашествия превратились в партию патриотизма» (серия 85) и «сначала вернули армии гвардию, потом все больше и смелее стали говорить о русских полководцах» (серия 35).

Смело! Ну, это они, видимо, так Г.Зюганова интерпретировали. Он однажды сказал: «Сталин вспомнил об истории наших предков и наших славных полководцах, только когда Гитлер подошел к стенам Москвы… В какие-то немыслимо короткие сроки были поставлены прекрасные спектакли и фильмы об Александре Невском, Димитрии Донском, о Куликовской битве. Тем самым удалось оживить в народе историческую память».

До этого память, видите ли, была мертва, а когда немцы оказались под Москвой, народ помчался в кинотеатры оживлять ее. Куда же еще! Ведь КПРФ тогда не было. А на самом-то деле Сталин был несколько расторопней, чем думают о нем иные нынешние философы и борцы. Еще 19 июля 1934 года в имевшей, по сути, директивный характер записке для членов Политбюро о статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» он дал корректный, но жесткий отпор оскорбительным выдумкам о русский истории.

Что же до фильмов, то «Александр Невский» был поставлен не в немыслимой спешке декабря 41-го года,

а в 1938 году, «Петр Первый» — еще раньше. А до этого фильма советские люди зачитывались одноименным романом Алексея Толстого, а также — романами Сергея Бородина «Димитрий Донской», поэмами Константина Симонова «Ледовое побоище» и «Суворов», романом Сергеева-Ценского «Севастопольская страда», тут появилась и пьеса Владимира Соловьева «Фельдмаршал Кутузов»…

А гвардию вернули армии не «сначала», а в сентябре 1941 года, т.е. после того, как еще в 1935 году вернули маршальское звание, в 1940-м — генеральское, и после того, как во весь голос «заговорили о русских полководцах»…

Но опять же откуда правдюкам все это знать — вы видели их физиономии? Вы можете представить их читающими что-нибудь, кроме Радзинского, Млечина или гонорарной ведомости?

И еще потешаются они над тем, что, мол, Буденный и Тимошенко были кавалеристами (серия 35). Какое-де это ретроградство для Второй мировой войны! Так ведь и Жуков с Рокоссовским тоже кавалеристы, о чем можно бы догадаться по Параду Победы, где оба гарцевали на конях-красавцах, и драгоценный Черчилль окончил кавалерийскую школу, получив звание лейтенанта. И надо бы еще знать, что искусству танковых прорывов немецкий генерал Гудериан учился на опыте буденновской Первой конной. Кавалерия же была в той войне и у нас, и у немцев.

А за участие в Гражданской войне Буденного и Тимошенко заклеймили «мастерами воевать против собственного невооруженного народа» (там же). Это почему же невооруженного? У деникиных и колчаков оружия хватало, цивилизованная Европа не скупилась. И в

Красной Армии тогда служили не только эти двое. А мы слышим: «Чем больше в 1941 году оказалось бы участников Гражданской войны, тем хуже было бы. Но, слава богу, что на полях Отечественной войны выросли полководцы, ничем не напоминающие героев Гражданской» (серия 88). Увы, ораторы просто не понимают, о чем говорят. Ведь полководцы Великой Отечественной, ее маршалы, генералы, и были во многом именно «героями Гражданской». Например, из 43 командующих фронтами — 40.

Но почему же, как они считают, было бы хуже? А потому, говорят, что «Гражданская война была антирусской, и ее провозвестники не смогли бы перестроиться на войну против немцев». Ну, правильно. Со стороны царских генералов война, бесспорно, была антирусской, антироссийской. Уже по одной той причине она не могла быть иной, что заодно с этими генералами против Красной Армии воевали иностранные интервенты, которые еще и снабжали белые армии всем необходимым. Антирусская война ведется и сейчас, и опять с помощью прямых и тайных интервентов вроде Горбачева и покойных Ельцина с Яковлевым. На их стороне — многие газеты, телевидение и спецкоманда Правдюка. Но ведь во всякой войне есть две стороны, к вашему сведению. И Красная Армия всегда защищала страну от антисоветских и антирусских сил.

* * *

Подобным свидетельствам юности ума и духа нет конца. Поэтому пока вернемся к вопросу о страстях правдюков как о движущей силе их фильма о войне, прежде всего, — об их ненависти. Главные объекты ее — коммунисты, Советская власть, Ленин, Сталин, маршал

Жуков и большинство высших военачальников Красной Армии. Да как же нам, русским патриотам, говорят, не подыхать от ненависти к коммунистам, коли у них была одна цель — уничтожить русский народ! (серия 65). А ведь едва ли не все командующие фронтами, армиями, почти весь офицерский состав были членами ВКП(б). «Вот почему мы славим не полководцев, а народ!» (серия 55).

Ну, правильно. Вот несколько убийственных и неопровержимых статистических данных о зверствах коммунистов. До революции в стране было 124 тысячи общеобразовательных школы, а к 1940 году коммунисты вздули их число до 200 тысяч. И это уже без Польши, Прибалтики, Финляндии. Зачем? Ясно, как Божий день: чтобы русские детишки, из которых раньше лишь часть училась, теперь бы чахли над книгами, тетрадями, над зубрежкой разных научных законов, правил да теорем. Число публичных библиотек за это же время коммунисты взвинтили с 14 до 95 тысяч. С той же русофобской целью: раньше люди на вольном воздухе лапти плели, а теперь портят зрение и сокращают свою жизнь за чтением. Такой же многоразовый рост учинили коммунисты и с больницами. Там-то, где разные шприцы да скальпели, пурген да касторка, легче всего человека к праотцам отправить.

Правда, смертность, особенно детская, в стране почему-то все-таки сильно уменьшалась, население, опять же безо всяких Польш, за семьдесят лет, несмотря на все тяготы и войны, необъяснимо вымахало от 150 почти до 300 миллионов, а продолжительность жизни загадочно взметнулась от 32 лет до 72.

Или взять такой факт. 1918—1919 годы. Самый разгар Гражданской войны. А в это время Большой театр 23 раза приезжает со своими спектаклями в уездный го-

родок Орехово-Зуево, Малый театр — 12 раз, МХАТ — 6. Вот изверги! Хотели задурить головы русским людям коммунистическим вздором Шекспира да Грибоедова, Гоголя да Островского, Мольера да Чехова…

Не верите приведенным цифрам? Расспросите писателя Владислава Бахревского, он человек осведомленный. Знает и о том, например, что основу хрестоматии по литературе для 3-го класса ныне составляют сочинения авторов, подобранных по какому-то загадочному признаку: М.Алигер, А.Барто, И.Бродский, В.Высоцкий, В. Драгунский, Ю.Мориц, О.Мандельштам, Д.Самойлов, Г.Сапгир, Б.Пастернак…

Нет, нет, есть и Тютчев — восемь строк, даже Твардовский — 6 строк. Видимо, такие хрестоматии одна из причин того, что министра образования Фурсенко писатель называет черным министром и национальным предателем. Таких эпитетов заслуживают и многие труженики эфира с русским взглядом. Тут важно подчеркнуть, что большинство названных в длинном списке поэтов, бесспорно, талантливы, интересны. Когда меня на моем вечере в ЦДЛ попросили прочитать по выбору одно стихотворение из русской классики и одно из советской поэзии, я с удовольствием прочитал «Пророка» Пушкина и «Гамлета» Пастернака. Но когда в школьном учебнике дается такая концентрация соплеменников Пастернака за счет русской поэзии, то это не что иное, как провокация антисемитизма.

* * *

А правдюки вот что еще с радостью поведали нам в антикоммунистическом раже: «В кубанском городе Ейске оккупанты сняли памятник Ленину…» Ну, не сняли,

конечно, а сбросили, свергли, разрушили, — так они поступали повсеместно, что вполне естественно для свиньи, влезшей в чужой огород. «А на его место, — продолжает единомышленник этих свиней,— поставили бюст Пушкина» (серия 50).

Могло это быть? Теоретически — а почему нет? В многомиллионной армии оккупантов мог сыскаться и такой уникум. Ясную Поляну фашисты изгадили, могилу Пушкина в Святогорском монастыре заминировали, но не успели при бегстве взорвать, музей поэта в селе Михайловском Псковской области разгромили, в городе Пушкине Ленинградской области памятник Ленину «сняли» и отправили на переплавку в Эйслебен, но нашлись рабочие, которые спасли его и потом вернули в СССР, а памятник поэту использовали там как мишень для тренировки в стрельбе (обо всем этом в 90-серийном фильме — ни слова). Ну, а вот в Ейске кому-то из фашистов взбрело в голову отчубучить такое. Но что дальше?

А дальше Правдюк, восхищаясь оккупантами и стыдя сограждан, сказал голосом, дрожащим от восторга и гнева: «Пушкин против Ленина!.. Оккупанты сделали то, на что мы не отваживаемся до сих пор! Мы не можем убрать с наших русских улиц и площадей самого злейшего врага русского народа, истребителя и ненавистника русского народа…»

Я не из ленивых. Я обратился в Ейский историко-краеведческий музей с просьбой сообщить, каковы были итоги фашистской оккупации города. Директор музея Н.К. Выприцкий 19 декабря 2005 года в письме № 117 сообщил, что за время оккупации с 9 августа 1942 года по 5 февраля 1943-го от рук захватчиков погибло около 400 мирных жителей. 9—10 октября зон-

деркоманда СС 10-А умертвила в душегубках 214 больных девочек и мальчиков детского дома в возрасте от 3 до 15 лет. (Об этом жутком факте, называя ту же цифру, упомянул и маршал А.А. Гречко в книге «Битва за Кавказ» (М., 1967. С.209). Кроме того, в семи километрах от города, в Садах и в районе аэродрома, после освобождения было обнаружено 69 зарытых трупов: 20 мужчин, 12 женщин, остальные дети от 1 года до 16 лет. Ущерб хозяйству городов в ценах 1943 года составил 6 212 000 рублей.

Вы понимаете, сочинитель, что означают все эти цифры и как вы со своим фашистом-пушкинистом выглядите на их фоне? Если не понимаете, то поясню. Я принял вашу крайне маловероятную байку о памятнике Пушкину. Так примите и вы мою гораздо более правдоподобную и вероятную версию: как раз против этого памятника фашисты и расстреливали жителей города.

А в последнем пункте своего письма тов. Выприцкий сообщал: «Памятники Ленину, установленные в городе в годы Советской власти (на Театральной площади и у Станкостроительного завода), стоят до сегодняшнего дня».

Надо полагать, правдюки ринулись бы ватагой туда свергать памятники, но разве дело только в Ейске! Памятники Ленину стоят в Москве и Ленинграде, в Дмитрове и Кашине, в Новосибирске и Курске, Екатеринбурге и Омске, Воронеже и Саратове, Ставрополе и Оренбурге, Брянске и Туле, Чебоксарах и Элисте, в Твери и даже на родине правдюкского любимца Собчака — в Чите и во многих других городах.

Мало того! В последнее время поставили вновь или возродили памятники Ленину во многих небольших городах и поселках: тут Сургут (Ханты-Мансийский АО),

Белый (Тверская область), Качуг и Усть-Кут (Иркутская область), Новотроицк (Оренбургская область), Кильдинстрой (Мурманская область), Боборыкино (Челябинская область), Сангар (Якутия)… А в знаменитом алмазном городе Мирный в прошлом году вознеслись прекрасные памятники и Ленину, и Сталину. В Орле без труда собрали деньги на памятник Сталину, идет сбор подписей за его сооружение, но, конечно, сыскался местный Правдюк по фамилии Шкурятин (замглавы администрации города), который ложится костьми поперек народной воли.

И если памятники царю Николаю или американскому наймиту Колчаку ставят власти или олухи, то Ленину, Сталину — простой народ, трудяги, такие, например, как бульдозерист Николай Андреевич Дьяконов из Боборыкино, как Николай Иванович Алексеенков и его жена Тамара Ивановна, жители Белого, которые откопали во рву брошенный местными правдюками бюст, отмыли, поправили, покрасили под бронзу и установили на своей улице Желтые Пески. И вблизи — представьте! — скоро поселились аисты, а к боборыкинскому Ленину в день свадьбы приходят сфотографироваться молодые. В Усть-Куте не бюст, а огромная фигура в три с лишним метра на двухметровом постаменте.

А ведь еще стоят памятники ненавистному правдюкам Дзержинскому в Ленинграде на Шпалерной, в Минске, а в Москве на Петровку, 38, возвращен его бюст…

Правдюки небось думают, что эти памятники ставят пенсионеры, вроде них, да отставники. Нет, отнюдь не всегда. Вот 27 октября прошлого года на Старую площадь в Москве, где обитает ныне никому ранее неведомый Полтавченко, получивший известность только после своего холуйского выступления в паре с Матвиенко

за ликвидацию Мавзолея, явились активисты Авангарда Красной Молодежи (АКМ). Они несли портрет этого Полтавченко и транспаранты: «Только тронь, ползучий гад, — заживо отправим в ад!», «Ленин жив, а власть мертва, — ясно всем, как дважды два».

А тут еще «Советская Россия» сообщила, что телевидение Томска провело опрос зрителей, как они относятся к установленным в городе памятникам Пушкину, Чехову и Ленину. Так представьте себе, последний из названных с большим отрывом занял первое место по симпатии — 1063 голоса, что для областного города огромная цифра.

К тому же, в популярных газетах появляются письма вроде того, что прислал из Чебоксар деникинцу Никите Михалкову, магистру ритуальных услуг, Юрий Бусов: «Вы всегда жили лучше меня, ваш отец, Герой Труда, и ныне жив, а мой погиб, защищая Родину. Вы в восемнадцать лет снимались в кино, а я с восьми лет пахал, сеял, собирал урожай, а ел иной раз лебеду да крапиву, но выжил. Я 17 лет в армии прослужил. А вы сколько? У меня трудовой стаж 40 лет, а пенсия — 2400. А вы сколько гребете? Мои брат и сестра получили образование, и квартиры нам достались без копейки. На своем «Запорожце» я не раз ездил к друзьям в Сухуми, теперь это — как сон. Вы, гнида, сейчас глумитесь над Лениным и теми, кто похоронен у Кремлевской стены. Но если вы, Познер да Сванидзе, Полтавченко да Матвиенко, Гайдар да Жириновский попытаетесь снести Мавзолей, я позову с собой тысячу друзей-единомышленников, мы явимся в Москву, и мало вам не покажется. Мы будем защищать Мавзолей до последнего вздоха. Я лягу костьми перед Мавзолеем. А если случайно встречу вас (а личность-то ваша всем глаза намозо-

лила), горло вам перегрызу. Я еще не стар. Так что только попробуйте…»

Думаю, правдюки, вы тоже получили уже такие весточки.

* * *

Недавно Немцов и Сорокин пророчествовали: «Россия страна мистическая. Все наши беды — от Мавзолея и памятников Ленину. Как только (по примеру фашистов. — *Авт.*) снесем их — так страна и воскреснет и расцветет!»

Это их мечтания. Но вот факты. В Сталинградской области в Нехаевском районе есть колхоз им. Ленина, который уже тридцать лет возглавляет коммунист Яменсков Георгий Васильевич. В центре села стоит памятник Ленину. И что же? Колхоз процветает. Как в советское время работают детский сад, школа, Дом культуры, баня, водопровод, хлебопекарня. В этом году планируют собрать не менее 100 тысяч центнеров зерна. Это сколько же приходится на каждого из 1200 едоков? А кругом разруха, деградация, вымирание. Из гибнущих соседних деревень люди приходят к Яменскову и умоляют: «Христа ради, возьмите к себе!» Это значит, под коммунистическо-колхозное, под ленинское крыло. Вот бы послать в этот колхоз правдюков топить баню или стадо пасти...

А еще есть примечательный колхоз в селе Торбаево Касимовского района Рязанской области, о котором недавно рассказал в «Правде» Анатолий Никитин. Его двадцать лет возглавляет Татьяна Михайловна Наумова. Это 370 тружеников, 5300 гектаров пашни, 59 тракторов, 40 автомашин, 3500 голов крупного рогатого ско-

та, производят в основном картофель да молоко, остальное — невыгодно. Зарплата колхозников 7100 рублей, но у механизаторов, доярок и телятниц доходит до 8—10 тысяч. И школа есть, в которой учатся 225 девочек и мальчиков, и детский сад есть, где подрастают ныне 42 юных персоны, а плата за каждую чисто символическая, как в Советское время. А не сегодня — завтра пойдут в детсад еще 36 юных душ, родившихся за последний год.

К чему это я? А к тому — чтоб вас, правдюки, вместе с Немцовым да Сорокиным приподняло да шмякнуло! — колхоз-то опять имени Ленина. И в Рязанской области сыскались, конечно, правдюкообразные, которым это спать не давало, а когда засыпали, то снилось им, что колхозу дали имя Абрамовича и перед правлением поставили памятник Хакамаде в позе Екатерины Второй, как ее в последний час ее жизни изобразил Пушкин. Но когда, говорит Татьяна Михайловна, колхоз стал одним из лучших в области, продукция его стала известна и за ее пределами, название хозяйства стало, как ныне модно говорить, узнаваемым брендом, только тогда дюкообразные угомонились. Вот так: имя Ленина — бренд, знак качества!

И это несмотря на свиное рыло демократии: в Советское время колхоз сдавал молоко по 24 копейки за литр, а бензин стоил 6 копеек, сегодня молоко сдается по 6 рублей, а за бензин надо платить 20 рублей. Т.е. раньше молоко было в четыре раза дороже бензина, и это было закономерно, естественно, а теперь бензин в три с лишним раза дороже молока. Это — нынешняя ельцинско-путинская экономика — разум, вывернутый наизнанку Гайдаром и Чубайсом, Грефом и Кудриным.

Татьяна Михайловна добавляет: «Раньше за комбайн надо было сдать 100 тонн пшеницы, а ныне — почти в

10 раз больше, трактор «Беларусь» можно было приобрести за трех бычков, теперь — требуется чуть ли не целое стадо. И так во всем: соотношение цены колхозной продукции с промышленной стало в 8—10—12 раз неблагоприятнее, чем в критикуемое время». Кем критикуемое, вернее, проклинаемое? Да всей этой компашкой от Путина до Правдюка.

Но я не мистик, дело, конечно, не только в имени Ленина, а в ленинском трезвом взгляде на вещи. Татьяна Михайловна рассказала, что преодолевать злобно-хищное невежество демократов с их рынком и сделать жизнь в колхозе еще лучше, чем в Советское время, удалось благодаря тому, что, во-первых, когда началось гайдаровско-чубайсовское рыночное беснование, колхоз не бросился очертя голову в рынок, в приватизацию, не выдавал зарплату бычками, а все сохранил: всю технику, весь скот, а главное — дисциплину, советский порядок, т.е. общественное хозяйство, как основу жизни и благополучия. Словом, поступили они в своем колхозе так же, как батька Лукашенко — в целой республике: что было хорошего в Советское время, сохранил и приумножил, что мешало — ликвидировал, и в итоге республика тоже превзошла советские показатели и живет лучше, чем все остальные бывшие республики СССР.

Надо надеяться только на собственные силы, говорит Татьяна Михайловна. А все эти «национальные проекты», с которыми Медведев носится по стране, — сотрясение атмосферы. Ну, в самом деле, «объем средств, выделяемых по проекту на сельское хозяйство, составляет только 1% от необходимого. Это все равно, что, скажем, доярке на группу коров требуются 100 кг комбикормов, а ей обещают когда-то подвезти 1 кг в кра-

сивой упаковке. И уже почти год говорят только о том, как бы этот щедрый килограмм не разворовали».

Но дело не только в этом. Все эти нацпроекты составляли люди, у которых вместо души — доллар. Пошлите любого из них на рентген — убедитесь. Они все, абсолютно все сводят к деньгам. Вот и думают, что если, например, посулить женщинам некую сумму, то они немедленно начнут рожать двойни и тройни даже без зачатия, а по причине одного лишь финансового энтузиазма. И так мы превзойдем по населению США, Индию, а потом и Китай.

И теперь представьте себе, что в Кремле и в Доме правительства сидят люди из этих двух колхозов им. Ленина: в кресле президента — умница Яменсков Георгий Васильевич, глава правительства не отмахавший на радость абрамовичам два президентских срока Путин, а энергичная, знающая дело Наумова Татьяна Михайловна, министром экономики не жидкобородый Иоахим фон Греф неизвестного бога, а главный экономист колхоза православная Лузина Нина Павловна, министром сельского хозяйства не тихоголосый учитель ботаники Гордеев, а главный агроном Захаров Владимир Павлович… Словом, на месте скорбных умом и пустозвонов оказались бы умные, деятельные, а главное — любящие свою родину люди. Страна сразу бы воспрянула! Сразу! Безо всяких нацпоцпрограмм.

…Можно себе представить, в каких корчах катаются правдюки по полу в одной куче с Карякиным, Марком Захаровым и Новодворской, когда узнают о памятниках Ленину, Сталину, Дзержинскому, о колхозах, что упомянуты выше.

Знойным летом 41-го года в «Правде» было напечатано стихотворение Степана Щипачева:

Из бронзы Ленин. Тополя в пыли.
Развалины разбитого вокзала.
Под вечер немцы в городок вошли
И памятник низвергли с пьедестала.

А утром правдюковский генерал
Взглянул в окно и задрожал от страха:
Как прежде, Ленин бронзовый стоял,
Незримой силой поднятый из праха.

Это та самая сила, которая держит Сталинградский и Рязанский колхозы им. Ленина.

* * *

Но вернемся к нашим персонажам. Из главной, всеохватной их ненависти к коммунистам и Советской власти вытекает их субненависть к советской истории, в том числе к истории Великой Отечественной, т.е. к тому, как они написаны и известны. Почему? А потому, говорят, что писали историю чекисты «и выдали нам такую историю, в которой нет ни капли правды».

Какие чекисты? Вот фундаментальная двенадцатитомная «История Второй мировой войны». Беру 3-й хотя бы том, вышедший в 1974 году. Тут список членов редакционной комиссии: маршал Гречко, генерал армии Штеменко, министр иностранных дел Громыко, академики Румянцев и Нарочницкий, много других известных, авторитетных людей. Конечно, в огромном издании есть и упущения, и ошибки, и другие недостатки, но кто тут чекист, кто истреблял любую каплю правды? Все они, что ли, «десятилетиями кормили народ изощренной ложью»? Да, говорят, они, но и многие другие, на-

пример, маршал Жуков — «бездарный полководец, объявленный у нас символом победы» (серия 88).

Конечно, тут сразу хочется кое-что молвить о Г.К. Жукове, предварительно спросив: да неужто он как полководец бездарней, чем правдюки как журналисты? Однако прежде надо прояснить, каково представление наших просветителей о родине, Красной Армии и о вермахте, об их генералитете, закономерно поинтересоваться, что они думают о характере, о самой сути войны, о цели? И тут нас ожидают новые грандиозные открытия.

Мы всегда знали, что это была война за свободу и независимость нашей родины или, как сказал поэт, «ради жизни на земле». Ничего подобного, заявляют эти трое: «Война была, прежде всего, классовой войной двух идеологий, в которую коммунисты ввергли наш народ» (серия 64). Красная Армия, объявляют нам, начала войну под знаменами с девизом «Коммунистического манифеста»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (серия 35).

Это безграмотное вранье людей, которые никогда в жизни не только не ходили под боевыми знаменами своей родины, но и не видели их. Тогда кто же это им внушил — не литературный ли ефрейтор Радзинский? Идеологии, наша и фашистская, были, разумеется, прямо противоположны, но ефрейтор наврал: не было на наших знаменах цитаты из «Манифеста».

Война, говорят они, была до такой степени идеологической, что «перед идеологией военная целесообразность не имела никакого значения» (серия 64). Например, один из правдюков уверяет, что весной 1944 года Крым почему-то не имел никакого военного значения, но немцы отчаянно цеплялись за него. Почему? Только

ради того, чтобы сохранить идейно-политический престиж в глазах Турции и Румынии. А мы почему рвались в Крым? Не потому, что хотели скорей освободить еще один советский край и новые тысячи советских людей от фашистского гнета, а опять же исключительно по соображениям идеологического престижа, — чтобы подтвердить слова товарища Сталина: «Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять!» (У Сталина — «трудящиеся и большевики»). А Ленинград мы защищали так упорно только потому, что это «колыбель революции», да? Сталинград немцы так бешено стремились захватить лишь по той причине, конечно, что он носил имя нашего вождя и т.д. Боже милосердный, какой вместительный сосуд — человеческая голова! Сколько вздора может в ней поместиться и долгие годы оставаться там в состоянии, всегда готовом после взбалтывания к употреблению.

Но вот на рассвете 22 июня, разорвав два государственных договора с Советским Союзом, фашистские орды вломились на нашу землю и обрушили тысячи бомб на спящие города. Ах, как можно так выражаться! И правдюки предпочитают так: «Части вермахта пересекли советскую границу». Как финишную ленточку. Это совсем недавно слышали мы по телевидению: «Израильские военнослужащие пересекли ливанскую границу...»

Но вот одно из главных правдюковских открытий: «Война против СССР была для Германии поначалу второстепенной военной кампанией на пути к разгрому Англии. Гитлер стремился к уничтожению СССР только как будущего союзника Англии».

Правдюк, сколько же вам все-таки лет? Ведь, кажется, уже скоро семьдесят. Как вам в таком возрас-

те удалось сохранить трогательную девственность ума? Неужели никогда не слышали, что еще в своей «Майн кампф» в начале 20-х годов Гитлер заявил о намерении добыть Lebensraum для Германии прежде всего именно за счет России. А какой Lebensraum можно было добыть в Англии? С другой стороны, И. Фест в трехтомной книге о Гитлере отмечал, что «он неизменно придерживался разработанной в начале 1923 года концепции союза с Англией». А известный немецкий генерал Г. Блюментритт, лично общавшийся с Гитлером, пишет, что тот с восхищением говорил о Британской империи, о необходимости ее существования. А Дюнкерк? Там в июне 1940 года Гитлер имел полную возможность уничтожить 200 с лишним тысяч солдат и офицеров разбитого английского корпуса во Франции, а заодно и тысяч 150 французов с бельгийцами, но он в расчете на веский козырь в мирных переговорах с Англией дал возможность всем им бежать через Ла-Манш на остров. А прямые предложения Англии мира, с которыми Гитлер выступал в рейхстаге? А запись Геббельса в дневнике 9 июля 1940 года: «Вопреки всему (англичане уже бомбили Германию. — *Авт.*), к Англии у фюрера положительное отношение». И там же 9 августа: «Все же враг № 1 в мире — большевики». А перелет Гесса 5 мая 1941 года в Англию за полтора месяца до нападения на Советский Союз — уж это ли не последняя отчаянная попытка поладить с Англией или даже привлечь ее в союзники против СССР! С нами же Гитлер не желал говорить о мире даже тогда, когда мы стояли у ворот Берлина. Мало того, и в своем политическом завещании за несколько часов до смерти фюрерок писал: «И впредь целью немецкого народа должно оставаться завоевание пространства на Востоке» (*И. Фест.* Гитлер. М., 2006, с. 588).

* * *

Эта блаженная троица просто не имеет никакого представления, что такое была война, о которой они больше года точили лясы на глазах миллионов сограждан.

Тут нельзя не вспомнить их размышлизмы и о том, что Япония, когда шла война, запросто могла отхватить у нас Дальний Восток и Сибирь до Омска, но, видите ли, — зачем ей этот Lebensraum? Ведь нефть еще не была открыта, а Стране восходящего солнца (именно так они величают бандитку той поры) нужна была только нефть и ничего больше.

Лютая чушь! Будто Сибирь это пустыня Сахара. Во-первых, нефть уже давно добывалась на Северном Сахалине, и в 1942 году был проложен нефтепровод Сахалин — Комсомольск-на-Амуре, где построили нефтеперерабатывающий завод. А владивостокский «Дальзавод», изготовлявший боеприпасы? А заводы «Дальдизель», «Дальсельмаш», «Энергомаш», «Амурсталь» в Хабаровске и области? А угольные шахты в Сучане и Артеме? И все это ничуть не интересовало воевавшую Японию, почти не имеющую природных богатств?

А сибирское золото, алмазы, лес, пушнина да, наконец, рабочая сила, просто земля, хотя бы северная половина Сахалина — все это японским воякам тоже было до лампочки? Так чего ж они так настырно лезли к нам в 1904-м, в 1918-м, в 1938-м и в 1939-м годах, когда край был далеко не так возделан и освоен? Примечательно, что возможность отпора японцам этим патриотам даже не приходит в голову. А ведь там стоял в полной боевой готовности Дальневосточный фронт, который хотя

и отправил на запад 23 дивизии и 19 бригад, но кое-какие силенки для отпора сохранил.

Правдюки еще и уверяют, что Япония не напала на нас в критический момент войны с Германием не благодаря урокам, полученным ею на Хасане и Холхин-Голе, не потому, что Дальневосточный фронт стоял на стороже, — нет! В этом, оказывается, «важная роль принадлежит Америке» (серия 83).

Каким образом? А вот: «Когда у Японии запасов нефти осталось на три с половиной месяца, произошло неизбежное (!) — нападение на Перл-Харбор». И много они там получили нефти? «Японский меч вынужден (!) был обратиться против американцев».

Так что японцы были никакие не агрессоры, их вынудили к войне. Кстати, и немцы ни в чем не виноваты, это советское руководство ввергло страну во Вторую мировую (серия 87).

* * *

Да знаете ли вы, говорят нам правдюки, что «война не сразу стала Отечественной»! В таком духе, между прочим, твердит и известный Гав. Попов, их брат по разуму, в своей недавней книге «Три войны Сталина» (М., Агентство «КРПА Олимп»): война сперва была советской, коммунистической, классовой и только потом стала Отечественной (стр. 5). А в лужковском потешном парадике войну изобразили вообще не имевшей никакого отношения к советской власти, и о роли в ней коммунистов, три миллиона которых сложили голову в боях, — ни слова.

Но организаторы лужковского действа имели неосторожность пригласить на Красную площадь участников

того великого Парада, и они сильно подпортили им задуманную благостную музычку. Корреспондент спрашивает Ивана Угрюмова: «Проходя по площади, что вы видели? Что вам запомнилось?» И ответил Иван: «Мы видели только Сталина!» — «Да как же так! — суется шустрый журналист. — Ведь шел снег!» — «Как? — сказал Иван. — А ты у него спроси. Ведь он тут лежит, рядом».

Журналюга кинулся к стоявшему возле Василию Михайловичу Лагодину, видимо, надеясь поправить свои тухлые дела, но угодил из огня да в полымя. Дед Василий — в чем душа русская держится — возьми да врежь: «Ко мне лично обращался Сталин с Мавзолея: «На вас смотрит весь мир как на силу, способную сокрушить фашизм!» Всей армии, всему народу и мне лично он сказал: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Козьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»

Начинающие, но очень перспективные болваны Пивоваров и Якименко с НТВ дружно объявили, что приведенным напутствием «Сталин опрокинул всю советскую идеологию, считавшую перечисленных им полководцев эксплуататорами и врагами трудового народа».

Идиоты! Это они начитались Зюганова. А на самом деле, как я уже говорил, к тому времени об этих полководцах было создано множество советских поэм, романов, фильмов, спектаклей, картин.

Но ведь тут не вся сталинская цитата, дальше там так: «Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!» Об этом лихие пивовары умолчали, конечно, а дед Василий — святая душа! — и тут не сробел — вмазал: «… Знамя великого Ленина!» Эфир-то прямой был, но вечером при повторе бесстрашного ветерана как сквозь строй пропустили, узнать было нельзя.

* * *

Но вернемся к уверениям правдюков, что война не сразу стала Отечественной. Это почему же? А потому, говорят, что «народ не хотел воевать» (серия 88). Что, мужики не являлись на призывные пункты, сорвали мобилизацию? Ничего похожего: получали повестки, распивали с родными и друзьями пару поллитровок и шли. А сотни тысяч — добровольцами. 36 дивизий народного ополчения влились в Красную Армию. Из них 26 прошли всю войну, а 8 стали гвардейскими.

Да, говорят нам, но многие сдавались в плен. Что ж, это бывает во всех войнах, но вы, читатель, полюбуйтесь: наши у них сотнями тысяч «сдаются в плен» (хотя бы серия 40), а вот 32 тысячи англичан в Тобруке «попали в плен» вместе с огромными запасами оружия, горючего и амуниции (серия 41). И 70 тысяч тех же англичан в Сингапуре, имея против себя лишь 35 тысяч японцев, тоже «попали в плен» к ним, хотя в обоих случаях были все даже формальные черты позорной сдачи: белый флаг, подписание капитуляции и т.д.

Мы не хотели воевать? Предвидя появление и внебрачное размножение правдюков, маршал Рокоссовский, возглавивший в ту начальную пору группу войск, писал: «Мы пополнили полки 38-й дивизии полковника М.Т. Кириллова собранными в дороге людьми. Такого пополнения с каждым днем становилось все больше. Узнав, что в районе Ярцево находятся части, оказывающие сопротивление немцам, люди сами потянулись к нам. Прибывали целыми подразделениями или группами. Мне представляется важным засвидетельствовать это, как очевидцу и участнику событий. Многие части пере-

живали тяжелые дни. Расчлененные танками и авиацией, они были лишены единого руководства. И все-таки воины этих частей упорно искали возможность объединиться. Они хотели воевать». Правдюки же, конечно, улизнули бы. Вот и судят по себе.

А что касается высокого имени войны, то она получила его буквально через несколько часов после ее начала в выступлении по радио В.М.Молотова: «В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение. То же будет и с Гитлером. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную Отечественную войну». И Сталин в речи по радио 3 июля тоже напомнил нашествие Наполеона, а в конце сказал: «Мы должны поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы грудью защищать свою свободу, свою честь, свою родину в Отечественной войне с германским фашизмом… Все силы народа — на разгром врага! Вперед, за нашу победу!»

А эти ковыряльщики в носу уверяют, что только «после Сталинграда впервые (!) за все время войны появились выраженные оптимистически настроения (!) относительно конечного исхода советско-германского противостояния». Господи, язык-то какой! Две великих державы сошлись в схватке не на жизнь, а на смерть, а у них — «противостояние». Они говорить-то по-русски не умеют! Ни запаха, ни цвета, ни звука русского слова не чуют.

И долдонят, что мы поверили в победу лишь в феврале 1943-го, а до этого и думать не смели, сражались неизвестно зачем, время тянули. И вот еще довесок к их уму: «После Сталинградской победы Сталин не скрывал (!) своей уверенности в конечном успехе». А до этого, видите ли, тщательно таил ото всех…

Какими же прощелыгами надо быть, чтобы разглагольствовать об Отечественной войне, даже не прочитав два исходных и основополагающих исторических документа о ней, о которых я упомянул.

* * *

По уверениям самих правдюков, они приступили к фильму «Вторая мировая», имея благороднейшую цель «протоптать хоть узенькую тропинку правды в океане советской лжи».

Вы видели тропинку в океане? И тут, пора внятно сказать, что ничего русского в их взгляде на войну нет, это взгляд из Берлина, из министерства пропаганды Третьего рейха, о чем свидетельствует прежде всего сам их язык. Мы то и дело слышим такие речи: «В начале войны на востоке (!) генерал Власов командовал 4-м механизированным корпусом»… «В марте 43-го года на Восточном (!) фронте создалось равновесие»… «Война на востоке (!) была жестокой» и т.п.

Разумеется, для немцев это был восточный фронт, война на востоке, поскольку у них был еще и западный. Но для нас это был фронт единственный. А вот вам еще и такое: «3 февраля 1943 года весь мир услышал о Сталинградской катастрофе (!)». Вы только подумайте, для советских людей, для всех, кто боролся против фашизма, это была великая победа, весь мир ликовал, а для мысленно сидящих в гитлеровском Берлине правдюков — катастрофа.

А с каким пафосом, каким высоким слогом да ведь, пожалуй, и с восторгом они сообщают о действительных или мнимых удачах немцев: «Корпус Хауса стер с лица земли две советские дивизии!» О своих соотечест-

венниках — как о нечисти, получившей то, что она заслуживает…

Много они увидели из Берлина даже такого, чего до них никто не видел. Например, братание советских солдат с гитлеровцами! Это где же? Когда же? С чего? А в Севастополе, говорят. Правдюк, должно быть, сам видел, он оттуда родом.

А уж как нашим солдатам в фашистском плену было распрекрасно, что когда их в ходе наступления наши войска освобождали, то они не хотели этого и бежали обратно в плен. Вот, говорит, «после освобождения Феодосии 8 тысяч наших пленных не поспешили в объятья своих, а организованным маршем двинулись в Симферополь в немецкий плен вторично» (серия 35). Поспешили в объятья Гиммлера. До такого гнусного вранья даже Солженицын не доходил, казалось бы, уж абсолютный чемпион бесстыдства.

Между прочим, в Феодосии находился спецлагерь НКВД № 187, в котором проходили проверку наши освобожденные пленные. В июле — декабре 1944 года их там было 735 человек, и все до одного остались живы (*Игорь Пыхалов.* Клеветникам России. М., «Яуза». 2006. С. 357).

Я упоминал о том, как наших пленных расстреливали и топили на баржах в Севастополе, родном Правдюку. Много можно сказать о судьбе советских пленных и еще, но я ограничусь несколькими цитатами.

Жительница Керчи П.Я. Булычева показала: «Я неоднократно была свидетельницей того, как гнали по улице наших военнопленных, а тех, кто из-за ранений или слабости отставал от колонны, немцы пристреливали тут же, на улице. Я несколько раз видела эту страшную картину. Однажды в морозную погоду гнали груп-

пу измученных, оборванных, босых людей. Тех, кто пытался поднять куски хлеба, брошенные им горожанами, немцы избивали. Тех, кто под ударами падал, пристреливали» (Нюрнбергский процесс, т. 4. с.121).

Правдюки, уверяющие, что немецкий плен был чем-то вроде санатория, из которого не хочется уходить, могут, конечно, как, допустим, и Новодворская, сказать: «А кто эта Булычева? Поди, большевичка. Или заставили ее, вот и наплела».

Допустим, большевичка. Но вот что в январе 1942 года заявили более шестидесяти немецких пленных лагеря №78 в обращении к Красному Кресту по поводу известной ноты наркома иностранных дел В.М. Молотова: «Описанные в ноте жестокости мы считали бы почти невозможными, если сами не были бы свидетелями подобного зверства» (там же, с. 125). Бесстыжие русофобы и на это могут сказать: «Так это ж пленные. Конечно, заставили!»

Да, пленные, но уж, по крайней мере, не большевики. Но вот еще один документик — письмо от 28 февраля 1942 года: «Большевизм должен быть повергнут. Военнопленные должны на собственном опыте убедиться, что национал-социализм хочет и в состоянии обеспечить им лучшее будущее. Они должны вернуться на родину с чувством восхищения и глубоко уважения перед Германией». Все это близко к тому, что проповедуют правдюки.

Но дальше совсем иное: «Поставленная цель пока не достигнута. Напротив, судьба советских военнопленных является трагедией огромного масштаба. Из 3,6 миллиона военнопленных в настоящее время только несколько сотен тысяч являются работоспособными. Большая часть их умерла от голода или погибла из-за суровых

климатических условий, тысячи умерли от сыпного тифа. На территории Советского Союза местное население готово доставлять продовольствие пленным. Однако в большинстве случаев начальники лагерей запрещали передавать пищу и обрекали заключенных на голодную смерть. Во многих случаях, когда пленные не могли на марше идти вследствие истощения, их расстреливали на глазах охваченного ужасом населения, и тела их оставались брошенными». Последние фразы это почти дословное повторение того, что говорила Булычева.

Наконец: «Во многих лагерях пленные лежали под открытым небом во время дождя и снегопада. Им даже не давали инструментов, чтобы вырыть ямы или пещеры. Можно было слышать такие высказывания: «Чем больше пленных умрет, тем лучше для нас». Вследствие этого широко распространился сыпной тиф как в самом вермахте, так и среди гражданского населения на исконных территориях рейха. Так что и германская экономика, и военная промышленность должны страдать из-за ошибок в обращении с пленными. Эти соображения должны дать основу для новой политики по отношению к военнопленным, которая в большей степени соответствует нашим военным и гражданским интересам. Вся пропаганда окажется напрасной, если страх перед пленом больше, чем перед смертью на поле боя» (там же, с. 214—215).

Кто же он, этот шкурный заботник о советских военнопленных как о рабочей силе для немецкой экономики? Удивительное дело! Сам Альфред Розенберг, теоретик расизма, духовный наставник Гитлера, министр по делам оккупированных восточных территорий. И кому же он писал, кого уговаривал, кого пугал эпидемией

сыпного тифа? Еще удивительней! Вильгельму Кейтелю, начальнику штаба Верховного командования, правой руке, холую Гитлера, которого военные за глаза звали Лакейтель. Тому самому, который еще 23 июля 1941 года издал по армии приказ, где говорилось, что в России «всякое сопротивление будет караться не по суду, а путем системы террора». И требовал: «Командиры должны выполнять этот приказ путем применения драконовских мер» (там же, с. 77).

Для вас, правдюки, все это новость? А вот это? — «Молодечно. Русский тифозный лагерь военнопленных. 20 тысяч человек обречены на смерть. В других лагерях, расположенных в окрестности, хотя там сыпного тифа и нет, много пленных ежедневно умирает от голода. Лагерь производил жуткое впечатление».

А что скажете о таких, например, делах фашистских бандитов? «Среди казненных и сожженных в крематориях было около 20 тысяч русских военнопленных, привезенных гестапо воинскими эшелонами под охраной».

Это не из выводов советской Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию фашистских злодеяний, не из учебника истории Советского времени, не из фильма «Освобождение», которым вы, разумеется, не верите. Нет, это говорили и писали сами немцы. И какие! Первая цитата — запись от 14 ноября 1941 года в дневнике генерала Франца Гальдера, начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта. Вторая — из показаний 15 апреля 1946 года на Нюрнбергском процессе привлеченного в качестве свидетеля Рудольфа Хесса (не путать с Гессом), который с 1 декабря 1943 года был комендантом Освенцима.

* * *

Так вот, глядя из Берлина на Восточный фронт, эти трое правдюков сгребли все наши ошибки, промахи, трудности, трагические неудачи, поражения, потери, щедро добавили лживых выдумок и — злорадствуют, и глумятся надо всем этим: «Лихой маршал Тимошенко рвался наступать... Словесная активность Тимошенко импонировала Сталину» (серия 38)… «Все советские генералы мечтали кого-нибудь разбить» (серия 35)… «Сталин вознамерился» (серия 60)… «События на фронте должны были остудить воинственный пыл Ставки» (серия 36)… «Гул победы исчез» (серия 47)… «В германском Генштабе смотрели фильм «Разгром немцев под Москвой». Интересно бы узнать их мнение» (серия 36)… Дескать, как они, должно быть, смеялись, ибо никакого разгрома-то не было и т.п.

Так писал Геббельс, и это понятно: он же был уверен в немецкой победе. Но эти-то хлюсты знают, что да, наши генералы рвались наступать, мечтали разбить и ведь наступали же до самого Берлина и разбили же, — и все-таки они ерничают, довольно потирают ручки, хихикают, хрюкают.

Красную Армию они именуют феодальной армией азиатской деспотии и презрительно сопоставляют не только с гитлеровской, но и с дореволюционной «императорской армией», и в обоих случаях — к великому позору для нас, советских людей.

Ах, императорская! Разве, например, можно вообразить, чтобы там кто-то кого-то ударил. Ни боже мой!.. Господи, значит, уже выросло поколение, которое не только Станюковича и Куприна, но даже «После бала»

Толстого не знает. Ведь там уставные, узаконенные его величеством шпицрутены гуляют по спинам бредущих сквозь строй солдат под их нередко и предсмертные стоны: «Братцы, помилосердствуйте! Братцы!..» А ведь эти писатели в отличие от правдюков служили в императорской, знали ее. Да загляните хотя бы и в «Очерки русской смуты» Деникина. Уж он-то все знал доподлинно.

Деникин пишет не только об узаконенных наказаниях от розог до расстрела, но и о жалком существовании офицерства: «Среди служилых людей с давних пор не было элемента настолько обездоленного, настолько необеспеченного и бесправного, как рядовое русское офицерство. Буквально нищенская жизнь, попрание сверху прав и самолюбия; венец карьеры для большинства — подполковничий чин и болезненная полуголодная старость».

А еще и такая напасть: «Кадровое офицерство в большинстве разделяло монархические убеждения и было лояльно. Несмотря на это, после японской войны, как следствие первой революции, офицерский корпус был взят под особый надзор департамента полиции, и командирам полков периодически присылались черные списки, трагизм которых заключался в том, что оспаривать «неблагонадежность» было почти бесполезно» (Очерки русской смуты, гл. 1). Послужить бы этим патриотическим лоботрясам хоть годок в обожаемой «императорской», отведать бы им хоть разок березовой каши.

Но они, напомнив, что некоторые наши генералы действительно поживились за счет трофеев в Германии, продолжают верещать: «Можете ли вы себе представить, чтобы русский генерал, будучи пущен на постой, стащил серебряные ложки, картины, гобелены?» Вот оно что! Они считают, что Красная Армия пришла

на постой в Германию. Опять приходится просвещать: мы пришли из разоренной немцами родной земли, где они оставили миллионы убитых наших детей, жен, родителей, где они разграбили все, что только могли — от Янтарной комнаты до чернозема Воронежской области. И наши генералы, уличенные в злоупотреблении, были сурово наказаны, а кто наказал хотя бы похитителя Янтарной комнаты? Он даже неизвестен до сих пор. А ведь ясно же, что генерал. В то же время можно ли представить советского генерала, который после взятия вражеского города разрешил бы солдатам несколько дней грабить его и вытворять что угодно. Увы, среди императорских генералов такое случалось…

* * *

Что еще о Красной Армии? А еще говорят, генералы в большинстве бездарны (серия 82), «подготовка комсостава была хуже некуда» (серия 88), «основным критерием (?) краскомов был партейный (!) стаж, холуйство и преданность» Интересно! У немцев — отменные потомственные профессионалы, участники Первой мировой, а у нас — бездарные хуже некуда генералы. А еще, говорят, во время войны у нас было 2952 генерала, а в США только 1065. Позор!.. Да ведь то были совершенно разные войны, умники. На американскую землю не упали ни один снаряд, ни одна бомба, не ступил ни один солдатский сапог. И все потери у них составили что-то около 300 тысяч человек. А у нас?.. Неужто и этого не соображаете?

А 143 генерала, говорят, вообще не имели военного образования. Ну, это вполне возможно: были же генералы и интендантской, и медицинской, и ветеринарной

службы — зачем им учиться в Академии Генштаба? Но другие-то… И опять недоумение: вот эти несчастные «хуженекуда» с их тщедушной ложью разнесли профессионалов с их грандиозными достижениями. Сколь велика их слава хуженекудов! Но как это могло произойти?..

Вот список 43 командующих фронтами за время войны: 14 маршалов и 29 генералов. Не тут ли часть разгадки? 34 из них, т.е. почти 80% — окончили академии, 32 — участники Первой мировой, 40 — участники Гражданской и 20, между прочим, владели иностранными языками, хотя кое-кто и не совсем свободно, 7 из них — немецким. А кто из генералов Гитлера знал русский? И добавлю: все были с довоенной поры членами партии, кроме Говорова, который вступил в партию в 1942 году, будучи уже генерал-лейтенантом и командармом.

В феодально-крепостнической Красной Армии, слышим мы еще, начальство безо всякого суда расстреливало кого угодно из подчиненных. Вот однажды «в начале августа 42-го года явился под Сталинград с взводом охраны заместитель Верховного Главнокомандующего Жуков». Во-первых, он тогда не был заместителем Верховного. Во-вторых, никакого взвода охраны, прилетевшего с ним на самолете, у него не могло быть. В-третьих, в те дни Жуков вообще не был под Сталинградом, у него хватало дел на Западном фронте.

«В авиационном полку Жуков, узнав на собрании офицеров, что здесь никто не расстрелян, приказал своему взводу охраны отобрать четырех офицеров и тут же с воспитательной целью расстрелять: вот, мол, как надо действовать согласно сталинскому приказу № 227!».

Но почему сразу четырех ни в чем не виновных? Для воспитательной-то цели хватило бы и одного. Почему офицеров, а не рядовых? Офицеры-то «дороже».

И как же отбирали несчастных — по алфавиту? по национальности? по цвету глаз? И что значит «тут же» — прямо на собрании шлепнули и перешли к очередному вопросу повестки дня? А имя хоть одного расстрелянного нельзя ли узнать?

— Нет, в большевицкой феодально-крепостнической армии такие факты немедленно засекречивались.

— Да как же засекретить, если злодейство совершено на глазах множества людей?..

И вот подумайте, кажется, должны бы люди соображать, что если они не знают, когда Жуков стал заместителем Сталина, и других легко доступных для проверки фактов, то кто же им поверит, когда они вещают о делах будто бы «засекреченных», о людях безымянных, о фактах невообразимых, — не соображают!

А еще, говорят, Красная Армия была очень религиозной, поскольку 78% населения (какая осведомленность и точность!) было верующим. Но даже Деникин свидетельствовал: «Религиозность русского народа к началу XX столетия несколько пошатнулась… Поступавшая в военные ряды молодежь к вопросам веры и церкви относилась довольно равнодушно. Командовавшие частями знают, как трудно бывало разрешение вопроса даже об исправном посещении церкви».

Когда Временное правительство ввело свои многочисленные свободы, то к причастию стало являться не более 20% солдат. За последующие советские годы религиозность и народа в целом и армии уж явно не возросла. Во всяком случае, могу заметить, что за три года на фронте я ни на ком не видел креста, а ведь приходилось и в бане мыться, иногда и в реке купались. Был у нас на всю роту один верующий — ездовый Вася Клоков, милейший парень, но, увы, только один. Может быть, он и носил крест.

А декламация продолжается: «Постепенно и Сталин начал понимать, какая это громадная сила — единство русских, отстаивающих свое отечество. «Мы русские, с нами Бог!»

Прекрасно! Но эти возвышенные слова стали твердить лишь в нынешнюю пору, когда Бог не больно-то помогает русским, и ныне более уместен другой девиз: «На Бога надейся, а сам не плошай!»

В одной из последних серий, рассуждая о жестокости Второй мировой войны и не делая тут исключения для нашей армии, Правдюк объяснил это тем, что «Бог перестал влиять на ум и на сердца людей» (серия 81). Да, мы грешны. Но немцы-то! Без Бога — ни до порога. Гитлер свое длиннющее, похожее на скучную дипломатическую ноту обращение 22 июня 1941 года, зачитанное Риббентропом на пресс-конференции, начал так: «Немецкий народ! Национал-социалисты!..» и потом еще раз пять взывал к партайгеноссе, а закончил словами: «Да поможет нам Господь в этой борьбе!» И его приказ по войскам Восточного фронта в этот же день заканчивался так же: «Немецкие солдаты!.. Да поможет вам в этой борьбе Господь Бог!» Не помог. Хотя ведь и у каждого солдата на пряжке ремня красовалось крупными буквами «Got mit uns!».

А Сталин свое великое обращение 3 июля начал словами: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!..» И — ни слова о Боге. На пряжках, на знаменах наших тоже не было Его имени. Но достаточно было тогда сопоставить эти два обращения, чтобы понять, кому поможет Всевышний и чем закончится война. Бог не Микитка…

Кстати, частенько приходится слышать, что Сталин должен был обратиться к народу по радио в первые же часы войны, а он, видите ли, — только 3 июля. Дескать, непростительно растерялся, не знал, что сказать. А когда первый раз выступил перед немцами собственной персоной Гитлер? 4 октября 41-го на митинге в «Спортпаласе», т.е. через три с половиной месяца после начала войны, — только тогда, когда пришел к выводу, что «противник разгромлен и больше никогда не поднимется!». А ведь война-то не была для него неожиданностью, он ее сам смастачил, и все карты были в его руках.

* * *

Но кого же именно из наших военачальников эти умники объявили невежественными и бездарными? Как кого? Ведь уже было сказано — прежде всего, маршала Жукова. Ну а с какой же стати — бездарный? А так, говорят, писал о нем Дэвид Глант в книге «Крупное поражение Жукова». Какой еще Дэвид? Американец, что ли? Да, да! Большого ума человек! Ну, во-первых, не Глант, а Глэнтц. А, во-вторых, вот что говорил другой американец, историк Гаррисон Солсбери в книге «Великие битвы маршала Жукова»: «Когда история совершит свой мучительный процесс оценки, когда отсеются зерна истинных достижений от плевел известности, тогда над всеми остальными военачальниками засияет имя этого сурового решительного человека, полководца полководцев в ведении войны массовыми армиями». А еще один американец, тоже Дэвид — Эйзенхауэр говорил: «Я восхищаюсь полководческим дарованием Жукова».

Впрочем, что нам эти американцы, все их Дэвиды и Недэвиды. Вот что писал о Жукове человек, который

знал его многие годы, прошел с ним всю войну, вместе работал над планами сражений — маршал А.М. Василевский: «Г.К. Жуков, отличавшийся довольно решительным и жестким характером, решал вопросы смело, брал на себе полностью ответственность за ведение боевых действий; разумеется, он держал связь со Ставкой и нередко подсказывал ей целесообразное решение. К разработке операций Жуков подходил творчески, оригинально определяя способы действий войск. Думаю, не ошибусь, если скажу, что Жуков — одна из наиболее ярких фигур среди полководцев Великой Отечественной войны» (Дело всей жизни. С. 530).

Как же это вы, Правдюк, такой горластый патриот, а мнение какого-то безвестного американкашки предпочли мнению знаменитого русского маршала, одного из самых больших военных авторитетов Второй мировой? Да разве один Василевский из наших? А Рокоссовский! «У Жукова всего было через край — и таланта, и энергии, и уверенности в своих силах».

С мнением авторитетных людей надо, конечно, считаться, но и своим же умом шевелить надо, если он есть. Ведь Жуков начал военную службу рядовым в Германскую войну, стал унтер-офицером, заработал два Георгиевских креста, в Гражданскую командовал кавалерийским эскадроном, потом четыре года — полком, шесть лет — дивизией, а маршалом стал не по должности, как Берия или Булганин, никогда в строю не служившие, а по войне. Словом, без единого пропуска прошел все ступени, все инстанции.

Л. Млечин, наставник правдюков и такой же головоногий, попытался найти хоть один пропуск: «После Халхин-Гола Сталин обласкал полководца, который привез ему (!) победу. (Ведь думать категориями страны эта

шкурная публика неспособна. — *Авт.*) Комкор Жуков получил звание сразу генерала армии, минуя звания командарма 1-го и 2-го ранга (две высших ступени!)».

Олухов не сеют, не жнут — они сами родятся, особенно — в писательско-профессорских семьях, как этот. Из контекста видно, что он считает командарма 2-го ранга выше командарма 1-го ранга, а не наоборот. Его же учили в МГУ, что 2 больше, чем 1, это он благодаря рублям и долларам до сих пор помнит, а значение слова «ранг» (rang — ряд) откуда ему знать. Тем более, как мог он проведать, что 7 мая 1940 года звание командарм было упразднено, а комкору Жукову дали генерала армии 4 июня этого года. Так что тут нет ни «сталинской ласки», ни скачка через две ступени, а закономерное восхождение на следующую.

И смотрите, через какой мощный микроскоп этот дока ищет блох: «В «Красной звезде» сообщение о присвоении новых званий начиналось с фамилии Жукова». Знать, по особому указанию тирана. О господи… Да просто в постановлении правительства о присвоении звания генерала армии было тогда лишь три фамилии, и они, естественно, перечислялись по алфавиту: Жуков, Мерецков, Тюленев. По ал-фа-ви-ту! Вот и весь микроскоп. И ведь такое крохоборство — во всем! Но представьте себе, он еще и умствует в «Литгазете»: «Очень важный аспект — историческая правда. Надо максимально соответствовать сегодняшнему уровню исторической науки». Какая тебе наука! Хоть алфавит-то выучи…

Да, Жуков прошел по службе все ступени. И подумал бы, Правдюк, с какой же стати всю Отечественную, даже еще с Холхин-Гола он был десницей Сталина? Почему именно его Верховный Главнокомандующий, Став-

ка посылали на самые важные участки фронта в самые решающие дни, в частности, — защищать Москву в момент, когда, по словам самого маршала, «Москву прикрыть было нечем»? Неужели случайно во время войны Жуков и звание маршала получил первым, и орден Суворова №1, и орден «Победа» № 1, и две Золотых Звезды Героя, уже имея одну? Наконец, да разве спроста ему было поручено и принять капитуляцию Германии, и командовать Парадом Победы?

Ведь это была война, а не антисоветский треп по телевидению, где Правдюка можно заменить Якубовичем, этого — Млечиным, этого — Радзинским, этого — опять Правдюком… Тогда решалась судьба страны, а не ставка гонорара, не сколько серий вам дать для бесстыжего вранья о великой войне. Словом, надо быть редкостным идиотом, чтобы маршала Жукова низводить до своего уровня.

* * *

Ненависть правдюков к Жукову доходит, как сказал поэт, «до стона и до бормотанья». Это вполне естественно для почитателей Власова. Вы только послушайте, до чего доходят: «Его воспоминания это кровавая книга!» Да так можно назвать любое произведение о войне — от «Илиады» до вашего фильма. А «Полтава» Пушкина?

Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон…

А «Бородино» Лермонтова?

Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел…

А «Война и мир» Толстого? Есть основание полагать, что никто из этой троицы ни одно из названных произведений не читал.

Но глотки луженые: «Воспоминания Жукова — самая крупная фальсификация истории Советско-германской войны! (серия 88).

В чем дело, он скрыл наши трагические неудачи в начале войны? Или что немцы доперли до Москвы? Что на другой год прорвались к Волге? Уверял, что нам ничего не стоило разбить их под Сталинградом, на Курской дуге? Что мы с ходу взяли Берлин? Или вот он цитирует Гальдера, Типпелькирха и других немецких генералов и историков о первых сражениях: «Возможности русских сильно недооценивались… Мы очень надеялись, что после первых крупных военных неудач советское государство рассыплется… Для Гитлера не подлежало ни малейшему сомнению, что для разгрома Советского Союза достаточно одной кампании»… «Русские отходили на восток очень медленно и часто только после ожесточенных контратак… Командование и войска Красной Армии оказались на высоте требований… Это противник со стальной волей… Не могло быть и речи о том, чтобы быстрыми ударами разрушить карточный домик… Русские держались с неожиданной твердостью и упорством… Противник показал совершенно невероятную способность к сопротивлению… Уже в первые

дни боев немецкие войска понесли такие тяжелые потери в людях и технике, которые были значительно выше потерь в Польше и на Западе» и т.д. Так это все Жуков придумал? Ничего подобного немцы не писали?

Не в том дело! Все гораздо страшней и циничней, говорят нам. Жуков бесстыдно уверял, что «прибыл в Ленинград для его спасения 9 сентября 41-го года и спас его».

Вранье. Ни о каком спасении нет у него ни слова. Жуков вспоминает разговор со Сталиным: «Езжайте под Ленинград. Он в крайне тяжелом положении». — «Согласен вылететь немедленно». Только и всего. И на другой день, 10-го, вылетел. А вдогонку 11 сентября полетела директива Ставки:

«1. Освободить Маршала Советского Союза тов. Ворошилова от обязанностей командующего Ленинградским фронтом. 2. Назначить командующим Ленинградским фронтом генерала армии тов. Жукова. 3. Тов. Ворошилову сдать дела фронта, а тов. Жукову принять в течение 24 часов с часа прибытия в Ленинград…

И. Сталин, Б. Шапошников».

А спасен от блокады город был только в январе 1944-го.

Но Жуков на самом деле прибыл в Ленинград 13 сентября, кипятится Правдюк. Это важно! Потому что 12 сентября войска группы «Север» получили приказ Гитлера прекратить штурм Ленинграда и перейти к осаде. Отодвинув день своего прибытия, Жуков придумал легенду о своем спасении Ленинграда.

То есть Правдюк хочет уверить нас, что с 12-го бои под Ленинградом прекратились, все стихло и зачирикали птички. И поэтому Жуков не только не спаситель города, но и вообще не имеет никакого отношения к тому,

что город выстоял. Но вот ведь какое диво: Правдюк все-таки признает, что «бездарный полководец» на посту командующего Западным фронтом сыграл выдающуюся роль в обороне Москвы и в разгроме у ее стен немцев. Так почему ж он не мог успешно возглавить оборону Ленинрада?

А главное, все это опять вранье: никакого приказа Гитлера «прекратить штурм» не было (как, вообще-то говоря, не было и самого штурма города, подобно Одессе или Севастополю). 11 сентября начальник Генерального штаба Гальдер записал в дневнике: «Наступление на Ленинград развивается вполне успешно. Большое достижение войск!.. Значительные успехи в борьбе за Ленинград». И остервенелые попытки захватить город продолжались. Жуков совершенно верно писал: «Враг рвался к городу». Действительно, 12 сентября на пути к Ленинграду немцы захватили Красное Село, 13 сентября (уже после правдюковского-гитлеровского «приказа») — Гатчину, Сосновку, Финское Койрово… В этот день, 13-го, Гальдер записал: «Успехи 39-го танкового корпуса Шмидта (того самого, что ранее захватил Шлиссельбург. — *Авт.*). Значительное углубление нашего клина на Ленинград». А вечером того же дня добавил: «У Ленинграда значительные успехи. Выход наших войск к внутреннему обводу укреплений может считаться законченным»…

Об этих днях Жуков пишет: «Военный совет фронта ясно понимал, что создалось чрезвычайное положение. Было решено ввести в сражение последний фронтовой резерв — 10-ю стрелковую дивизию. Последний!.. Серьезный риск, но другого выхода не было.

Утром 14-го 10-я стрелковая совместно с частями других соединений и при поддержке авиации нанесла

стремительный удар по врагу. В результате напряженного боя оборона была восстановлена. Понеся большие потери, противник оставил Сосновку и Койрово».

Однако 17 сентября немцы захватили Павловск, 18-го — Пушкин... Бои, бои, бои… «Так продолжалось почти до конца сентября, — вспоминал Жуков.- В последние дни сентября мы не только оборонялись, но уже перешли к активным действиям. Был организован ряд контрударов в районах Колпино, Пушкина, Пулковских высот, и эти действия, видимо, окончательно убедили противника в том, что оборона Ленинграда еще сильна и сломить ее наличными силами не удастся. Немцы, прекратив атаки, перешли к разрушению города с воздуха и артиллерийским огнем».

И все эти дни до 7 октября, не зная сна и отдыха, обороной города руководил Жуков. Но и после его отъезда в Москву положение Ленинграда оставалось очень тяжелым. Так что ни о каком чудодейственном спасении города говорить не приходится, оно пришло гораздо позже. Но... «Я горжусь, — писал Жуков, — что в тот период, когда враг подошел вплотную к городу и над ним нависла смертельная опасность, мне было поручено командовать Ленинградским фронтом».

* * *

Правдюки не унимаются: «Жуков посылал пехотинцев на противотанковые минные поля, чтобы ценой их жизни дать проход танкам! (серия 81).

Я недавно уже писал: на противотанковом минном поле пехотинец может плясать, ибо такая мина взрывается только при давлении на ее взрыватель 200—250 килограммов. За подтверждением этого можете обратиться к маршалу Язову Д.Т., как сделал я.

И вот странно: очень во многом будучи единомышленниками Геббельса, порой просто повторяя его, правдюки решительно разошлись с учителем в оценке нашего и немецкого генералитета. Прочитав предоставленную немецким Генштабом книгу биографий наших военачальников, среди которых, конечно же, не мог не быть Жуков, всмотревшись в их фотографии, Геббельс за полтора месяца до полного краха Германии и до своей гибели записал в дневнике: «Эти маршалы и генералы в среднем исключительно молоды, почти никто из них не старше 50 лет. Они имеют богатый опыт революционно-политической (и, разумеется, как только что видели, и военной. — *Авт.*) деятельности, являются убежденными большевиками, чрезвычайно энергичными людьми, и на их лицах можно прочитать, что они имеют хорошую народную закваску. В большинстве своем это дети сапожников, рабочих, мелких крестьян. Короче говоря, я должен сделать вывод, что военные руководители Советского Союза являются выходцами из более ценных народных слоев, чем наши собственные».

Своими соображениями Геббельс поделился с Гитлером, добавив, что у него сложилось впечатление, что «мы вообще не в состоянии конкурировать с такими руководителями. Наш генералитет слишком стар, изжил себя… А советские генералы не только фанатично верят в большевизм, но и не менее фанатично борются за его победу, что, конечно, говорит о колоссальном превосходстве советского генералитета». Гитлер полностью согласился со всем этим. А мог ли он не согласиться с чисто военным, полководческим превосходством советского генералитета?

Как же теперь называть этих правдюков, если против них не только я, русский коммунист, но и немецкие фашисты. Да, есть на свете нечто такое, что выше всех политических категорий…

* * *

Не только о Жукове — о многих генералах и маршалах Отечественной войны, ее героях, но также и о предателях мы узнаем из фильма много ошеломительно нового. Хотя бы вот: «Генерал Мерецков был арестован в ночь на 22 июня 1941 года. Бериевские следователи не добили его только по причине разгоревшейся войны» (серия 35). Только! А чем война мешала? Неужто всех следователей призвали в армию? Как же тогда объяснить расстрел генерала Павлова 16 октября 41-го? А почему не «добили», скажем, Рокоссовского, Горбатова? Ведь время было: их арестовали гораздо раньше, и первый из них сидел два с половиной года.

Так вот, на самом деле К.А.Мерецкова арестовали 24 июля 41-го, но месяца через полтора — об этом в фильме ни слова — он был освобожден с возвращением званий генерала армии, Героя Советского Союза и всех наград. Сперва в качестве представителя Ставки направили его на Северный Кавказ, потом командовал армиями, фронтами, стал маршалом, получил ордена «Победа», Суворова первой степени, пять орденов Ленина к двум довоенным и т.д. Правдюки дотошно и благоговейно перечисляют все кресты, дубовые листья и бриллианты, что получали немецкие генералы и офицеры, но сказать, что наш воин получил орден Ленина или Красного Знамени, у них язык не поворачивается, да и совсем неинтересно им это, их язык совсем для другого.

А когда тот же Рокоссовский стал маршалом? Дату берут с потолка. О Горбатове сообщают, что он в конце войны командовал 3-й Ударной армией (серия 69), воины которой водрузили Знамя Победы над рейхста-

гом, а мы-то думали, что ею командовал генерал Кузнецов В.И.

Или: «С лета 1942 года все стратегические операции создавались (не операции, конечно, а их планы. — *Авт.*) при участии Василевского» (серия 84). А до этого чем он занимался — в Большом театре пел? Уже с 1 августа 1941 года Василевский был заместителем начальника Генштаба — начальником Оперативного управления и не мог не принимать участия в планировании всех важных операций. Ну, хоть такие-то вещи надо соображать!

Даже о самом Верховном Главнокомандующем у них отменные фантазии: «В конце войны не имеющий военного образования Сталин получил звание генералиссимуса» (серия 88). Ну как, мол, это можно было дать человеку без красного диплома! Да ведь и не в конце войны дали-то, а даже после Парада Победы. Но они еще и обрядили Сталина — какой, мол, франт был! — в какой-то особый «мундир генералиссимуса с иголочки» (серия 82), коего никто, кроме них, никогда не видел, поскольку его не существовало.

А вот что молодежный хор поет еще об одном известном генерале: «Андрей Андреевич Власов до войны (!) принадлежал к числу самых талантливых генералов». Но что такое талант генерала в мирное время? Дальше: «Венцом полководческого искусства Власова было командование 20-й армией при обороне Москвы». Вранье. Власов командовал 20-й армией с 30 ноября 1941 года, тогда вторично сформированной, и в оборонительных боях Московской битвы с 30 сентября по 5 декабря она не принимала участия, а только в контрнаступлении.

«Действия 20-й армии до сих пор изучаются в военных академиях без упоминания имени ее командующе-

го, любимого сталинского генерала» (серия 67). Ну, это уж целиком в расчете на идиотов. Во-первых, какой он любимец? Сталин с ним до войны ни разу и не встречался. И в чем выражалась эта любовь? Власов — ваш любимец, а не Сталина. Во-вторых, 20-я армия ничем особым по сравнения с другими армиями, участвовавшими в контрнаступлении, не отличилась. В-третьих, да можно ли это вообразить: в академиях читают лекции о каком-то гениальном полководце и не называют его имени? И никто не хочет узнать имя гения.

Да, да, говорят, имя Власова отовсюду было вычеркнуто и нам удалось установить его совершенно случайно — по стихам в армейской газете 1941 года, в которых оно упоминается (серия 35). Это совершенно в духе Радзинского, который рассказывает, как он копается в архивах и добывает сведения, давно всем известные. Все, кто интересовался историей Отечественной войны, давно знают имя Власова и историю его предательства. И в литературе оно упоминалось, хотя бы в воспоминаниях маршала Мерецкова «На службе народу», вышедших 35 лет тому назад тиражом в 100 тысяч. Еще раньше писатель Аркадий Васильев (1907—1972) даже роман написал «В час дня, ваше превосходительство», в котором означенный Власов один из главных персонажей. Сперва роман был напечатан в журнале «Москва», выходившем тогда тиражом в 500 тысяч, потом 200 тысяч экземпляров вышли в издательстве «Советский писатель» и где-то еще. Наконец, вот справочник «Кто был кто в Великой Отечественной войне», вышедший в Политиздате более десяти лет тому назад тиражом в 30 тысяч. И там имеется статья о Власове. А мы, говорят, рылись в пожелтевших газетах 65-летней давности. Вот уровень их вранья или профессиональной дремучести!

* * *

И ведь так — весь фильм, все 90 серий. Такой же юный вздор о конкретных событиях войны, об отдельных операциях, обо всем ее ходе. Так, наши юноши то и дело дают неверные даты формирования армий, создания фронтов, проведения боевых операций и т. д. При этом расхождение составляет порой не день-два, а месяцы, а то и год с гаком. Например, говорят, что Херсон освободили 20 декабря 1943 года, а на самом деле — почти через три месяца, 13 марта 1944-го; уверяют, будто в феврале 1943 года более 700 наших самолетов бомбили Хельсинки, а на самом деле тогда и самолетов столько мы не могли послать на это дело, и не до финнов нам было, и добралась наша авиация до их столицы только через год, вскоре после чего они и разлюбили Гитлера, отвернулись от него, выбыли из войны.

И такое вранье или невежество, глумление и злоба — с рассказа о первых же днях и сражениях войны. Вот как Правдюк преподносит героический переход Балтийского флота из Таллина в Кронштадт летом 41-го года: «Адмирал Трибуц потерял в три раза больше кораблей, чем при Цусиме… Три Цусимы! Как трудно было воевать с такими Трибуцами!» В таких случаях следует приводить конкретные данные, а не «разы». Почему их нет? А потому что они разоблачают тупоумного лжеца.

В Цусимском сражении из 30 русских боевых кораблей, которых сопровождали 6 транспортов и 2 госпитальных судна, 20 погибли в бою или в безвыходном положении были потоплены экипажами, 5 кораблей сдались в плен, 3 крейсера ушли на юг, в Манилу, 1 эсминец — в Шанхай, попросту говоря, бежали. Во

Владивосток прорвались только крейсер «Алмаз» и два эсминца. В плену оказались и командующий эскадрой вице-адмирал Рожественский и заменивший его после ранения контр-адмирал Небогатов. Что-нибудь похожее было 28—30 августа 41-го года с Балтийским флотом при прорыве из Таллина в Кронштадт? Хоть одно суденышко сдалось в плен? Хоть кто-то удрал в Манилу?

«Прорыв был беспримерным по трудности, — вспоминал командующий флотом адмирал В.Ф. Трибуц, возглавлявший прорыв. — Через плотные минные поля под ударами авиации, торпедных катеров и береговой артиллерии врага предстояло провести в Кронштадт около двухсот боевых кораблей, транспортов и судов вспомогательного флота» (Балтийцы сражаются. М., 1985. С. 76). Немцы уже были на южной окраине Таллина. На суда были взяты несколько тысяч бойцов Таллинского гарнизона и гражданского населения.

К 23 часам 27 августа боевые суда вышли на рейд. Он уже простреливался противником. На финском мысе Юминда была установлена 150-миллиметровая батарея. Флаг командующего был поднят на крейсере «Киров», который весь поход оставался главной целью немецкой авиации, но не пострадал.

Из-за резко ухудшившейся погоды (семь баллов!), при которой малые суда идти не могут, пришлось ждать, пока стихнет. Первый конвой начал движение на другой день в 12 часов 18 минут. Отряд главных сил во главе с «Кировым» снялся с якоря около 16 часов. Последним вышел в море арьергард. Колонна протянулась почти на пятнадцать миль. Сразу же начались атаки с воздуха и обстрел с финского берега, появились и мины. Орудиям «Кирова» удалось подавить батарею на мысе Юминда, а мины матросы вручную отталкивали от бортов. Но все же подорвался и затонул транспорт «Элла», самоле-

ты потопили ледокол «Вальдемарс», погибли тральщики «Краб» и «Барометр», подорвался эскадренный миноносец «Гордый»… Но, яростно огрызаясь, колонна продолжала путь сквозь минное поле, шквал огня и кровь.

29 августа подорвался транспорт «Луга». Там было 1226 раненых. Подоспевший на помощь пароход «Скрунда» всех спас. Но вскоре и он вышел из строя, и все-таки раненых опять удалось спасти. «Потери наши в транспортах были велики, — писал Трибуц, — но почти со всех мы сумели эвакуировать личный состав. Самое ценное — люди были спасены». 29 августа в 17 часов авангард колонны во главе с «Кировым» прибыл в Кронштадт. Задача эвакуировать из Таллина войска и прорваться была выполнена.

«Нам удалось вывести из-под удара ядро флота», — заключает Трибуц. Это подтверждает Главнокомандующий адмирал Кузнецов Н.Г. Он подчеркнул, что, несмотря на тяжкие потери, «эвакуацию Таллина следует признать успешной… Боевое ядро флота удалось сохранить… Легко рассуждать теперь. Но Балтийскому флоту удалось в чрезвычайно трудных условиях вывести из осажденного Таллина девять десятых боевых кораблей. Огромной заслугой команд кораблей является спасение людей с гибнущих судов. Благодаря их беспримерному героизму из 17 с лишним тысяч человек на тонущих судах или уже в воде более 12 тысяч удалось спасти» (Курсом к победе. М, 1975. С. 67—68).

Что же в итоге исторического сравнения? При Цусиме только трем кораблям удалось прорваться во Владивосток, эскадра перестала существовать, и это предопределило поражение России в войне, а из Таллина в Кронштадт прорвались 142 корабля — ядро флота! — и понесенные потери хоть были тяжелы и скорбны, но не

только на ход войны, а и на действия Балтийского флота не оказали решающего влияния.

Тут надо говорить не о трех Цусимах, а о трех трепачах невыносимых. И ведь какими грязными оскорблениями оплевали эти щелкоперы адмирала, тридцать лет жизни отдавшего советскому флоту, кавалера двух орденов Ушакова и Нахимова 1-й степени. Сами-то они, поди, на брюхе ползли бы из Таллина, да еще неизвестно, в какую сторону.

А что лепечут о Сталинградской битве? «23 августа был Судным днем для защитников города. Немцы совершили более 2 тысяч самолетовылетов». Вы только подумайте: советским людям на их родной земле за грехи их фашистские захватчики учинили Судный день. Олухи или невежды?.. Это мы устроили Судный день фашистам 9 мая 1945 года в Берлине. Дальше: «14 сентября немцы пробили коридор к Волге». На самом деле в этот день ничего подобного не было. «11 ноября немцы едва не достигли Волги». Как раз в этот-то день они прорвались, что было их последним успехом.

О самой Сталинградской победе: «На нашей улице случился (!) праздник». Не случился, миляги, а был предсказан Сталиным и завоеван мужеством и кровью. В другой серии историк-правдюк Александров заявил: «3 февраля 1943 года о сталинградской катастрофе знал весь мир». Это, повторяю, для Берлина была катастрофа, а весь мир узнал тогда о великой советской победе.

* * *

Вообще, когда речь идет об армии немцев, у правдюков голоса дрожат от восторга и умиления. Ну, прежде всего, самого Гитлера они возвышенно именуют не иначе, как «фюрером немецкого народа» и «стойким

солдатом». Восхищаются его международным бандитизмом — тем, что он «сказочно быстро» сумел оттяпать Саарскую область, Рейнскую зону, Австрию, Судеты, а потом и всю Чехословакию. О немецких генералах, офицерах, солдатах то и дело слышим: «Талантливейший Манштейн!»… «До самой смерти девизом Руделя были слова: «Погибает тот, кто сдается!»… Еще и охотно цитируют спятившего штабного генерала: «Конечно, один немецкий солдат может убить десять русских» (серия 43).

И дальше: «6 армия генерал-полковника Паулюса уверенно шла к Сталинграду, а части наших 51, 62-й и 64-й армий на некоторых участках бросали позиции при появлении едва ли не разведвзводов врага»… «Второе лето подряд немецкие войска шли на восток по 50—60 километров в сутки»… Хайль Гитлер!

Лихо! Действительно, первое лето они шли, шли, шли… Солженицын, служивший тогда в тылу на конюшне, уверяет, что шли даже в два раза быстрее — по 120 км. И куда пришли, к чему спешили? К разгрому под Москвой. И второе лето шли, шли, шли… И куда пришли? К разгрому под Сталинградом. И в третье лето на Курской дуге опять пошли. Прошли 5 километров, прошли 10, прошли даже 35… И куда пришли? Да все туда же — к разгрому.

Правдюки это не отрицают, но просят нас принять во внимание извинительные обстоятельства. Первое: «У немцев не было в войне настоящих союзников» (серия 48). Второе: «Германия воевала едва ли не со всем миром» (серия 42). Третье: «Свою роль сыграло большое пространство. Любая армия, пройдя с боями до предгорий Кавказа, потеряла бы не менее половины своих ударных качеств, техники и людей» (серия 42). Нако-

нец, русским всегда помогали морозы, распутица и советские мыши (серия 47).

Право, почти ничего подобного мы раньше не слыхивали. Тут удивительно все, начиная со слов о боях на пути к Сталинграду. Какие бои, если только что сказано, что проходили по 50—60 километров в сутки, а наши войска бежали при появлении вражеской разведки?

Однако все по порядку. У немцев не было союзников? А хотя бы румыны, которые доперли с ними до Сталинграда? А венгры, которых только в плену у нас оказалось 513 767 человек. И австрийцев — 156 682, чехов и словаков — 69 977, поляков — 60 280, итальянцев — 48 957, французов — 23 136, даже евреев — 10 173.

Это, повторяю, только пленные. А сколько погибли в боях, сколько были ранены и отправлены в тыл? По данным Военно-исторического журнала № 9'90, откуда взяты эти цифры, в плену у нас оказались солдаты, офицеры и генералы 24 национальностей. Так что, если войну 1812 года мы называем нашествием двунадесяти языков, то это — дважды двунадесяти.

Но такова лишь одна сторона дела. А с другой стороны, разве экономика почти всей Европы, в том числе военная промышленность, работавшая всю войну на Германию, не была ее самым настоящим союзником? Разве миллионы рабов, привезенные из СССР и других оккупированных стран Европы, не были хоть и подневольными, но, по сути, союзниками Германии?

Второе: немцы воевали со всем миром? Так уж и со всем! Какой урон им нанесли китайцы? Какой их город бомбили бразильцы? Когда вошли в Берлин аргентинцы? Это опять-таки с одной стороны, а с другой — ведь немцы, действуя отнюдь не в одиночестве, душили свои жертвы поодиночке: Чехословакия, Польша, Франция… Надеялись и нас удушить так же. Но Сталин облапошил

Гитлера. Кроме того, а кто виноват, что немцев и их фюреров возненавидели во всем мире?

Третье: еще и большие русские пространства виноваты? А что, все эти хваленые вами Манштейны, Гальдеры, Гудерианы не знали о них? Думали, что СССР это вроде Бельгии? Или Дании, при оккупации которой они потеряли одного солдата? Какие же они стратеги, полководцы? И чего стоят полоумные восторги по их адресу?

Ну, о морозах и распутицах, всегда спасительных для нас и всегда губительных для наших врагов, по причине полной нелепости разговора я промолчу, но вот интересно, как помогли Красной Армии советские мыши? И тут мы узнаем величайшую новость. Оказывается, в решающий момент Сталинградской битвы немцы не могли двинуть вперед свои замечательные танки, ибо мыши перегрызли в танках электропроводку. И это решило исход сражения.

Бедненькие фрицы! Ну все было против них в России: и просторы, и морозы, и распутица, и даже беспартийные, но ужасно патриотичные мыши! И только правдюки запоздало льют о немцах слезы…

* * *

Правдюки крайне возмущены тем, что у нас до сих пор в ходу такие речения о немцах во время войны, как «захватчики», «фашисты», «гитлеровцы»… Фи, какая невоспитанность! Какая несправедливость! А где же политкорректность? Это просто «военнослужащие германской армии», временно оказавшиеся на чужой территории, и только. И не смейте, мол, забывать, что «единство вермахта определялось социальными достижениями фюрера, которые в отличие от советской лжи были бесспорны».

Тут же и образцы мужества, благородства и рыцарства фашистов. Вот, скажем, немцы похоронили с воинскими почестями генерал-лейтенанта Ефремова М.Г., командарма-33, члена ВКП(б) с 1919 года, смертельно раненного в апреле 1942 года при прорыве из окружения под Вязьмой. Прекрасно! Словно кто-то же из них был на этих пышных похоронах? В Вязьме воздвигнут памятник Михаилу Григорьевичу. Не Геббельс ли заказал его Вучетичу?

И опять навязчивое недоумение: как же это мы с нашей жалкой ложью, серостью, небритостью разнесли в пух и прах благородных и гладко выбритых с их великими достижениями? Может быть, ликвидация нищеты, безработицы и неграмотности, преобразование страны из лапотной в индустриальную, приобщение миллионов простонародья к высотам культуры, науки, государственной власти и тому подобные дела, — может, все это было ложью только на языке у Геббельса да в ваших, правдюки, беззащитно мягких головах?

И не знают эти головы удержу в прославлении вермахта и «прекрасного немецкого солдата, который, даже замерзая под Москвой, стойко оборонял свои позиции». Правильно. Будучи отброшен километров на 100—250, наконец, набрался стойкости, которой хватило на некоторое время. А вот в Сталинграде, на Курской дуге, в Белоруссии и дальше аж до самого рейхстага, увы, стойкости не хватило. С другой стороны, наша-то стойкость под Москвой, и под Сталинградом, и на Курской покрепче оказалась. Неужто не слышали?

А какая демократия царила в вермахте! — продолжают песнопения телеисторики. Вот, говорят, генерал Гудериан пытался убедить Гитлера, что жертвы под Москвой бессмысленны, надо отступить. «Вы можете ли

представить себе, чтобы Жуков убеждал Сталина, что жертвы бессмысленны. Такого разговора в Кремле никогда не могло быть».

Эти слова изобличают правдюков в том, что они даже воспоминания Жукова не читали, ибо там такие разговоры встречаются неоднократно, например, Жуков говорит Сталину, что, дабы сберечь силы, «Киев придется оставить». Там же, кстати, они могли прочитать: «Стиль работы Ставки был, как правило, деловой, без нервозности, свое мнение могли высказать все. И.В. Сталин ко всем обращался одинаково строго и довольно официально. Он умел слушать, когда ему докладывали со знанием дела. Я убедился за долгие годы войны, Сталин вовсе не был человеком, перед которым нельзя было ставить острые вопросы и с которым нельзя было спорить, даже твердо отстаивать свою точку зрения». Скажите, правдюки, спасибо за эту почти сорокалетней свежести новость, которую бескорыстно дарю вам…

Ну, а хоть когда-нибудь немцы все-таки драпали от Красной Армии? Нет, утверждают правдюки, «вермахт выравнивал линию фронта и сокращал ее». Именно так говорил Геббельс в 1943 году и позже… А эти трое даже превосходят учителя. У них не поворачивается язык сказать, допустим, «Манштейн получил под зад» или хотя бы «разбит и отброшен», они говорят как гоголевские дамы, приятные во всех отношениях: «Богиня победы Ника оставила Манштейна…» (серия 78). Они не смеют сказать, что немцы прозевали вторжение союзников во Францию, они воркуют: «Какой-то странный паралич охватил немецкое командование, странное безволие» (серия 67). А в наших неудачах и промахах ничего странного не видят. Наоборот! Тут для них закономерное, неизбежное следствие советского строя.

* * *

Одна из самых больших подлостей правдюков в рассуждении о характере Великой Отечественной состоит в том, что они изображают ее войной одного лишь русского народа против немцев. То и дело мы слышали: «На алтарь победы жертвы приносил только один народ — русский» (серия 45)… «Только русские умеют умирать со славой» (серия 88). «Русская была победа над нацизмом» (там же) и т.д.

Когда война началась, Сталин призвал к тому, чтобы «все народы СССР организовались в единый боевой лагерь, ведущий вместе с нашей армией и флотом великую освободительную войну за честь и свободу нашей родины». Все народы, а не только русский.

Да, главная тяжесть войны легла на плечи русского народа, самый большой вклад в победу внес он: 66,3% всех погибших на войне — русские (Книга памяти. М. 2005. С.253). В то же время среди Героев Советского Союза военных лет русских — 70,3% (Герои Советского Союза. М., 1984. С.245). Так что ж, правдюки, во имя вашего стерильного патриотизма можно отбросить и забыть жертвы и героев других народов?

Именно так они и сделали. Например, неоднократно рассказывая о великом воине Александре Покрышкине, ни разу не упомянули Ивана Кожедуба, тоже трижды Героя. Почему? Хохол! Не подходит…

Презрительное умолчание правдюков об участии других советских народов в войне, об их жертвах и героях, даже выпады против них выглядят особенно подло рядом с расшаркиванием и перед немцами за их великие доблести, и перед американцами по поводу

ленд-лиза. Да, последние слали нам виллисы и свиную тушенку. Спасибо…

Из летчиков не упомянут и старший лейтенант Александр Константинович Горовец, подвиг которого в воздушном бою не был никем повторен за всю Вторую мировую. Во время Курской битвы 6 июля 1943 года он атаковал 20 вражеских бомбардировщиков и 9 из них сбил, погибнув при этом и сам. Посмертно ему присвоили звание Героя. Но и он не подошел Правдюку: белорус! А вдруг еврей? Зато он разыскал Ивана Федорова, который, говорит, тоже «в одном бою сбил 9 самолетов противника» (серия 74). Когда? Где? В каком сражении? Почему об этом шестьдесят с лишним лет никто, даже историки Великой Отечественной, не ведал? Молчание…

А ведь стал же все-таки широко известен тоже беспримерный подвиг Михаила Девятаева. Возглавленная им группа из десяти наших пленных в концлагере на острове Узедом 8 февраля 1945 года под носом у немцев захватила бомбардировщик, и через два часа смертельного рейса Михаил Петрович посадил машину, которую обстреливали и очухавшиеся немцы и свои, в нашем расположении. В 1957 году он получил Золотую Звезду Героя.

Стали, в конце концов, Героями, хоть уже посмертно, и Григорий Бахчиванджи, первым совершивший полет на машине с жидкостным реактивным двигателем (ЖРД), и Екатерина Зеленко, и упоминавшийся Александр Маринеско. А тут?..

Среди Героев Советского Союза, как свидетельствует известный биографический двухтомник, вышедший в Воениздате в 1988 году, числится 23 Федоровых. 15-й из них — тот самый, о которым вещал Правдюк, — Иван

Евграфович. Человек прекрасной биографии! О нем сказано: «С 1940 года на летно-испытательной работе. Летчику-испытателю полковнику Федорову за испытание и освоение военной техники и проявленное при этом мужество и героизм 5 марта 1948 года присвоено звание Героя Советского Союза» (Т. 2. С. 643). То есть уже после войны.

Однако с приближением 90-летия у Ивана Евграфовича что-то случилось с памятью и языком, и это нашло яркое выражение в книге о нем «Красный сокол» Владимира Шморгуна. В номере, посвященном Дню Победы, «Литгазета» напечатала о Федорове восторженную рецензию, где, пересказывая автора, писала, что Михаил Евграфович сбил немецких самолетов «больше, чем трижды Герои Александр Покрышкин и Иван Кожедуб, вместе взятые, но вместо шести золотых наград Героя получил лишь одну».

Сколько же точно сбил Федоров самолетов? Неизвестно. И насчет орденов не совсем точно. Кроме «Отечественной войны» Федоров получил также ордена Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды. Но рецензент, видимо, просто не в состоянии выговорить эти слова, как и сказать полностью «Герой Советского Союза», «Золотая Звезда» — уж больно все это проклятым прошлым шибает в либеральный нос! Аллергией этого рода, может быть, в еще более тяжелой форме страдают и все правдюки.

Зато рецензент охотно пересказывает из книги: до войны, видите ли, за испытание немецких самолетов Федоров получил от Гитлера, вообразите, — Железный крест, от Геббельса, представьте себе, — фотографирующий серебряный портсигар, от Геринга — стреляющий карандаш, видимо, золотой. Словом, был истинным лю-

бимцем главарей третьего рейха. И непонятно, почему еще и Гиммлер не подарил ему портативную душегубочку на две персоны, а Риббентроп — алмазный урыльничек. А сверх того, оказывается, Федоров первым сбросил советскую атомную бомбу и первым в мире преодолел звуковой барьер.

Так в чем же дело? Почему не дали Ивану Евграфовичу шесть Золотых Звезд? Да как можно-с, как можно-с… «Он не вписывался в привычный образ советского воина. Не дали просто потому, что он позволял себе самостоятельные поступки, как тот же Чкалов, воздушные эксперименты которого воспринимались начальством как хулиганство».

Какие эксперименты? Надо же договаривать. Если пролет под мостом в Ленинграде, то это действительно хулиганство или, ну, скажем так, — лихачество, опасное для жизни. К тому же, рецензенту надо бы знать, что, несмотря на «хулиганство», Чкалов стал Героем Советского Союза. А что такое «самостоятельные поступки»? Покрышкин и Кожедуб не позволяли себе их и действовали в боях не самостоятельно, а лишь выполняли предписание начальства, за что и получили Звезды? Ах, ведь и невелика рецензия, а сколь велика концентрация тупого либерализма…

Так же в «Литературной России» вещал о А. И. Колдунове писатель Артем Анфиногенов: сбил 46 самолетов врага, но мерзкая система не награждала его достойно, не продвигала по службе: уж слишком нестандартная личность! Я позвонил Артему: «Что ж ты врешь так бесстыдно на старости лет! Александр Иванович стал дважды Героем, а после войны дослужился до Главного маршала авиации, до заместителя министра обороны». А это, говорит, редакция у меня вычеркнула. И опять врет!

А помянутая рецензия в ЛГ кончается так: «В. Шморгун сделал попытку вернуть в пантеон героев воина не просто забытого, а человека, реально претендующего на прообраз(?) истинно «нашинского» воина-витязя».

Господи, какая тарабарщина! Во-первых, пантеон это для почивших, а Иван Евграфович, слава Богу, здравствует. Во-вторых, почему «вернуть»? Его оттуда вынесли? Кто? В-третьих, почему «забытого»? В Советское время он получил много самых высоких, высших наград. А забытым он оказался, как и все фронтовики, «вашинской» властью. Возможно, поэтому его и понесло…

И в самом конце: «Подвиги его, настоящие, а не выдуманные, просто просятся на экран». Да, очень интересно было бы посмотреть, как Гитлер вручает Ивану Евграфовичу Железный крест, а тут и Геринг с Геббельсом поспешают…

Я не выдержал, позвонил и в «Литгазету», нашел рецензента, спрашиваю, как могло случиться, чтобы шестьдесят с лишним лет никто не знал о дивных делах Ивана Евграфовича? «В советское время еще и не то могло быть!» — услышал в ответ. Я понял, что передо мной представитель инкубаторского поколения, воспитанного телетрепом Радзинского и Сванидзе, Млечина и Правдюка… Любую чушь, самый вопиющий вздор о Советском времени они хватают и несут дальше. Никакого иммунитета, ни малейшей сопротивляемости, ни хотя бы некоторой способности анализа — полная беззащитность.

Ну, подумал бы хоть о том, каким образом советский человек мог оказаться испытателем немецких самолетов, — что, у немцев своих испытателей не было? И кто бы пустил его туда? Как может журналист, работающий в ЛГ, не чувствовать хотя бы того, что от всех

этих Железных крестов, фотографирующих портсигаров и стреляющих карандашей из рук главарей фашизма за версту разит туфтой?

Можно себе представить, какова была бы во время войны картина награждений, если это зависело бы от патриотов правдюковской породы!

* * *

И в заключение вот о чем. Наши власти во главе с президентом неутомимо ищут ксенофобов и разжигателей межнациональной вражды. Ищут всюду — среди хулиганов, бомжей, в метро, в подворотнях. А тут по государственному каналу шайка прохвостов больше года только и делает, что разжигает эту вражду по самому чувствительному вопросу, и все молчат — президент, министр обороны, министр культуры, министр иностранных дел…

Пока они будут молчать, я, как русский человек, сын царского офицера и коммунист-фронтовик Отечественной, от лица родного мне Третьего Белорусского фронта, которым командовали поочередно украинец Черняховский, русак Василевский и армянин Баграмян, скажу вам, Правдюк: ничего русского в тебе не было, нет и не будет, мягко выражаясь, подонок ты и провокатор. Ехал бы ты в Иркутск работать сторожем в музей Колчака, который соорудили недавно русские предатели своих отцов и болваны во главе с русским губернатором. Там ты был бы на месте.

Часть 2

ПРЕЕМНИКИ ЙОЗЕФА ГЕББЕЛЬСА. ВИД НА ВОЙНУ ИЗ ОКНА МИНИСТЕРСТВА ПРОПАГАНДЫ

Читаю недавно вышедшую книгу Леонида Млечина «Сталин, его маршалы и генерала» (М., Центрполиграф, 2004). Читаю и плачу, читаю и плачу...

Ну как же ты, болезный, дошел до жизни такой?.. Ведь мама долго работала в «Литературной газете», автор замечательных сочинений по зарубежной литературе, ныне — доктор филологии, член Союза писателей; папа, вернее, отчим окончил элитный МГИМО, был главным редактором «Вечерней Москвы», «Недели», пятнадцать лет работал в той же «Литгазете» заместителем самого товарища Чаковского, члена ЦК, потом — заместителем главного редактора «Известий» и даже был помощником Первого секретаря МК КПСС; и оба они лет по 30—40 состояли в коммунистической партии...

Какие высокие посты! Какие блестящие карьеры! Было сыночку у кого и ума и знаний набраться... Да и сам окончил лучший в стране Московский университет, был замом в «Новом времени», потом сидел в том же как бы наследственном кресле зама главного в «Известиях», издал около двух десятков бестселлеров криминальной тематики, из коих что-то к восторгу японского

императора переведено на японский язык, стал членом какого-то Союза писателей да еще — редсовета газеты «Черная кошка»...

И вот листаю последнюю книгу «Сталин и его маршалы» и не могу сдержаться, листаю и заливаюсь слезами... В кратком предисловии автор пишет: «Эта книга о судьбе нашей армии. О военачальниках и полководцах». Сам в армии не служил, но писать и рассуждать о ней страшно любит, просто не может без этого. Как Радзинский, как Чубайс, как Немцов...

Разумеется, мы в надежде, что все, относящееся к жизни армии, Л. Млечин изучил до тонкости. Что — все? Да именно все, начиная с воинских званий и знаков различия. Что ж, посмотрим?

О довоенных званиях и знаках различия он пишет: «На рукаве гимнастерки и шинели геометрические фигуры — треугольники для младшего командного состава, квадраты для старшего и ромбы для высшего. Квадраты в армейском обиходе стали именовать «кубарями», ромбы — «шпалами»» (с. 69).

Право, как с луны свалился! Не ушиб темечко?.. Ведь даже в кино или на телевидении, где он так неутомимо трудится в «Особой папке» и «Верстах», мог бы видеть, что, во-первых, указанные знаки различия были не на рукавах, а на воротниках. Собачья старость, что ли, постигла, — не отличает рукав от воротника... Во-вторых, кроме младшего, старшего и высшего комсостава существовал еще средний, и он именно (младший лейтенант, лейтенант, старший лейтенант), а вовсе не старший комсостав носил «кубари» — от одного до трех. В-третьих, ромбы, разумеется, никто, кроме полоумных, не называл «шпалами». Если не знаешь, что такое шпала, сходи в метро или на Казанский вокзал и

посмотри. Ни одного ромба не найдешь. Старший комсостав (капитан, майор, подполковник, полковник) как раз и носил «шпалы» — от одной до четырех.

А о погонах исследователь пишет, что они были введены не в 43-м году, а на пять лет раньше, еще до Холхин-Гола. Тут новость и о министрах, в том числе о военном: будто бы появились они у нас не в 46-м году, а еще в 25-м (с. 11).

Ну как же тут мне, старому солдату, не расплакаться!..

А в аннотации сказано, что автор широко использовал в книге «недавно рассекреченные документы». Интересно, когда же это рассекретили хотя бы то, что ромбы это «шпалы»?

А вот как выглядит эрудиция Млечина в области воинских званий, когда он не вообще рассуждает на эту тему, а пишет о конкретном лице: «В июле 1939 года на Халхин-Гол прибыл комкор Г.Жуков» (238). На самом деле он прибыл туда в конце мая, и уже 30-го они вместе с комбригом Денисовым и полковым комиссаром Чернышовым отправили наркому обороны Ворошилову донесение об обстановке в районе боев (*В. Краснов.* Неизвестный Жуков. М., 2000. С. 100). Кроме того, Георгий Константинович прибыл не комкором, а комдивом, что на один ромб меньше. Комкора ему присвоили только в конце августа, после ликвидации под его командованием японской группировки, тогда же — звание Героя Советского Союза. Читателю все это знать совершенно не обязательно, но ты же взялся писать о «судьбе армии», а не историю русского балета...

Но Млечин с ученым видом знатока просвещает нас и дальше: «Воинские звания в Красной Армии присваивались не в соответствии с военными знаниями и ус-

пехами. Значение имело социальное происхождение и политическая преданность» (с. 769). Тут справедливо только последнее: да, политическая преданность власти всегда имела и имеет значение во всех армиях мира, политических противников не только не продвигают по службе, но даже избавляются от них. Зачем далеко ходить — припомните, мыслитель, холуйски воспетого вами Ельцина: сколько уволил он офицеров и генералов, понявших, что их главнокомандующий — предатель родины и американский холуй. А насчет социального происхождения поцелуйтесь с Юрием Мухиным, который тоже полоумно убежден, что Сталин поручал Жукову самые ответственные дела, продвигал его и щедро награждал лишь потому, что полководец имел рабоче-крестьянское происхождение.

* * *

Иные страницы книги читаешь и не только слезы льешь, но, право, и кондрашка хватить может. Судите сами, вот рассказывает автор, что в конце 30-х годов Наркомат вооружения предложил оснастить Красную Армию автоматами, но Ворошилов будто бы был против и при этом будто бы сказал: «Где нам набрать столько пуль для автоматов?!» (с. 306).

Поняли? Набрать! Пуль! Как орехов или желудей в лесу... И после этого крутолобый сочинитель гвоздит Ворошилова как бесталанного наркома обороны. Правильно! Какой же это нарком, если вместе с Млечиным не знает, что такое патроны, что такое пули и в каком лесу их можно набрать.

Мне могут заметить: «Ну, хорошо. Звания, знаки различия, оружие, патроны, — все это, конечно, имеет

прямое отношение к армии, к войне, но все-таки еще не сами боевые действия, не война. Так, может, в суждениях о войне Млечин не столь малограмотен и туп?»

Ах, добрый читатель!.. Сей летописец судьбы нашей армии не знает, когда появились важнейшие документы, имеющие отношения к войне, приказы, директивы, когда произошли крупнейшие события на фронтах, дает им совершенно безграмотную и лживую оценку и т.д. И это касается не только Великой Отечественной. Он лжет повсеместно и до нее.

Однажды Григорий Явлинский очень точно сказал Чубайсу: «Анатолий Борисович, вы лжете всегда, во всем и по любому поводу». Правда, порой трудно различить, где у него оголтелая ложь, а где элементарное тупоумие. Вспомните, например, как однажды в споре по телевидению со Светланой Горячевой этот чудо-реформатор заявил, что до войны наши укрепления на границе были обращены не в сторону предполагаемого противника, как у других стран, а внутрь своей территории. Как так? Почему? Зачем? А затем, говорит, чтобы население не удрало за рубеж. По-моему, тут все-таки больше простого тупоумия. Так вот, Млечин — сочинитель чубайсовской породы.

Взгляните хотя бы на то, что он пишет о военном столкновении летом 1938 года у озера Хасан. Всю вину валит на Красную Армию, которая, дескать, обидела миролюбивых самураев, почему-то оказавшихся за тысячи километров от своей родины на советско-китайской границе. Ссылаясь на каких-то безымянных историков (любимый приемчик дезинформации!) заявляет, что с военной точки зрения бои у озера Хасан были позорным для нас провалом (с. 228). Таким же «позором на весь мир» оказались и бои на Халхин-Голе летом

1939-го. Да, в ходе этих сражений были ошибки, неудачи, срывы, но, во-первых, раз в сто меньше, чем вздора и в этой и в других книгах Млечина. А главное, кончилось-то дело полным разгромом врага, который за четыре месяца боев, не выиграв ни один из них, наконец, запросил пощады.

Как всегда и во всем, Млечин пытается принизить наш успех и хоть отчасти оправдать или обелить наших врагов: «Японские войска не были готовы к боевым действиям на Холхин-Голе. 23-я японская дивизия, с которой сражалась Красная Армия, была сформирована в Маньчжурии из необученных и необстрелянных новобранцев» (с. 238).

Так чего ж, говорю, 38 тысяч этих необученных занесло через весь Китай и Маньчжурию за тысячи верст от любимой родины на землю Монголии, нашего союзника? Да еще прихватили с собой 225 самолетов, 135 танков и 310 орудий (ВЭС, с. 791). И разве эта 23-я дивизия была одна-одинешенька, как изображает Млечин? Нет, сударь, в августе тут развернулась 6-я армия генерала О. Риппо. Целая армия! Это уже 75 тысяч штыков, 300 самолетов, 182 танка и 500 орудий. А им противостояла 1-я армейская группа под командованием комдива Жукова, в которой насчитывалось 57 тысяч солдат и офицеров, 515 самолетов, 498 танков, 385 бронемашин и 542 орудия (там же). Да, уступая по численности живой силы, мы превосходили японцев по вооружению и технике. Так кто ж их просил лезть на рожон? И хотя, как пишет Жуков, «японские части дрались до последнего солдата» (это «новобранцы»-то необученные), но, увы, 30 августа 1939 года «6-я японская армия, вторгшаяся в пределы Монгольской Народной Республики, была полностью уничтожена» (Воспоминания, с.161, 163).

Вот такой «позор на весь мир»...

* * *

17 сентября того же года, после того, как бездарное польское правительство, бросив свой народ, бежало в Румынию, Красная Армия вступила на территорию рухнувшей под немецкими ударами Польши. Зачем? Да это же яснее ясного: чтобы не дать фашистской Германии захватить соседнюю страну целиком, чтобы взять под защиту единокровных братьев — украинцев и белорусов и таким образом отодвинуть свой пограничный рубеж на несколько сот километров к западу.

Ллойд Джордж, английский премьер в 1916—1922 годы, говорил в те дни о нашем вступлении в Польшу: «СССР занял территории, которые не являются польскими и были захвачены ею после Первой мировой войны... Было бы безумием поставить русское продвижение на одну доску с продвижением Германии». Выступая 1 октября 1939 года по радио, Черчилль, тогда будущий премьер Англии, развил мысль своего предшественника: «Для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии». А ведь и Ллойд Джордж, и Черчилль были уж очень, очень, очень небольшими друзьями коммунистической России.

Млечин, конечно же, объявляет наше вступление циничной агрессией, очередным позорным разделом Польши и клянется, что поляки, а затем прибалты встретили Красную Армию неприязненно, враждебно, а «командиры и политработники старались оградить бойцов от общения с населением» (с. 397).

Но соображает ли наш мыслитель, что случится, если на одну чашу исторических весов бросить его и,

допустим, Яковлева, двух беглых коммунистов, а на другую положить двух крупнейших политических деятелей XX века? Я думаю, что при этом наши скорбные умом и совестью соотечественники взлетят туда, откуда они свалились, — на Луну.

А вот что писал еще и В. Бережков, переводчик Сталина, позже — доктор исторических наук, тоже не этим беглеца чета: «Мне, как свидетелю событий осени 1939 года, не забыть атмосферы тех дней в Западной Украине и Западной Белоруссии. Нас встречали цветами, хлебом-солью, угощали фруктами, молоком. В небольших частных кофе советских офицеров кормили бесплатно. То были неподдельные чувства. В Красной Армии видели защиту от гитлеровского террора. Нечто похожее происходило и в Прибалтике». Это можно видеть и в кинохронике тех дней, которая иногда проскакивает на наши телеэкраны, когда зазевается какой-нибудь Эрнст или Добродеев, что ли.

А у Млечина все вверх демократическими ногами: «Поляки возненавидели русских... Когда 22 июня 1941 года появились немецкие войска, поляки радовались и встречали их как освободителей, встречали части вермахта хлебом-солью»(с. 271). И это после беспощадного разгрома Польши и почти двух лет фашистской оккупации ее? Советские поляки радовались, вдыхая доносившуюся с захваченной немцами польской земли гарь печей Освенцима?

Полякам (как и евреям) молиться надо на русских и, прежде всего, на Сталина. Во Второй мировой польские правители, установили абсолютный рекорд подлости и тупоумия, перекрытый только теперь Горбачевым да Ельциным. Тогда в короткий срок они показали себя сперва шакалами, а потом — баранами. Шакалами — в

1938 году, когда вместе с фашистской Германией растерзали Чехословакию и получили от Гитлера за усердное участие в разбое богатую Тишинскую область. А баранами — в 1939 году, когда своей безмозглой и высокомерной политикой ухитрились остаться со своими кавалерийскими дивизиями один на один против танковых армад вермахта.

Молиться надо полякам на русских уже за одно то, что 600 тысяч наших солдат и офицеров полегли в их землю, освобождая ее от фашистов, истребивших 6 миллионов поляков.

Молиться им надо на Сталина... Беглые правители Польши, совершив еще в 1939 году сверхмарафон по маршруту Варшава — Люблин — Будапешт — Лондон, отъевшись на чужих хлебах, стали давить через английский МИД на премьера Черчилля, чтобы он добился у Сталина согласия на их возвращение к власти в Варшаве. Премьер долго сносил домогательства беглых поляков и своего МИДа, но, в конце концов, не выдержал и 7 января 1944 года, когда русские полки под командованием великого русского поляка Рокоссовского, давя немцев, уже рвались освобождать Польшу, Черчилль направил в МИД записку для сведения шантажистов-марафонцев. Он писал: «Без русских армий Польша была бы уничтожена или низведена до уровня рабского положения, а сама польская нация стерта с лица земли. Но доблестные русские армии освобождают Польшу, и никакие другие силы в мире не смогли бы этого сделать... Поляки, должно быть, очень глупы, воображая, что мы собираемся начать новую войну с Россией ради польского восточного фронта. Нации, которые оказались не в состоянии себя защитить, должны принимать к руководству указания тех, кто их спас и кто предоставляет им перспективу истинной свободы и независимости».

* * *

В конце ноября того же 1939 года началась финская война. Она была короткой, всего 112 дней. Но историк Млечин и этого не знает, со слов Хрущева, такого же грамотея, как сам, пишет: «Она продолжалась 105 дней» (с. 294). И клеймит свою родину: «неудача»... «плачевные итоги»... «позор на весь мир!» Он, видите ли, уверен, как уверен тот же лысенький умник Радзинский, что мы хотели завоевать всю Финляндию, «присоединить ее к Советскому Союзу» (с. 258, 410), и потому «советские войска получили приказ выйти на границу со Швецией и Норвегией» (с. 296). И потому, когда война уже шла, на одной «вечеринке» Сталин произнес людоедский тост: «Пока мы убили в Финляндии шестьдесят тысяч человек. Надо убить остальных, и дело будет сделано» (с. 296).

Это что ж была за «вечеринка»? А «дружеская вечеринка 21 января 1940 года по случаю дня рождения Ленина» (там же). Можно ли вообразить себе большее тупоумие и лживость, чем превращение даты смерти в дату рождения? Вот именно так Млечин извратил и нашу цель в Финской войне: хотели, мол, захватить, присоединить, «но финны не пожелали отказаться от независимости и отстояли свою страну» (283, 292).

Да если бы мы хотели завоевать Финляндию, то могли бы сделать это если уж не в марте 1940 года, когда дорога на Хельсинки была открыта и финны запросили мира, то очень просто — в 1944 году, в пору высшего расцвета могущества и славы нашей Родины, когда битые финны расплевались с немцами и вторично капитулировали перед Красной Армией.

Наша цель была — отодвинуть границу от Ленинграда, за что мы до начала войны предлагали финнам вдвое большую территорию, и получить военные базы. И мы всего добились. Где же тут «неудача», «плачевный итог», «мировой позор»? А он все пыжится: «Сталин повелел считать Финскую кампанию победоносной» (с. 317). Повелел!.. Она и была такой, ибо армия выполнила поставленную задачу, все цели были достигнуты, все задачи решены, все выгоды получены.

* * *

Но вот началась Великая Отечественная... Но здесь пора раскрыть одну тайну. О начальной поре войны Млечин пишет: «Линия фронта быстро отодвигалась на восток» (с. 562). Вдумайтесь: отодвигалась от чего? Конечно же, от Германии, от Берлина, от новой имперской канцелярии Гитлера, от министерства пропаганды Геббельса. Вот из Берлина, скорей всего, из окна министерства пропаганды Млечин и смотрит на свою родину, на Великую Отечественную войну и в меру своего плоскоумия старается все охаить, извратить, оболгать, а оккупантов — обелить: он и слов таких, как «фашист», «гитлеровец», «захватчик», не употребляет. И фашисты у него не захватывают наши города, а только берут.

Из всех наших маршалов, начиная с Ворошилова, не наговорил гадостей, кажется, лишь о Рокоссовском. Но и его, право, уж лучше бы не вспоминал. Смотрите, что пишет: «В сорок четвертом году Рокоссовский хотел взять Киев, и его 60-я армия под командованием генерала Черняховского уже была на подступах к столице Украины, но во второй половине сентября его фронт перенацелили на черниговское направление. Киев от-

дали (!) Воронежскому... Сталин лишил Рокоссовского возможности нанести удар на главном направлении» (с. 784). Вот, мол, какая жуткая несправедливость к замечательному полководцу. И не соображает, что поставил в идиотское положение не только себя, но и Рокоссовского: у него маршал, как сонная тетеря, в сорок четвертом мечтает освободить город, который был освобожден еще в прошлом году. И сделали это войска не Воронежского фронта, а 1-го Украинского под командованием Н.Ф. Ватутина, а Рокоссовский никогда 1-м Украинским не командовал.

Этот пассаж чрезвычайно характерен: голова аналитика забита ворохами всякой чепухи: у кого какая зарплата, на каком этаже чей кабинет находился, кто чем болел, что подавали на приеме, у кого жена еврейка, а у кого — полуеврейка и т.п. А вот когда и кто освободил Киев, мать городов русских, он не знает. Почему? Да его это просто не интересует, у него голова забита другим: как бы смастачить новую книженцию, да чтобы клевета в ней была покруче, позабористей и шире по охвату советской жизни.

* * *

Примером широкоохватной подлости могут служить слова кинорежиссера Льва Арнштама, будто бы сказанные когда-то критику Лазарю Шинделю и подхваченные, как великая драгоценность, и растиражированные Млечиным. В 1944 году Арнштам снял фильм о Зое Космодемьянской, за что, как и Маргарита Алигер за поэму «Зоя», получил Сталинскую премию. И вот Шиндель уверяет: «С негодованием говорил он (Арнш-

там) о матери Зои. Она снимала пенки с гибели дочери. Славы ради она вытолкнула в добровольцы младшего брата Зои. Он по возрасту еще не должен был призываться, и мальчишка погиб» (с. 667).

Арнштам в 1979 году умер, а Лазарь Шиндель, с которым я когда-то работал в «Литгазете», благополучно здравствует, как и Млечин. Я не знал Арнштама, но все-таки мне трудно поверить, чтобы он сказал такое. Неужели нет предела низости? Но что взять с покойника! А ведь эти двое говорят не о матери, потерявшей на войне дочь и сына, а о себе, о своей способности «снимать пенки» с чего угодно, где угодно, когда угодно: сидя в креслах «Литгазеты» да «Известий», снимали пенки советские, теперь снимают антисоветские, русофобские...

И не могут допустить мысли, что тысячи и тысячи советских людей шли на фронт добровольно, не в состоянии поверить, что Александр Космодемьянский пошел добровольно. Он родился в 1925 году. В сорок втором ему еще не было восемнадцати призывных лет, и его направили в Ульяновское танковое училище, которое он окончил в 1943-м. Ему уже исполнилось восемнадцать, и как командир батареи САУ он участвовал в боях за освобождение Белоруссии и Прибалтики. Стал старшим лейтенантом, за отличие в боях был награжден орденом Ленина и Отечественной войны обеих степеней. Погиб 13 апреля 1945 года двадцати лет в Восточной Пруссии, где довелось тогда в составе 50-й армии быть и мне.

Несчастная мать отдала родине двух любимых детей. А Шиндель потерял на войне два пальца правой руки. Как говорится, почувствуйте разницу.

* * *

В глубокой задумчивости смотрю я порой на эти мордашки: Чубайс, Млечин, Немцов, Попов, Правдюк, Радзинский, Володарский, Жуховицкий, Розовский… У них есть нечто общее: никто не был ни на какой войне и даже, кроме одного, кажется, не служил в армии, но все ужасно любят точить лясы именно об армии и войне. Ну, просто хлебом их не корми, только дай потрепаться о том, как ужасна наша армия, как тупы военачальники, как бездарно мы победили немцев и т.п.

Тут надо бы еще назвать В.А., В.С. и И.Г., но я воздержусь, ибо два первых уже, как говорится, «присоединились к большинству», а о третьем появляются книги под заглавием «Гений». Как поднять руку на гения! Объявят новым Сальери.

Однако и умолчать невозможно. Судите сами. Первый из них в советское время искренне врал, что мы громили немцев при соотношении потерь 1:10 в нашу пользу, а в антисоветское — искренне врал, что такое именно соотношение было в пользу немцев.

Еще ужасно стыдил нас за то, что мы защищали Ленинград. Вон, говорил, французы-то сдали без единого выстрела Париж, потрепыхавшись, сдали и всю страну. Так почему бы нам не последовать примеру просвещенной нации? А мы, как дикари, цеплялись за какой-то Брест, за Одессу, Севастополь, Сталинград…

Больше двадцати городов по два-три раза переходили из рук в руки. Ничего подобного не было же в цивилизованной Европе. Вот и нам надо было все это сдать без боя. И сейчас читали бы «Allgemeine Zeitung» да пили бы баварское пиво, ожидая своей очереди в душегубку.

Кроме того, не смея все-таки отрицать нашу победу, В.А. в соавторстве с В.С. твердили: «Красная Армия не умела воевать! Мы завалили немцев трупами!» Как это могло быть при тогдашней уже могучей боевой технике? Да только одна возможность: грузили наши и немецкие трупы на самолеты и сбрасывали их на вражеские позиции, крепости, города. И немцы в ужасе разбегались или сдавались в плен.

А И.Г., благополучно здравствующий при всех властях и режимах, негодует по поводу того, что Советское правительство в обстановке начавшейся Второй мировой войны предусмотрительно — миром не удалось, пришлось силой — отодвинуло границу от Ленинграда, родного города И.Г., обрело военную базу на полуострове Ханко и приняло некоторые другие меры для безопасности второй столицы…

Это он подпевает Радзинскому и Млечину, которые клянутся, что «Сталин хотел захватить всю Финляндию, но бесстрашные финны сорвали гнусные планы».

Крутолобые! Я уже говорил, но специально повторю для этих идиотов: если бы у Советской власти была такая цель, то мы имели полную возможность сделать это уж если не в марте 1940 года, то в сентябре 1944-го, когда бесстрашные финны второй раз за четыре года подняли перед Красной Армией руки вверх и по разумному примеру Болгарии и Румынии объявили войну Германии.

* * *

Но вернемся к начальному перечню бесовских мордашек. Пригляделся я к Радзинскому. Какая наследственность у человека! Во время войны его молодая ма-

тушка Софья Гавриловна, ведая пайками для эвакуированных в Ташкент писателей, обкрадывала уже старую Анну Ахматову, — об этом со слов самой Анны Андреевны рассказала в книге о ней Лидия Чуковская. Мамаша подкармливала пятилетнего Эдика. Вот почему он вырос таким талантливым — ахматовские харчишки! Но с другой стороны — материнские гены: он тоже любит при случае стянуть что-нибудь вкусненькое.

Как незадолго перед смертью рассказала корреспонденту «Литгазеты» дочь генерала Деникина, Эдик уворовал у нее изрядный по объему лакомый кусочек простодушно подаренной ему книги о Распутине. Поэтому нет ничего удивительного, что и Великую Отечественную он изображает не как войну за свободу и независимость родины от фашистского нашествия, а как разборку двух воровских банд, за что и полюбили его два президента по эту и ту стороны Атлантики, за что и получил он какие-то ордена, какие-то премии, за что и держат его в должности главного трепача на телевидении. Словом, за любой приз Радзинский может поспорить с кем угодно.

А взгляните на братишку Володарского. Это явный претендент на приз не только за роман и фильм «Штрафбат», но и за некоторые заявления о войне. Тут надо заметить, что у названных выше лиц такое устройство ума и такого пошиба сердце, что они легко и просто, порой даже с радостью допускают в людях любую подлость и любую низость.

Приведу лишь один пассаж из беседы Володарского с Дейчем: «Американцы были вояки те еще! В 44-м году немцы кое-как собрали три дивизии из 15-летних мальчишек, из сопляков. И эти три дивизии так вмазали американцам в Арденнах, что те покатились, как грох по полу. 15-летние мальчишки их отмутузили!»

Это он, видимо, хотел изобразить себя то ли антиамериканцем, то ли советским патриотом. А на самом деле это чушь, достойная Правдюка. Какие три дивизии? Какие мальчишки? Там была мощнейшая группировка: 7-я общевойсковая армия, 5-я танковая армия, 6-я танковая армия СС да еще особая танковая бригада Отто Скорцени для действия в тылу противника — всего около 250 тысяч сопляков, имевших примерно 1000 танков, 800 самолетов, 2617 орудий и минометов. Да, американцы бежали верст этак сто, но потом, когда мы по просьбе Черчилля раньше плана начали Висло-Одерскую и Восточно-Прусскую операции и оттянули несколько дивизий сопляков, союзнички очухались и, потеряв 77 тысяч солдат и офицеров, все-таки отбросили немцев.

Это о немцах и американцах. А вот что Володарский лепечет о Красной Армии: «Жуков, вспоминая об операции «Багратион», пишет: чтобы не снижать темп наступления, потребовались свежие силы. Из резерва была выделена 10-я армия, но ее все нет и нет. Стали выяснять, в чем дело. Оказывается, от голода армия легла, солдаты не могли идти. Они четверо суток не получали паек. Уж если такое происходило с резервом армий, то можете догадаться, как кормили штрафников».

Во-первых, штрафников кормили так же, как всю армию, что подтверждает хотя бы живущий ныне в США Лев Бенционович Бродский, бывший штрафник 8-го штрафного батальона 1-го Белорусского фронта (Новое русское слово, № 20'05. Нью-Йорк). Можете ему позвонить, Володарский.

Во-вторых, никакой необходимости привлекать свежие силы, чтобы не снижать темп наступления во время операции «Багратион» в Белорусии, не было: сил

имелось достаточно, а темп наступления — очень высок: 20—25 километров в день.

В-третьих, где же и когда же это Жуков писал? Тайна фирмы Володарского.

А главное, как могло случиться, что летом 1944 года целую армию, то есть тысяч 80 или больше человек, морили голодом? Да почему же Сталин или Жуков, обнаружив это, немедленно не отдали под суд начальника тыла генерала армии Хрулева Андрея Васильевича? И тут ларчик с треском открывается: 10-й армии тогда не существовало. «Багратион» — это 23 июня — 29 августа 1944 года. А 10-ю армию еще в апреле Ставка расформировала, на базе ее управления создав управление 3-го Белорусского фронта, в составе которого под командованием генерала армии Черняховского, а после его гибели — маршала Василевского довелось дойти до Кенигсберга и моей части.

Дейч! Хоть вы, что ли, втемяшьте мэтру: 10-я армия летом 44-го просто не су-ще-ство-ва-ла! Вот такой он знаток войны на западе и на востоке.

И еще один штришок портрета художника-гуманиста. В «Штрафбате» показана русская деревня, занятая немцами. Сходились некоторые наши женщины с оккупантами? Я лично таких не встречал, но, понимая, сколь многообразна жизнь, допускаю: кто под угрозой, кто — чтобы выжить, а, видимо, были и такие, что по доброй воле. Так вот у Володарского молодая русская женщина сходится с немцем добровольно, но этого ему мало: она у него еще и вдова погибшего на фронте солдата, у нее к тому же и сына-подростка немцы убили уже тут в деревне едва ли не на глазах, а малолетняя дочка всегда с радостью встречает немца: «Дядя Курт пришел. Шоколадку принес!» А это, вполне возможно, убийца ее отца.

Вот теперь русский художник Эдуард Володарский доволен созданным образом русской женщины.

А о Жукове говорит: «Солдаты на фронте называли его мясником». То же самое, слово в слово, 22 июня изрыгнул и Правдюк. Они сами слышали это, когда матушка им задницу после горшка вытирала… Но вот документальный факт. Во время Сталинградской битвы Жуков поучал и стыдил командование 1-й гвардейской армии (генерал-лейтенант Голиков): «Разведка работает у вас плохо. Нельзя полагаться только на патриотизм, мужество и отвагу наших бойцов, бросать их в бой на неизвестного вам противника одним призывом «Вперед!». Немцев «на ура» не возьмешь. Мы не имеем права губить людей понапрасну» (Н. Яковлев. Маршал Жуков. М., 1995. С. 132). Таких наставлений Жукова и Сталина командующим войсками можно привести немало.

Но, говорит Володарский, я сам читал в воспоминаниях Эйзенхауэра, как он сразу после взятия Потсдама, увидев там груды советских убитых солдат, сказал маршалу Жукову: «Зачем вам нужен был этот Потсдам? Столько погибших!». А Жуков, — я, говорит, точно помню это — ответил: «Ничего. Русские бабы еще нарожают!»

Но вот эти воспоминания — «Крестовый поход в Европу», 525 страниц. Где, на какой странице приведенный разговор? Ответить Володарскому нечего. Будучи невеждой, он не соображает, что ведь его подлую ложь легко проверить. Так вот, Потсдам был взят 27 апреля. И Жуков с Эйзенхауэром там не встречались, еще шли бои, и они были в своих войсках. А встретились впервые лишь в начале июня и не в Потсдаме, а в штабе 1-го Белорусского фронта, находившемся в Венденшлоссе. Жуков вспоминал: «Встретились мы по-солдатски, можно

сказать дружески. Взяв меня за руки, он долго разглядывал, а затем сказал: «Так вот вы какой!» (Воспоминания и размышления. М., 1971. С. 669).

Но приглядитесь, как у Володарского подлость сочетается с редкостной тупостью! Он уверяет, что маршалу Жукову ничего не стоило признаться в чудовищном деле американскому генералу да еще с таким цинизмом по отношению к родному народу, к русской женщине. И этот литературный колбасник называет Жукова мясником, ссылаясь при этом на каких-то солдат, с которыми он портянки сушил. Да не с Радзинским ли? Или с Жуховицким?

* * *

Помянутый Леонид Жуховицкий не так давно в одной международной газете напечатал статью о разгроме немцев под Москвой. И озаглавил ее укоризненно, даже гневно: «Подвиг на крови». Он, видите ли, за бескровные военные подвиги. Видимо, по его представлению, в Ледовом побоище, в Куликовской битве, в Бородинской лилась не кровь, а клюквенный сок.

И говорит голосом ветерана: «Молодые должны знать и о том, почему враг оказался под Москвой, почему за три с половиной месяца гитлеровцы прошли путь, на который нашим войскам в обратном направлении понадобилось три с половиной года».

Ему, штафирке, война представляется соревнованием по спортивной ходьбе. Но, во-первых, ближе всего к Москве немцы подошли в начале декабря, т.е. не за три с половиной месяца, а за пять с лишним. Зачем жульничать? Наполеону же с его пехтурой и конной тягой, начавшему вторжение с тех же позиций да еще на два

июньских дня позже, потребовалось не пять и даже не три с половиной, а только два месяца. Как это объяснить, мыслитель? К тому же такая деталька: Наполеон вошел в Москву, а немцы на подступах к ней были разгромлены и отброшены. Неужели не видишь некоторой разницы, Жуховицкий?

Во-вторых, чтобы добраться до фашистского логова, Красной Армии предстояло не только освободить свою землю до Немана, Буга и Дуная, но и вышибить из войны Румынию, Венгрию, Финляндию, помочь Югославии, очистить Польшу, Чехословакию, пройти пол-Германии, перепоясанной линиями обороны… Ведь такие задачи не стояли перед вермахтом. Путь его от Буга до Москвы был покороче нашего от Москвы до Берлина.

В-третьих, знаешь ли ты, Леня, как и почему немцы оказались под Прагой и в Праге, под Веной и в Вене, под Варшавой и в Варшаве, под Брюсселем и в Брюсселе, под Амстердамом и в Амстердаме, под Осло и в Осло, под Копенгагеном и в Копенгагене, наконец, под Парижем и в Париже… И сколько времени понадобилось им для этих экскурсий?

Вот о чем, Леня, подумать бы тебе хоть в старости. А ты, не смущаясь мафусаиловым возрастом, все каких-то «молодых спутниц» сорокапятилетней свежести в «Еврейской газете» живописуешь да свою молодую Сусанну по телевидению демонстрируешь.

* * *

Но вот самый свеженький примерчик военно-исторического усердия бесовских мордашек. 9 мая, в День Победы, в «Известиях» появилась публикация «Договаривались ли Генералиссимус и Гитлер о войне с союзни-

ками?» Заголовок сразу ошарашивает: Сталин стал генералиссимусом уже после войны, когда Гитлера не было в живых. О какой хотя бы гипотетической договоренности между ними может идти речь? Да и лучше сказать «о войне против союзников», а не «с союзниками».

Далее говорится, что в книге одного старого писателя о Сталине (сейчас книг о нем выходит великое множество весьма разного достоинства) «впервые опубликованы сенсационные документы» о предпринятых Сталиным секретных советско-германских переговорах в феврале 1942 года с целью заключения мира с немцами и совместной войны против Англии и США.

Всякому нормальному взрослому человеку, имеющему представление об истории Советского Союза, об истории Великой Отечественной и о фигуре Сталина, с первого взгляда совершенно очевидна вся бредовость этих документов. Только нам тогда и не хватало войны с Америкой. Возьмите речь Молотова 22 июня, речи Сталина 3 июля, его приказ от 16 августа и выступления 6 и 7 ноября, его выступление в Ставке 5 января уже 1942 года, возьмите директивы и приказы Ставки за это время, переговоры по прямому проводу с командующими, — где вы там найдете хотя бы тень намека на возможность переговоров с немцами? Может быть, вот эти слова из доклада 6 ноября: «Если немцы хотят иметь истребительную войну, что ж, они ее получат»? Или, наконец, сомнителен его приказ от 23 февраля того же года, который заканчивался здравицей в честь родины, партии большевиков и Ленина: «Под знаменем Ленина вперед на разгром немецко-фашистских захватчиков!» А помянутые «сенсационные документы» уверяют, что именно в эти февральские дни шли сепаратные переговоры…

Еще 29 ноября 1941 года, за неделю до нашего контрнаступления под Москвой, министр вооружения Фриц фон Тодт воззвал к Гитлеру: «Мой фюрер! Войну необходимо немедленно прекратить, поскольку в военном и экономическом отношении она уже проиграна». Действительно, ведь план состоял в том, чтобы за несколько недель уничтожить наши войска и захватить Ленинград, Москву, Киев. Но Красная Армия продолжала сражаться, ее силы росли, а захватить удалось только Киев. В те же дни ноября, командующий группой войск «Юг» фельдмаршал фон Рундштедт предложил Гитлеру прекратить наступление, отойти на границу с Польшей и закончить войну политическим путем. И 28 ноября он начал отход, но в тот же день Гитлер заменил его фельдмаршалом Рейхенау. А уже после войны К. Рейнгард писал: «Планы Гитлера рухнули, видимо, в октябре 1941 года и безусловно с началом русского контрнаступления».

И вот в такой-то ситуации, ставшей для немцев к февралю еще более грозной, Сталин вдруг промурлыкал: «Людоед Гитлер, давай побеседуем…»

Да, говорит помянутый старый писатель: «Сложилась ситуация, похожая на ту, что наблюдалась (!) во время заключения Брестского мира. Сталин видел — немцы уже под Москвой, потери Красной Армии огромны, резервов нет, нет вооружения…» Да, потери огромны, но ведь они огромны и у немцев. В один из тех декабрьских дней начальник Генштаба генерал-полковник Гальдер записал в дневнике: «Командующий группой армий «Центр» фон Бок сообщает, что силы иссякли… Из пяти наших танков может вести огонь только один. События этого дня ужасающи и постыдны… Нам грозит опасность быть разбитыми».

Сталин видел, что немцы в 27 верстах от Москвы, 4 декабря, но на следующий день их поперли, поперли и поперли. Это потрясло непобедимый вермахт, он затрещал. Какой же тебе Брестский мир?

* * *

А как любит изгаляться о войне «Московский комсомолец»! Эта газетенка давно стала любимицей жриц, а потом и жрецов интимного досуга от 18 до 60 лет и старше. Она была первой и остается самой щедрой на их рекламу. Вот хотя бы рядовой номерочек еще за 9 декабря 2003 года: «Досуг. Молодые. 792-90-11»... «Досуг. 19—28 лет. 743-55-22. Дешево»... «Досуг. 18—31 год. Дешево. 309-70-33»... «Досуг. Дамы 18—55 лет. Все районы. 930-99-01»... «Досуг. Леди 18—60. Широкий выбор. Дешево. 945-00-86»... «Досуг. Феи. 24 ч. Все районы. 200-62-98»... «Досуг. У вас! Шикарные девушки! 746-45-49»... «Досуг. Русские красавицы. Выезд. 729-07-29»... «Досуг. Азиатки. Выезд.. 509-41-60»... «Досуг. Негритянки. 505-55-92»... «Досуг. Парни. 24 ч. 790-90-24»... «Парни lux. 778-60-54»...

И так — сотни две с лишним, и так — в каждом номере… И ведь за большинством объявлений не что иное, как нищета и горе… Заметьте, уж если сами леди объявляют «60 лет», то наверняка им за 80. А какой интернационал! И русские, и азиатки, и негритянки... Вот только евреек вроде бы нет, во всяком случае не обозначились. Но их, пожалуй, успешно заменяют Марк Дейч и Александр Минкин, парни lux.

Эти однояйцовые близнецы уже давно работают в газете под мудрым руководством Павла Гусева. Они очень похожи по внутренней сути, и по литературной

манере, главные черты коей — визг и вопли, судороги страсти и клацание зубами. Но Дейч, кажется, умнее Минкина, а Минкин, пожалуй, эрудированней Дейча: читал воспоминания одного битого немецкого генерала. Поэтому при желании отличить их все-таки можно.

22 июня в «МК» появилась статья А. Минкина «Чья победа?» о Великой Отечественной войне .

Статья написана еще в 1989 году, в пору самого полоумного разгула демократии. По его собственному рассказу, Минкин тогда обежал с ней крупнейшие центры разгула — «Московские новости», «Огонек», журнал «Апрель». На даже в ту пору даже такие зубры демократии, как Егор Яковлев, Виталий Коротич и Анатолий Приставкин, не решились напечатать статью. И тут Минкина, видимо наконец осенило: ведь в США много его соплеменников, может, они клюнут? И представьте себе, кто-то клюнул в Нью-Йорке. А потом еще и какая-то газетка в ФРГ, в Мюнхене.

Прекрасно! Международная слава. Но прошло много лет, и, видимо, все это время Минкин носился, бегал, шастал по редакциям газет милой родины. Но, увы, никто не желал печатать его Труд Жизни.

И тогда правдолюб решился. Вошел в кабинет главного редактора «МК» Павла Гусева с присланным ему в подарок из Мексики ледорубом, которым убили Троцкого, в правой руке и сказал: «Ну...»

И 22 июня статья появилась в газете. Прочитали все московские жрицы досуга, и даже они, говорят, решили больше не подписываться на «МК» и не читать его. Что ж удивительного? Помните мопассановскую Пышку? Она тоже была патриотка, и, несмотря на давление французских демократов образца 1870 года, с которыми

дорога свела ее на одной почтовой станции, отказалась переспать с пруссаком-оккупантом, который без этого не давал пассажирам экипаж.

* * *

О персонажах своей статьи представление у автора смутное. Уверяет, например, что немецкий генерал К. Типпельскирх, которого цитирует, «с 1928 года и до разгрома в 1945-м служил в Генштабе вермахта». Но, милый друг, во-первых, в 1928 году вермахт не существовал, он появился только в 1935-м. А Типпельскирх с января 1942 года командовал 30-й пехотной дивизией на советско-германском фронте, с декабря 1942-го там же — 8-й итальянской армией, с февраля 1943-го — 12-м корпусом, потом — 4-й армией, которая летом 1944 года потерпела тяжелое поражение в Белоруссии, потеряв 130 тысяч человек. После этого — командовал 14-й армией в Италии и сдался в плен англичанам. С чего ж вы взяли, что он всю войну просидел в Генштабе?

Но дело не в генерале, а в авторе. Он пишет, что «История Второй мировой войны» Типпельскирха «вышла у нас в 1956 году каким-то чудом». То есть надо понимать, что никаких других книг о войне немецких и вообще иностранных авторов на его железом занавешенной родине в ту пору не издавали. О дремучесть на двух ножках! Мы издавали и немцев, и американцев, и англичан, и французов...

Такие несуразицы на первый взгляд не столь уж существенны, но за ними виден персонаж, не умеющий работать, газетный халтурщик. В самом деле, ведь все это лежат на поверхности, проверить факты ничего не стоит, но он не привык работать, он ленив умом и телом, к тому же самоуверен и, довольствуясь тем, что

где-то что-то слышал краем уха, прет в газету, на трибуну, в Думу, охаивая свою родину.

Невежеству, к сожалению, частенько сопутствует плохое соображение. Вот Минкин именует Сталина «семинаристом-генералиссимусом», у которого-де за войну «и волос с головы не упал». Да ведь все великие люди были когда-то первоклассниками, первокурсниками, курсантами, учениками, подмастерьями, ну и семинаристами, — как можно не соображать это? И сам же когда-то сидел на горшке, а теперь — правая рука титана Гусева! Кроме того, почему же Гитлер не назван «ефрейтором-главнокомандующим»? Наконец, говоря «ни один волос не упал», вы, что же, маэстро, хотите, чтобы Верховный главнокомандующий в рукопашных боях участвовал? А ведь сам-то едва ли ринется в бой за «МК», если газета прекратит, наконец, печатать рекламу жриц досуга, и они пойдут на штурм редакции.

А главное, Минкин не соображает, что талант — вещь чрезвычайно загадочная, его связь с образованием и званиями порой не поддается уразумению. У великих писателей Максима Горького и Михаила Шолохова, в отличие, допустим, от Михаила Жванецкого, было за спиной всего три-четыре класса школы. И маршалы Жуков с Рокоссовским в Академии Генштаба не учились. Этот перечень можно продолжать долго.

Что же касается Сталина, то после семинарии он прошел великую школу жизни. Один день такой жизни мог бы превратить Минкина в Гусева. В годы Гражданской войны партия бросала его на самые трудные участки, и всюду он добивался успеха. Для умного человека это полезней всяких академий.

Не зная страну и ее историю, журналист lux не находит здесь для себя ничего, что радовало бы его, чем

он мог бы гордиться. В начале статьи пишет: «Победа над Гитлером — единственное светлое пятно в нашей истории. Чем еще можем гордиться?» А в конце, как итог всех авторских доводов и соображений, читаем: «Так что же получается? И победой гордиться нельзя? Получается, вообще нечем гордиться?! Один стыд?!» И тут же скорбно вздыхает: «Наверное, ничего не удалось доказать».

Естественно. Что и кому может доказать о Великой Отечественной войне, о самой героической и трагической странице нашей истории газетный пустозвон, презирающий свою родину! Ведь это выпирает из каждого абзаца статьи и начинается еще с рассуждений о довоенном времени.

Так, Финскую войну он называет провалом. С какой стати? Провал, сообщите и Радзинскому, это, например, американское вторжение в КНДР (1950—1953): хотели ликвидировать там народную власть и даже доперли до Пхеньяна, захватили его, но вскоре получили такой удар от корейцев и китайцев, что едва не плюхнулись в море. В конце концов договорились о границе по 38-й параллели. И американцы, ничего не добившись, утирая кровавые сопли, убрались восвояси.

Еще? Те же американцы во Вьетнаме (1959—1973). Цель — и тут ликвидировать социалистический строй. И результат тот же, даже еще более сокрушительный и позорный: если в Корее все-таки удалось сохранить угодный США сеульский режим в южной части страны, то во Вьетнаме американцам и их прислужникам пришлось уносить ноги и с юга, со всей вьетнамской земли: произошло объединение страны, над Сайгоном взвилось знамя народной победы, т.е. американцы получили совершенно обратное тому, чего так жаждали. Это

и есть, мыслитель Минкин, полный провал. Поделитесь этой новостью еще и с другом Млечиным.

Так вот, если американцы с дюжиной своих союзников за долгие годы войны (во втором случае 14 лет!) ничего, кроме вселенского позора и презрения, не получили в Корее и Вьетнаме, то мы безо всяких союзников за три месяца в тяжелейших природных условиях, очень удобных противнику для обороны, добились в Финской войне всех целей, которые ставили. Назвать это провалом, дружок, могут только олухи да клеветники.

* * *

Минкин пишет, что в предвоенную пору арестовали и посадили «всех авиаконструкторов». Ну, если всех, то назови на выбор два-три имени. А.С. Яковлева посадили? С.В. Ильюшин сидел? А.И. Микоян сидел?.. На самом деле действительно кое-кто некоторое время сидел, например, А.Н. Туполев, будущий академик, генерал-полковник-инженер, трижды Герой Социалистического Труда, восьмикратный кавалер ордена Ленина, пятикратный сталинский лауреат и т.д. Но Минкин не знает фактов, он почему-то думает, что ему и так поверят, поэтому просто вопит: «Все сидели!»

Что еще? «Уничтожили лучших разведчиков». Слава богу, не пишет, что всех. Но кого же именно? Зою Ивановну Воскресенскую? Мы жили с ней в одном доме, она умерла в глубокой старости лет десять назад. Николая Кузнецова убили бандеровцы, Зорге расстреляли японцы... Кто еще? Филби, Фукс и вся «великолепная пятерка» умерли своей смертью. Супруги Розенберг казнены не нами, а американцами как советские разведчики, коими они не было. Что дальше? В ответ — сопение...

Что еще было ужасного перед войной? Как же, говорит, «уничтожение вообще (!) командного состава Красной Армии». Слово «вообще» тут означает опять же «всего». А как иначе? Значит, в войну мы вступили без всякого командного состава. Лихо! Но рассуждать об этом уже просто неприлично, и обрыдло, и бесполезно, ибо «цифры публиковались неоднократно», Минкин их неоднократно читал, но ничего не понял.

А все-таки, какие цифры? Около 40 тысяч. Давно было показано, сколько тут демагогии: в число уничтоженных минкинские друзья зачисляют уволенных тогда из армии и по возрасту, и по болезни, и за пьянство, и за воровство, и за иные виды непотребства. И так набирают нужное количество.

Но даже если согласиться, что было репрессировано около 40 тысяч командиров, то это лишь около 20 процентов командного состава. А было еще 80, и это число перед войной росло за счет выпускников военных училищ и академий. Однако на самом деле в 1937—1939 годы было уволено 36 898 человек. Это число минкины, конечно, округляют на свой манер. А известно оно из «Отчета о работе Управления по начальствующему составу РККА за 1939 год», представленного 5 мая 1940 года Сталину, Ворошилову и Берии начальником Главного управления кадров Наркомата обороны, заместителем наркома обороны генерал-лейтенантом Е.А. Щаденко. К тому же, как следует из очередного отчета Щаденко, на 1 января 1941 года из числа уволенных было возвращено в армию свыше 13 тысяч командиров. Значит, процент уволенных оказался еще значительно ниже и 20. А арестовано было 8622 человека. Но это не значит, что все они были расстреляны или получили сроки заключения, возможно, многие были и оправданы.

* * *

Итак, рыдает Минкин, провалили Финскую кампанию, посадили всех до единого авиаконструкторов, уничтожили лучших из лучших разведчиков, истребили под корень весь комсостав армии. Какую бы еще гадость учинить стране? — гадает у него «государственный изменник» Сталин, о котором, говорит, я «ежедневно думаю» и круглосуточно ненавижу его. И вот что еще придумал этот его Сталин: «Ставка на кавалерию!» Что значит? Да, надо полагать, только одно: если в стране всего есть, допустим, 250—300 дивизий, то из них дивизий 200 должны быть кавалерийскими. Как же иначе!

Но что было на самом деле? На самом деле перед войной в Красной Армии было 4 кавалерийских корпуса, имевших по 2-3 дивизии, всего 13 дивизий. Какой жуткий недобор.

Но вот война все ближе. И что? Как что? Черчилль, говорит, предупреждает Сталина, а тот... А кто такой Черчилль? Едва ли Минкин знает, что до Гитлера тот был нашим врагом № 1 и после смерти Гитлера опять стал им, что именно Черчилль был организатором интервенции Антанты в годы Гражданской войны. При первой же встрече со Сталиным в августе 1942 года в Москве он спросил, простил ли его тот за интервенцию. Сталин ответил: «Бог простит».

Минкин едва ли своим lux-умом догадывается, что 22 июня 1941 года был самым счастливым днем в долгой жизни Черчилля, которого он ждал, как утопающий ждет, что ему бросят спасательный круг. Еще бы! Ведь Англия уже целый год оставалась один на один с германской военной машиной. Тут можно к слову заме-

тить, что и у Сталина отлегло на сердце 7 декабря 1941 года, в день нападения Японии на США. Значит, нам не придется воевать на два фронта; значит, можно перебросить на запад побольше дальневосточных и сибирских дивизий.

Так вот, просто ли было поверить Черчиллю? Тем более что Сталин знал о переговорах англичан с немцами, а только что, 10 мая, в Англию прилетел Гесс, заместитель Гитлера. Зачем? Полюбоваться замками Шотландии?..

Горазд Минкин на всякие загадки о войне. Вот пишет он о каком-то безымянном мужике, сбежавшем в 1934 году из голодающей деревни в город. А где эта деревня, что в том году голодала? Ведь голод был, как известно, раньше. А что это за город? Мужик, говорит, имел тяжелое ранение, хромал, едва ковылял, но «всю войну прошел в пехоте».

Всю! В пехоте! Хромой! Ну, разве не загадка? Правда, тут же узнаем, что еще задолго до окончания войны калечного мужика «послали в тыл аэродром охранять». Как хочешь, так все это и понимай! Тут могу сказать только одно: я таких калечных мужиков, таких голодающих деревень и неизвестных городов могу столько насочинять, что в «МК» места не хватит перечислить. Но дело не в этом, а в том, что сей мужик будто бы прочитал статью Минкина и сказал: «Спасибо. Все — правда». Где этот мужик? Как звать этого прозорливца, устами коего сочинитель дал себе достойную оценку. И верит ей! А еще верит битому немецкому генералу. Выходит, не лишен способности верить тому, кто говорит нечто для него отрадное.

А вот как загадочно разок упомянул Минкин и наших военачальников: «Генералы, даже маршалы уста-

ли доказывать, что не Сталин, а народ выиграл войну». Прекрасно. Но ни одного генерала или маршала, ни одной их книги или статьи Минкин, по обыкновению, не назвал. Почему? Да потому, что ни один из них не ставил так вопрос о победе, это могут разве что одни интеллектуальные бронтозавры, что сохранились еще только в «МК» под эгидой Павла Гусева. А нормальные люди понимают и всегда понимали, что в войне победил народ, которым руководили советская власть, партия и Государственный комитет обороны во главе со Сталиным, победила Красная Армия, которой руководила Ставка, и Наркомат обороны во главе со Сталиным.

* * *

И вот утром 22 июня немцы напали. А что Сталин? Сталин, говорит, жутко перетрусил и сбежал спасаться на дачу, там у него был погреб. Пардон, но дача-то к западу от Москвы. Значит, он бросился навстречу немцам? Да, говорит, навстречу: он же государственный изменник...

Минкин, лапушка, ведь от этой брехни уже давно отказались даже такие классики вранья, как Солженицын и Радзинский, последний даже покаялся. А вы опять... Стыдно же!

Со временем, говорит, Сталин все-таки очухался и выступил по радио. Но это была речь-призыв, произнесенная «в истерическом ужасе». А Солженицын писал, что Сталин выступал «полуплачущий». Однако, по признанию даже битого генерала Типпельскирха, «истерический» и «полуплачущий» призыв «нашел отклик в сердцах советских людей».

Немцы продолжали наступать. И опять же что Сталин? Оказывается, «как теперь стало известно, уже в конце лета 1941 года подумывал сдаться, засылал сватов через Берию в Болгарию, да фюрер побрезговал, отказал». В сентябре 1812 года, находясь в Москве, Наполеон засылал к Кутузову свата Лористона, но Кутузов побрезговал и погнал захватчиков с родной земли. А теперь вот Гитлер. Скажите, какой брезгливый! А ведь не побрезговал втянуть в войну против СССР Италию, Венгрию, Румынию, Финляндию, не побрезговал даже карликами — Хорватией, Словенией, не побрезговал и добровольцами — французами, испанцами, поляками, бельгийцами, даже евреями…

Но ведь о сватах через Берию в Болгарию писали уже многие, а теперь — ваше благородие. И все по-разному! Так, историк А. Уткин в сочинении «Вторая мировая война» (М., 2002) уверяет, что Сталин решил провернуть «феерическую интригу» примирения сразу, как стало известно о нападении немцев, — так он струсил в первые же часы (с. 191); Э. Радзинский в своем двухпудовом «Сталине» (М., 1997) пишет, что это произошло сразу после того, как 8 августа 1941 года Сталин стал Верхным главнокомандующим (с. 507); В. Карпов в «Генералиссимусе» (Калининград, 2002) дает свою светлую голову на отсечение, что Сталин решил помириться с фашистами и вместе ударить по США и Англии в феврале 1942 года, писатель даже показывает документик, будто подписанный «Верховным главнокомандующим Союза ССР» (с. 10—15), какового в природе, однако, не существовало; у вас же, Минкин, — в конце лета (в августе, да?) 1941 года.

Что ж вы так — кто в лес, кто по дрова! Собрали бы конференцию или даже конгресс олухов царя небес-

ного и договорились бы о единой и обязательной для всех дате, допустим, о 37-м мартобря!

А война идет. Много наших пленных. Позже появились власовская армия. Ликующе-негодующий друг народа Минкин тут как тут: «А почему ни из пленных поляков, ни из пленных французов немцам не удалось сформировать ничего подобного?» Ну, думает, поди, уел я их, куда денутся от такого бесспорного факта?

А на самом деле и тут обнаружил свое загадочное нутро. Во-первых, в этих странах не было ни революций, ни гражданской войны, ни других сопутствующих им явлений, порождающих противников власти. Кроме того, население Франции и Польши раза в 4—6 меньше, чем СССР, поэтому просто сыскать там предателей было гораздо труднее, чем в 194-миллионной стране. Наконец, в этих странах не могло быть «ничего подобного» хотя бы по той простой причине, что они были сокрушены мгновенно — в три-четыре недели. Какие тут могли быть «власовские формирования»? А ведь надо знать еще и то, что не пленные, которым некуда деваться, а регулярные части французской армии воевали вместе с немцами в Северной Африке против англичан, своих вчерашних друзей-союзников. А против нас в немецкой армии воевали и французы, и поляки, и многие другие мусье. Не слыхал, товарищ Минкин?

И потом, что такое власовская армия? Вот, Минкин, ваша сестра по разуму Сорокина-Каждой-Бочке-Затычкина в канун юбилея Победы организовала телепередачку «Каратели». И начала его своим грудным голосом так: «Этот фильм — о самой позорной странице Великой Отечественной войны». Ведь у вашей братии много в запасе таких страниц, но это — самая, припасенная к светлому праздничку. Кажется, у этой Затычки тоже

скоро 60-летие? Я обязательно подарю ей к юбилею перечень самых грязных ее сюжетиков против родного народа. Ну, например, срочное приглашение в студию фашистского недобитка Коха, как только он дал известное русофобское интервью израильскому радио.

Дальше: «Этот фильм о войне русских против русских. Более миллиона бывших российских граждан (почему, кстати, «российских», а не советских? Тогда ведь существовал СССР, и граждане были советские. Язык у мадам не поворачивается сказать — «советских»?) с оружием в руках воевали на стороне Германии».

Затычка не соображает, что говорит. Что касается именно русских с оружием в руках, то это Русская освободительная армия (РОА), состоявшая всего из двух дивизий (под командованием Буняченко и Зверева). Гиммлер разрешил сформировать и вооружить их только уже в отчаянную для Германии пору — в ноябре 1944 года. По сравнению со всеми попавшими в плен это меньше, чем Дейч и Минкин по сравнению со всем замечательным коллективом «МК» или мадам Затычка по сравнению со всем кагалом телевизионных клеветников.

А больше всего в гитлеровской армии было иных «российских граждан»: украинцев Бандеры, прибалтийских эсэсовцев, был и ККК — Калмыцкий кавалерийский корпус, и Туркменский легион, и известные кавказцы... Так что, всего, может быть, их миллион и наберется...

У нашего мудреца Минкина свое понимание, почему в Польше и во Франции не было «ничего подобного». Во-первых, «пленные буржуи и помыслить не могли воевать против своих» — такие они, видите ли, благородные, «а наши...»

Это даже загадочно. Учился же, надо думать, человек в школе и должен бы знать, что только что помянутые гражданские войны, революции, восстания были не только в гнусном ему отечестве, но и опять же в Англии, Франции, Америке, Испании... И всюду, представьте себе, свои колошматили своих. И как!.. Хотя именовалось это порой ах до чего красиво, например, — Война Белой и Алой розы.

Во-вторых, говорит, Советский Союз «обрек своих пленных на голодную смерть, назвав их предателями...». И что, благородные немцы приняли это указание и не пожелали кормить тех, кого враг назвал предателями? А мы не кормили ли немецких пленных только потому, что Гитлер не называл их предателями? Вот вопрос! Кроме того, говорит, Советский Союз «отказался кормить своих пленных через Красный Крест».

Какой Красный Крест, аспид газетный! Сам же пишешь, что Гитлер объявил немцев высшей расой, мечтал о мировом господстве и проводил политику уничтожения целых наций. Вот русские и другие народы Советского Союза, а вовсе не только ваши соплеменники и были подлежащими уничтожению.

* * *

А между тем, война продолжается. Немцы наступают, мы отходим. Минкин изображает это так: «Идешь в атаку — может быть, повезет, немцы не убьют. Отступишь — свои убьют обязательно». Нет предела его пронзительному взгляду в прошлое! Но ведь отступали-то до Москвы, отступали и после приказа 227 до Волги, до Эльбруса — и что, всех отступавших перестреляли?

Кто же тогда наступал? Кто освободил родину и взял Берлин — вы с Дейчем?

Однако же немцы наступают, обе стороны, естественно, несут потери. «Нападающий (Германия) должен нести больше потерь, чем обороняющийся (СССР)», — поучает мыслитель «МК». Но, ваше степенство, так бывает не всегда. Вот вы, нападающий на правду о Великой Отечественной войне, понесете у нас огромные потери. Но в жизни, мог бы сообразить, случается и по-другому. Разве не слышал, что вот врывается бандит в школу, в дискотеку, в храм и убивает десятки людей, а самого, если удастся, ловят и казнят лишь потом, у нас же и не казнят даже. Так было и в 41-м: ворвался бандит, который до этого устно и письменно обещал вести себя прилично, даже печать поставил, и начал кругом все крушить и уничтожать. И вас с Дейчем, невинных дитяток, попадись вы ему, уничтожил бы в первую очередь, потом — Гусева. Вы же уверяете: «Гитлер убивал по идейным соображениям только еврейских и цыганских детей». Правда, не совсем понятно, почему «только»? А русских и белорусов, украинцев и поляков, что, совсем не убивал или по каким-то иным безыдейным соображениям, просто попадались под руку? Нет, сударь, в русских он видел главного врага, об их обширной и благодатной земле, а не о еврейском клочке он мечтал всю жизнь. Так что русские были самые «идейные» жертвы фашизма. В целом советский народ пережил почти пять холокостов, но мы их никому в нос не суем.

А каковы же потери сторон? Минкин объявляет: у немцев 4,5 миллиона, у нас — 35. В другом месте дает соотношение: то 1:7, а то и 1:20. Если умножить 4,5 миллиона на 20, то получается 90 миллионов, т.е. почти половина всего населения страны. Для lux-ума и это не диво.

Но в таком случае, объясните, мудрец, почему же при столь пропорционально небольших потерях немцы подписали капитуляцию, и не какую-нибудь, а безоговорочную, т.е. делай с ними что хочешь. А ведь их было 80 миллионов, да еще страны-сателлиты и ресурсы всей Европы. С другой стороны, даже 35 миллионов, не говоря уж о 90, это почти все наше взрослое мужское население, способное носить оружие. Кто же вышибал немцев из страны, кто брал Кенигсберг, Будапешт, Берлин? Эшелоны с кем встречал народ на Белорусском и на всех вокзалах страны в мае 1945-го? Соображать надо, дядя, ведь уже лысенький. У вас, как у известной героини Островского, что «больше тыщи, то и мильен». Запомните и повесьте у Гусева в кабинете, что соотношение немецких и наших боевых потерь 1:1,3. Остальное — целенаправленное истребление фашистами и наших пленных, и нашего народа, включая евреев.

Но герой не сдается и доказывает наши двадцатикратные потери, во-первых, тем, что «все годы войны существовала тактика «взять город к празднику», в частности, ужасно хотели «взять Берлин к 1 мая». Кто сказал, что была такая тактика? Откуда взял? Но вообще-то говоря, если была возможность именно к празднику порадовать народ освобождением своего или взятием чужого города, то почему бы и не сдалать так. Но тактика?.. А главное-то в том, что Красная Армия освободила 727 советских городов и взяла 484 иностранных, всего это 1211 городов, причем, некоторые — дважды. Так что совсем не удивительно, что нередко это совпадало с нашими довольно многочисленными праздниками. Думаю, что даже к дням рождения Минкина, Дейча и тем более Гусева тоже что-нибудь освободили.

К слову сказать, тут уж самое непристойное жульничество: это вы, Минкин, напечатали свою профашистскую статью о Великой Отечественной войне 22 июня — как раз к знаменательной дате, к годовщине ее начала. А ваш однояйцовый близнец Дейч выступил в том же «МК» с не менее позорной статьей о Владимире Карпове именно в день его 80-летия.

Во-вторых, говорит он опять о потерях, личная тактика Сталина выражалась словами: «Нам дэшевая пабэда нэ нужна». Не соображая, как он выглядит, lux-еврей передразнивает грузина, оскорбляя его национально, а он, грузин, знал русский язык лучше, чем Гусев, Дейч и Минкин вместе взятые и помноженные друг на друга.

Это, мол, Сталин так сказал, «когда ему доложили, что при лобовом штурме Берлина неизбежны гигантские потери». Да ведь только полный идиот мог так сказать. А кому сказал? Разумеется, и тут одно вранье. Во-первых, Берлин брали не в лоб — он был окружен, потом шло дробление окруженной группировки и, наконец, добивание.

А кроме того, когда Жуков доложил Сталину, что хорошо бы взять Берлин к 1 мая, но не удастся, тот, как рассказал маршал К .Симонову, ответил: «Ну ничего, впереди Первомай, это и так большой праздник. А возьмем мы Берлин 2 мая или 3 мая, это не имеет большого значения. Надо жалеть людей, мы меньше потеряем солдат. Подготовьте лучше заключительный этап операции».

* * *

Ни об одной нашей победе — ни под Москвой, ни в Сталинграде, ни в Курской битве и т.д. — Минкин и не упоминает — это ему абсолютно неинтересно. Впро-

чем, нет — упоминает о взятии Берлина. Но как! Только с точки зрения потерь и, разумеется, лживо. А вот как оценивал эту битву хотя бы начальник штаба армии США генерал Д. Маршалл: «Хроника этой битвы дает много уроков для всех, кто занимается военным искусством. Штурм столицы нацистской Германии — одна из самых сложных операций Второй мировой войны... Она представляет собой замечательные страницы славы, военной науки и искусства».

Упомянул и об одной операции союзников. Да как трагически возвышенно! «У союзников тоже бывали смертельно опасные операции. Например, открытие второго фронта». Кто спорит? Конечно, опасная. Но за три с лишним года, что они увиливали от нее, Красная Армия провела множество смертельно опасных операций, в которых погибли миллионы советских людей. Нашему фанатику правды никогда не приходило в голову взглянуть на проблему второго фронта с этой стороны.

Дальше: «Представьте себе честного, храброго, патриотичного английского парня в ночь перед высадкой в Нормандии. Неприступный Атлантический вал. Смерть почти неизбежна...»

Перед нами запоздалая жертва гитлеровской пропаганды. Неприступность вала была только на языке Геббельса. На самом деле к дню десанта иные его сооружения были готовы на 50—60%, а то и на 15—20%.

И почему же смерть солдата была так уж «почти неизбежна»? Что, процентов на 95? Но ведь силы вторжения имели огромное превосходство над немцами, они составляли 2 млн. 876 тысяч человек. На участке вторжения 38 союзных дивизий при полном господстве авиации обрушились на 3 немецких дивизии. В результате их подавляющего во всем превосходства потери союзников

не превысили 5—6 процентов. Так что, если бы в этой десантной операции приняли участие Дайч в качестве моряка, Минкин как пехотинец и Гусев, естественно, как летчик, то шанс выжить у них был бы гораздо выше, чем ныне в московской профашистской газетке.

Из конкретных событий войны Минкин упоминает еще вот что: «Советская армия два месяца стояла рядом с восставшей Варшавой, хладнокровно ожидая гибель сотен тысяч ненужных поляков...» Какое позорное дело разоблачил правдолюб!

Я уже говорил, что перед войной польское правительство вело себя так подло и малограмотно, так спесиво и близоруко, как никто и, пожалуй, никогда: вместе с Гитлером и Венгрией приняло участие в растерзании Чехословакии, отвергало все советские предложения о диалоге, слепо поверило шкурным гарантиям Англии и Франции, — и в итоге Польша оказалась один на один с механизированными полчищами Германии. Той потребовалось три недели для ее полного разгрома.

Естественно, что после такого вселенского позорища полякам хотелось хоть как-то оправдаться. И именно для этого их правители, оказавшиеся в Лондоне, измыслили эффектный план — освободить Варшаву. Тогда бы они на весь мир шумели: да, войну мы проиграли, но свою любимую столицу все-таки освободили собственными силами! «Еще Польска не сгинела!..»

Да, 1-й Белорусский фронт вышел тогда к Варшаве. Командовавший им маршал Рокоссовский позже писал: «Нашлись злопыхатели, пытавшиеся в западной печати обвинить войска фронта и меня, конечно, в том, что мы сознательно не поддержали повстанцев, обрекая их на гибель». Да, когда-то лишь в западной печати, а теперь эти русско-еврейские злопыхатели на Красной Пресне.

Маршал продолжал: «2 августа (1944 г.) наши разведорганы получили данные, что в Варшаве будто бы началось восстание... Но его руководители стремились изолировать восставших от всяких контактов с Красной Армией». То есть они, начиная восстание, и не думали координировать свои действия с нашим командованием или хотя бы предупредить его. И это понятно: для них самым важным было освободить столицу исключительно своими силами, иначе все теряло смысл.

Маршал: «Ведь самым неудачным временем для восстания было именно то, в какое оно началось». Наши войска только что завершили Белорусскую операцию, пройдя с боями свыше 600 километров и разгромив мощнейшую группировку немцев. Естественно, тут и большие потери, и общая измотанность, и нехватка боевых средств. И на тебе — иди немедленно в бой за Варшаву! А для ее освобождения требовалась полномасштабная фронтовая операция, которая позже и была проведена. Словом, это восстание было тупоумной и, как всегда, спесивой авантюрой, обернувшейся для поляков большой кровью. Слышал обо всем этом пан Минкин? Едва ли...

* * *

Но вот война окончилась. Минкин в трагическом раздумье: «Кто победил?.. Для верного ответа сравним уровень жизни победителей и побежденных. Сравнение катастрофически не в нашу пользу». У немцев «реальный доход на душу населения» гораздо выше. Значит, они и победили.

Перед нами все тот же спортивно-арифметический подход к войне, на сей раз шкурно-гастрономического

уклона: у кого годовой доход на душу выше, кто ежесуточно больше ест колбасы, поглощает калорий, тот и победитель! Не могут, не силах они понять, что советский народ воевал не за доход на душу населения, не за двадцать сортов колбасы, не за калории и не за «мерседесы», а за свободу и независимость родины, за само свое су-ще-ство-ва-ние. А это арифметическим подсчетам не поддается. Но Минкин уверяет, будто и Владимир Высоцкий вместе с ним мечтал о суперколбасе, подсчитывал калории, а подсчитав, удивился: «Как же так? Ведь победили-то мы!» Нет, не был Высоцкий таким идиотом и шкурником. А кроме того, приходится напомнить, что статья-то написана в 1989 году, на пятый год разгула бандитской демократии, когда уровень потребляемых народом калорий уже действительно резко упал. Тем более ныне...

Но наш аналитик упрям, как помянутое непарнокопытное: «В чем же дело? Ведь немцев тоже разбомбили...» Да, бомбили Берлин, Гамбург, Кёльн... При этом погибло около 500 тысяч человек. Но Красная Армия прошла до Берлина, и только. Англо-американцы шагали по немецкой земле почти без сопротивления. Так что разрушений было не столь уж много. А по советской земле каток войны прокатился дважды, и в обоих случаях — с яростными боями, более двадцати городов по нескольку раз переходили из рук в руки. Ничего подобного не было в Германии. Это соображать надо, а не лепетать, что бомбили нас и бомбили их.

«Но ведь немцев тоже разграбили... Мы вывозили у них все, что могли, все, что уцелело: станки, заводы...» А как же было не вывозить пусть даже и устаревшие станки, заводы, чтобы хоть как-то возместить их 3—4-летний грабеж, доходивший до вывоза трамвайных проводов в Харькове и чернозема в Воронежской области. А глав-

ное — угон миллионов рабов на свои заводы и фермы. С какими станками это можно сравнить? Вы-то с Дейчем где тогда были? Вот бы вас для просвещения к Ильзе Кох. А Красная Армия, придя в Германию, кормила из походных кухонь не только детей...

* * *

И вот мы дошли до главного. Трудно поверить, но это так: еврей обеляет Гитлера, еврей горько сожалеет, что фашисты не победили, еврей признается, что хотел бы жить в нацистском рейхе вместе со Швыдким.

Что же он выискал у Гитлера приличного? Да как же, говорит, во-первых, он был человеком открытым, откровенным: прямо, публично объявил, что уничтожит евреев и других. Рубаха-парень! Во-вторых, да и сколько он уничтожил-то? «На счету Гитлера максимум (!) 15 миллионов». Это как? Ну, видимо, прежде всего, 6 миллионов евреев, да? 4,5 миллиона немцев, погибших на советском фронте. Остальные — потери его сателлитов. Так, что ли? Позволь, жучок, а названные тобой 35 миллионов советских людей? Ах, советских? «Наши военные жертвы — целиком на счету Сталина». Значит, не говоря уж о бандитском нападении и развязывании войны, но и к расстрелам наших пленных, к душегубкам, к Бабьему Яру, к Освенциму ни Гитлер, ни Гиммлер, ни Эйхман никакого отношения не имеют. Да не почтить ли вам их память выпуском специального номера «МК»? Предложите Гусеву.

И вот главный вопрос минкинской жизни: «А вдруг было бы лучше, если бы не Сталин победил Гитлера, а наоборот — Гитлер Сталина?» Это еще в форме вопроса. Но дальше уже без вопросительного знака: «Мо-

жет, лучше бы фашистская Германия в 1945-м победила СССР». И наконец, решительное утверждение, радостное восклицание: «А еще лучше, если бы Германия победила СССР в 1941 году!» Но, черт бы их побрал, «гитлеровские оккупанты упустили шанс привлечь сердца людей. А это было так просто!» Неужели? Да! Надо было всего лишь назначить Минкина на место Геббельса, и он бы привлек сердца людей.

И представьте себе, это не приступ эпилепсии, он пускается в рассуждения: «Ведь в 1945 году погибла не Германия, погиб фашизм. Аналогично: погибла бы не Россия, а режим».

Ну что лепечет! «Аналогично...» Еще 23 февраля 1942 года, в труднейшее для нас время, Сталин сказал: «Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с немецким народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий, а государство германское остаются». А ведь иначе думали и Черчилль и Рузвельт. Еще на Тегеранской конференции первый заявил, что после войны Пруссию следует изолировать от остальной Германии, из которой надо будет образовать «Конфедерацию дунайских государств» (*А. Уткин.* Цит. соч. С. 90). Рузвельт считал, что «Германия была менее опасной для цивилизации, когда состояла из 107 провинций» (там же). И потому сперва считал нужным «раздел Германии на три отдельных и независимых друг от друга государства» (там же, с. 87), а в Тегеране «предложил Сталину и Черчиллю создать уже пять государств на немецкой земле плюс два самоуправляемых региона» (там же). И только «дядюшка Джо» твердил: «А народ немецкий, а государство германское остаются». Так что немцам беспокоиться за свое будущее не приходилось.

Тысячелетнее фашистское рабство? — продолжает умствовать Минкин. «Это — миф, это ложь, подсунутая сталинской пропагандой». И дальше: «Согласитесь, ведь тысячелетний рейх это бред. Гитлер не мог прожить 1000 лет, даже сто». Вот создание, а?! Да кто ж тебе говорил, что Гитлер собирался жить тысячу лет! Ведь и ты не проживешь тысячу, даже сто, а помнить тебя как небывалое явление русской земли будут лет триста, ну, в крайнем случае, пока существует «МК» и жив Гусев. Помнят же тысячу лет Святополка Окаянного, убийцу трех братьев, с помощью поляков в 1018 году захватившего Киев.

«Долго ли смогли бы фашисты удерживать Европу?» — опять вопрошает окаянец. И у него опять наготове историческая аналогия: «Мы же не удержали Афган». Лапочка, Афганистан мы и не думали «удерживать», нас не выперли оттуда, как американцев из Вьетнама, а мы ушли сами по решению правительства с развернутыми знаменами. Но у него еще примерчик как раз об этом: «Американцы с Вьетнамом не справились, а уж какой перевес и в числе, и в технике». Правильно, малыш, но вьетнамцам помогал могучий Советский Союз. Ранее в Северной Корее наши летчики сбили 1309 американских самолетов, а позже во вьетнамском небе главным образом нашими летчиками было сбито более четырех тысяч оклахомцев и пенсильванцев. А кто помог бы поверженной России? Ведь гитлеровская агрессия была в сущности крестовым походом против нас всей Европы.

Но мыслящий лопух полон оптимизма и точно знает, что в 1948 году Гитлер умер бы и фашистский режим в оккупированной России рухнул. Однако же ему очень хотелось бы до этого срока пожить при фашизме. Ах, какая досада, что не удалось! Помешал проклятый Сталин да и родной дед Александр Давидович, погибший в боях под Моздоком.

* * *

Как раз в эти дни, когда Минкин на страницах «МК» негодовал и ликовал, умствовал и холуйствовал, клеветал на нашу Победу и плевал в лицо своему деду, как раз в эти дни бывший первый заместитель министра иностранных дел, депутат Госдумы Юлий Квицинский как будто специально для него опубликовал в «Советской России» большую статью «А если бы победил Гитлер». Автор напоминает много фактов, цифр, программных заявлений.

Например, Гитлер о России еще в 1923 году: «Это громадное государство на Востоке созрело для гибели. Мы избраны судьбой стать свидетелями катастрофы, которая будет самым веским подтверждением расовой теории». Он же 3 марта 1941 года, выслушав доклад Кейтеля о плане «Барбаросса»: «Предстоящая кампания это конфликт двух мировоззрений. Недостаточно будет разгромить вооруженные силы противника. Всю территорию России нужно разделить на ряд государств».

Может, вы думаете, Минкин, что Гитлер создал бы и еврейское государство, где вы могли бы стать министром пропаганды? В таком случае Ю. Квицинской напоминает вам: в одном лишь Освенциме были уничтожены тысячи и тысячи евреев. А Гитлер давал такое указание военному командованию: «Необходимо устранить еврейско-большевистскую интеллигенцию...» Так что вы лично, Минкин, подлежали устранению по всем трем пунктам: как и еврей, и большевик, и интеллигент гусевской породы.

Геринг в ноябре 1941 года: «В этом году в России умрет от голода от 20 до 30 миллионов. Может быть, даже хорошо, что так произойдет: ведь некоторые наро-

ды необходимо сокращать». И позже: «Многие миллионы станут лишними на территории России». Тут никак нельзя не вспомнить, нашего доморощенного Геринга, рыжего и конопатого. Он однажды сказал своему сотруднику по Госкомимуществу, который возмущался пагубными реформами: «Что вы так переживаете? Да, миллионов 30 вымрет. Но они сами виноваты: не вписались в наши прогрессивные реформы». Примечательно, что из двух цифр того Геринга «от 20 до 30» этот Геринг взял вторую. И ведь тот-то говорил о чужих, а этот — о соотечественниках.

* * *

Да, дед Александра Минкина погиб в 1942 году под Моздоком. Тогда там шли жестокие бои. Вместе с немцами были и союзники их — итальянцы. Михаил Светлов в те дни написал знаменитое стихотворение «Итальянец»:

Молодой уроженец Неаполя,
Что оставил в России ты на поле?
Нашу землю — Россию, Расею —
Разве ты распахал и засеял?
Разве Среднего Дона излучина
Итальянским ученым изучена?
Я, убивший тебя под Моздоком,
Так мечтал о вулкане далеком,
Как я грезил на волжском приволье
Хоть разок прокатиться в гондоле!
Но ведь я не пришел с пистолетом
Отнимать итальянское лето,
Но ведь пули мои не свистели
Над священной землей Рафаэля.

Здесь я выстрелил.
Здесь, где родился,
Где собой и друзьями гордился,
Где былины о наших народах
Никогда не понять в переводах.
Я не дам мою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю. И нет справедливости
Справедливее пули моей!

В 1964 году Светлов умер. В ленинградском журнале «Звезда» я тогда напечатал статью «Незаменимый» — о нем.

Вы не боитесь, Минкин, что, прослышав о вашей статье, Светлов встанет из гроба, придет в «Московский комсомолец», где когда-то печатался, и, соблюдая субординацию, зайдет сперва к Гусеву, потом к вам, соплеменничку, и, влепив обоим по оплеухе, заберет вас с собой на Ваганьковское? Да, он тут был бы незаменим.

Среди моих однополчан были на фронте лейтенант Эткинд, старший сержант Беркович, повар Роберман, которого все жалели: в Белоруссии немцы расстреляли его семью.

Ныне нас, ветеранов, уже мало осталось. Мир праху ушедших, в том числе и помянутых. Но все-таки слава богу, что они не дожили до нынешнего «Московского комсомольца» и неведомо им, что под руководством Павла Гусева вытворяют на его страницах Марк Дейч и Александр Минкин…

Часть 3

СТАЛИН И ВОЙНА. МИННОЕ ПОЛЕ КЛЕВЕТЫ

55-я годовщина со дня смерти Иосифа Виссарионовича Сталина была отмечена широко. По всем основным каналам телевидения 5 марта прошли большие передачи. НТВ и ЦЕНТР захватили даже и следующий день. Общее впечатление: многие теледеятели осознали, наконец, невежество, тупость и гнусную лживость таких авторитетов, как Радзинский, Володарский, Розовский, и в этот день не допустили их до экрана, а ведь они, поди, рвались. Привлекли людей, еще лично знавших вождя — его приемного сына Артема Федоровича Сергеева, увы, недавно скончавшегося, сотрудников охраны Новикова, Кузнецова, генерал-лейтенанта Левашова и других людей, трезво и здраво смотрящих на великую историческую фигуру. Они спокойно и убедительно говорили о Сталине. Словом, господа присяжные заседатели, лед тронулся.

Но, откровенно говоря, мне лично без антисталинистов, сталинофобов и сталинофагов уже скучно. Ведь как занятно было смотреть на их перекошенные злобой мордашки, на ужимки, приплясывания и гневные антраша, как уморительно было слушать их полоумный бред. И ведь это с хрущевского почина пятьдесят го-

дочков кряду! И все по возрастающей! Да нет, надо начинать еще с Троцкого. А Лев Давыдович — это ж фигура! Мыслитель, теоретик, живодер...

Да, говорю, не хватало мне этих антропофагов. Я подумал: ну, почему бы для разрядки не выпустить на экран, допустим, критика Станислава Рассадина. Он бы прочитал строки Пастернака о Сталине:

А в эти дни на расстоянье
За древней каменной стеной
Живет не человек...

Тут он прервал бы цитату и разъяснил нам, как читателям «Новой газеты»: «Поэт сказал о Сталине главное: не человек!» Правда, там продолжается так:

...Живет не человек — деянье,
Поступок ростом с шар земной.

Но Рассадин из тех критиков, которые считают: не важно, что написано, главное — как процитировать.

Похожее изречение приписывают именно Сталину. Последний раз я слышал его в дни президентской предвыборной кампании из уст министра сельского хозяйства Гордеева: «Сталин говорил: «Не важно, как проголосуют, главное — как подсчитают». Я сильно подозреваю, что этот министр в жизни своей ничего слаще репы не едал и долгие годы держал свои мозговые извилины на голодном пайке.

Во-первых, за Сталина, за Советскую власть всегда голосовали, как недавно в Мордовии за Медведева: 97—98%. Так что хитрить и жульничать, как в Мордовии, просто не было никакой необходимости. А вспомните

референдум о единстве Советского Союза: за — 76%! Эффект повыше медведевского.

Во-вторых, Сталин был поумнее вечно унылого Алексея Гордеева и если бы так действительно думал, то никому бы этого не сказал. В отличие от нынешних кремлевцев он не дурил головы с помощью таких диких слов, как транспарентность и т.п.

Хорошо было бы послушать в эти дни еще и писателя Дмитрия Жукова. Он мог бы повторить увлекательнейшую историю, в год юбилея Победы рассказанную читателям «Литгазеты». Когда, говорит, Сталин летел на конференцию в Тегеран, где его ждала встреча с Рузвельтом и Черчиллем, то за его самолетом плелся по небу большой дирижабль, а под ним болталась на ремнях большая дойная корова.

Что такое? Зачем? А, видите ли, говорит, Иосиф Виссарионович очень любил утречком выпить стаканчик парного молока. Вот и везли. И так убедительно Жуков об этом рассказал, словно сам эту корову и доил, сам и молочком товарища Сталина угощал: «Иосиф Виссарионович, не угодно ли?» А когда конференция кончилась, корову опять привязали к дирижаблю и поволокли в Россию. Ну, не персам же оставлять! Товарищ Сталин был человеком образованным, помнил, что эти персы Грибоедова растерзали.

Я тогда написал Жукову письмецо: дескать, старик, а что дальше-то с коровой было? Он почему-то не ответил. А я так думаю: прибыв в Москву, Сталин сказал: «Дима, когда прилетит дирижабль, возьми ты эту буренку себе. За доблестную службу отечеству награждаю тебя медалью «За боевые заслуги» и прилагаю к ней дойную корову. А у меня еще есть. Время трудное, пригодится». И действительно, Жуков взял корову, и на

ее молоке взрастил своего сына Сашеньку, расторопный мальчик вырос, мы вот уже лет пятнадцать созерцаем его в роли вице-премьера ельцинско-путинского правительства. Ах, как жаль, что мы не услышали еще раз эту милую историю!

* * *

Можно было бы 5 марта предоставить слово и Андрею Фурсову, историку, и Валентину Белоконю, технарю, как он сам себя представляет, из журнала «Политический класс», который ведет Виталий Третьяков, знаток золотой латыни.

Для этих «классиков» характерно, что Сталин у них — «вождь народа» в кавычках; сталинский гений — «пресловутый»; «империалистические державы» — тоже в кавычках. Все, мол, это советская пропаганда. А вот антисоветчики Солоневич, Иван Ильин — это для них большие авторитеты.

Начинают «классики» с суровой претензии к вождю народа: «Почему Сталин как бы не заметил гибели 17 тысяч жителей Белграда под немецкой бомбежкой 6 апреля 1941 года?» Ишь, какая даль их заботит, спать не дает. А не приличнее ли задать вопрос: «Почему совсем недавно Ельцин и его преемнички как бы не заметили еще страшнее бомбежку того же Белграда? Почему и усом не повели при захвате американцами Афганистана? Почему бандитский разгром Ирака был назван всего лишь «ошибкой»? «Классики» молчат...

Но зато мы могли бы услышать от них, как «пресловутый сталинский гений нацелился на раздел Британской империи», как Сталин рвался в Антикоминтерновский блок, т.е. мечтал антисоветскую ось Берлин — Рим — То-

кио дополнить советской Москвой. Ну, совершенно так же рвался, как ныне русофоб Ющенко — в НАТО. И ради этого Сталин, оказывается, готов был даже «ударить по Британии» — для начала разбомбить Скапа-Флоу, главную базу английского флота.

Вы, читатель, вероятно, скажете: «Хватит заливать-то! Где доказательства?» Где? А вот они: был создан самолет АНТ-58 (Ту-2), который мог долететь до этого Скапа, — какие вам еще доказательства? А подводные лодки строили, а крейсера класса «Чапаев» для чего, как ни для нападения на Англию.

Технарь все обосновал и даже подсчитал: «В глазах стратегов Коминтерна, готовивших избавление мирового пролетариата от оков империализма, эта база не могла не фигурировать в качестве важнейшей цели». И тут же неопровержимые математические выкладки: дальность полета Ту-2 — 4200 км, а от Мурманска до этого Шкапа — 2000. «Совпадение вряд ли случайно». То есть можно долететь, разбомбить и вернуться. И вот говорит: «Сталин, Берия и Молотов ждали из Берлина одобрения участия наших ВВС в ударе по Британии». А на дворе-то, как можно понять, стоял еще только 1936 год, Берия сидит пока в Тбилиси. Но ждали-ждали весточки — не дождались: «Гитлер пренебрег...» Фу-ты ну-ты! Какой гордец... Любопытно, а в скольких километрах от средней школы жил технарь и посещал ли ее в свое время?

Очень интересно насчет Скапа-Флоу! Однако никаких доказательств того, что Сталин сидел и ждал весточки от фюрера, технарь не дает, как и свидетельств пылкой любви Сталина к Антикоминтерновскому пакту, — их нет. Зато технарь приводит слова, будто бы сказанные А.Н. Туполевым в апреле 1939 года: «Наш главный противник — Англия со своим мощнейшим фло-

том, который вполне можно разгромить с воздуха». Ну, если Туполев действительно так думал и говорил, то простим это гению: он не политик, не философ, а конструктор самолетов. Но все же крайне сомнительно, что умный образованный человек и в 1939 году еще не понимал, кто наш главный враг. Хотя, конечно, с воздуха можно разгромить многое, например, — журнал «Политический класс».

Так что же получается из слов технаря? Получается странное дело: громить Скапа-Флоу собирались не Сталин, не «стратеги Коминтерна», а Анатолий Николаевич Туполев и никто больше.

О Коминтерне же и его «стратегах» технарь живет представлениями 20-х годов: в конце 30-х они никакой роли уже не играли, о мировой революции молчали и вскоре были прикрыты.

А что Англия? Ее прогитлеровская политика умиротворения, венцом которой был мюнхенский сговор, представьте себе, была «не ошибкой и не глупостью. То был курс на сохранение Британской империи». Ах, какой свежий взгляд, мать твою за ногу! Нет, господа мыслители, политика эта была глупостью, трусостью и шкурничеством. Ее глупость доказывается уже тем, что Британская распрекрасная империя после войны приказала долго жить. Остальное в доказательствах не нуждается. И все произошло без коварных сталинских бомбежек Скапа-Флоу.

Поразительно, что об этих фантастических «ударах по Британии» возвещается ныне, когда стало достоверно известно о запланированной Черчиллем на 1 июля 1945 года операции «Немыслимое» — удару по Красной Армии в Германии. Справьтесь у Фалина.

* * *

И вот что еще крайне интересное сообщают нам три классных мудреца. «Хотела ли мировой войны американская правящая верхушка второй половины 30-х годов? Безусловно... Война была необходима для США... Рузвельт не только знал о готовящемся нападении японцев на Перл-Харбор, но провоцировал его». То есть плевать ему было на гибель более трех тысяч моряков, 8 (а не 4, как уверяет один «классик») линкоров, 6 крейсеров (даже не упомянутых им), 272 (а не «почти двухсот») самолетов — Рузвельту лишь бы война началась. Так ведь это предатель, а не президент! Почти как наш Ельцин. (Кстати, классик, Перл-Харбор это не 4, а 7 декабря 1941 года). К тому же: «Хотел ли мировой войны Сталин? Теоретически — да». А цитаткой Ильина тут же уверяет — и практически. Оказывается, только «Германия не была готова к мировой войне и воевать всерьез после захвата Польши не собиралась».

Господи Боже мой, да почему до сих пор всех троих этих классиков не объявили «Лучшими немцами» и не выдали, как Горбачеву, какую-то морковку? Мало того, что к западной клевете на нашу родину они измыслили новые вороха малограмотного вздора, но еще и Гитлера наделили белыми крылышками.

Объяснили бы, почему же этот миротворец, «не собирался воевать всерьез», но через восемь месяцев ударил по хлопавшим ушами французам, англичанам, бельгийцам и в несколько недель раздолбал их. Разжевали бы, почему сразу после разгрома Франции уже 21 июля 1940 года Гитлер распорядился составить план «Барбаросса». Или вы об этом плане ничего не слышали и не

знаете, о чем он, или он был составлен не всерьез, а в шутку, как нацпроект Медведева по сельскому хозяйству? Оказывается, во всем виноват не Гитлер, а, видите ли, госпожа Ирония: «По иронии судьбы руководитель государства, в 1939 году хуже других готового к мировой войне, развязал ее». Бедный Адольфик!..

О предвоенном времени один пишет в духе Волкогонова, как о «союзе между Гитлером и Сталиным», второй в духе Радзинского — как о «дружбе с нацистской Германией». Да, мыслители, это был «союз», это была «дружба» — с ножом за голенищем у обоих.

О нападении фашистов на «союзника» и «друга» один пишет, как известный Правдюк: «немцы нарушили (!) советскую границу». Второй — о всей Великой Отечественной войне: «советско-германский конфликт», в ходе которого, уверяет, Геринг даже дал приказ не бомбить авиационные заводы. Господи, да где ж ты, всезнайка, раньше был? Я как раз в начале войны работал на авиационном заводе № 266 им. Лепсе в Москве на Мочальской (ныне им. Ибрагимова) улице. И мы-то, дураки, эвакуировали завод в Киров. Ведь сколько трудов, какие мытарства! Кабы знать нам о деликатности висельника Геринга...

А вот как подается разгром немцев, наша победа: «СССР перетер (!) своим пространством и людской массой вермахт». Какой битый фриц не подписался бы под этими словами? Пространство — это политая нашей и немецкой кровью советская земля, масса — это миллионы погибших в боях бойцов Красной Армии и миллионы истребленных мирных граждан. Нет, нет, это лучший из лучших немцев! Хотел бы я видеть его в роли той «терки».

Да еще вот что: «Без СССР в 1945 году США не одержали бы таких блистательных побед». Ну, пособили мы им, поддержали, на подхвате были, и только. Об этом и уж такой игривый картежный подзаголовочек к статье — «Советско-германский покер в американском проферансе». Товарищ Третьяков, неужели и здесь не охватило вас желание бросить в корзину сочинения этих умствующих инфузорий?

А какие блистательные победы были у американцев в 1945 году? Немецкие войска расступались перед ними да сдавались в плен. О, дайте срок, эти историки да технари скоро будут уверять, что Берлин-то взяли американцы! И у них еще поворачивается язык лепетать: «Я как русский...»

* * *

Да, жаль, что всех этих антисоветчиков да сталинофагов не выпустили на экраны для потехи публики, но моя тоска по ним была вполне удовлетворена 6 марта во время главного события этих дней — поединка на НТВ Александра Проханова и Николая Карловича, последнего из династии Каролингов, начало которой в VIII веке положил Пипин Короткий.

Когда я включил НТВ, голосов телезрителей за сталиниста Проханова было почти на 8 тысяч больше, чем за потомка Пипина Короткого.

Поединок напомнил мне давний фильм «Перед судом истории». Его главным героем был известный русский националист, депутат Думы, принимавший участие в процедуре отречения царя Николая, Василий Витальевич Шульгин. Я познакомился с ним в 1967 году в Гаграх, в Доме творчества. Они с женой сидели в столовой

за соседним столиком. Меня, конечно, распирало любопытство, и я нашел повод заговорить. Познакомились. Порой после завтрака мы прогуливались по набережной, к нам присоединялся и упоминавшийся Дмитрий Жуков, тогда еще не подаривший «Литературке» сталинскую корову.

Шел год 50-летия Октябрьской революции и, естественно, беседы наши касались и этой темы. На наши расспросы, как он смотрит на все то, что видит вокруг, он отвечал: «Мы, русские монархисты, хотели видеть Россию могучей и процветающей. Большевики сделали ее такой. И это меня с ними мирит». Что ж, мудрый старик. Ему было тогда девяносто лет, и я впервые в жизни видел человека такого возраста. Следующим повстречавшимся мне долгожителем был Лазарь Моисеевич Каганович, к которому я попал на его последний день рождения в 1991 году, когда ему исполнилось 98. Помню, он особенно призывал быть бдительными по отношению к Гавриилу Попову. Чубайса, Немцова, Собчака, кажется, еще не было на горизонте. Впрочем, это другая история.

А фильм «Перед судом истории» строился как беседа в разных интерьерах, в том числе в недавно построеном Дворце съездов, Шульгина с каким-то историком, возможно, это был отец Сванидзе, секретарь парткома Политиздата.

И вот перед нами был человек, за плечами которого десятилетия бурной политической деятельности, долгие годы эмиграции, крушение монархических идеалов, несколько знаменитых книг и несколько лет во Владимирском централе, да еще отличный русский язык и благородные манеры, а против него — нечто безликое, безымянное, скучное с языком политброшюр. Разумеется, все человеческие симпатии были на стороне Шульгина.

Фильм, как идеологическую диверсию, вскоре сняли. Может быть, по докладной записке одного из Каролингов.

Вот и теперь. Передо мной был широко известный талантливый писатель, главный редактор острой и яркой газеты, человек богатейшей биографии, свидетель и участник многих военных конфликтов в разных углах планеты, он говорил так убежденно и страстно, словно от этого зависела его жизнь, а против него стоял и что-то бубнил облысевший и поседевший на вранье карлик ельцинской демократии, за спиной которого не было ничего, кроме коридоров Политиздата (когда папе носил обед) и телестудий. Но сопоставьте его еще и с Шульгиным. Тот, будучи одним из первых воителей против Советской власти, еще и отведавший по милости коммунистов тюряги, примирился с ними, а этот, всю жизнь жравший по три советских пирожных сразу, все проклинает ее. Ну, конечно же, это болезнь, патология, хроника. И уже, видимо, лечение бесполезно...

А Проханов опережал противника уже на 15 тысяч голосов...

* * *

Но что же этот бурбон бубнил? Господи, да все то же! «Сталин перетрусил в начале войны...» И знать, со страху к должности Генсека и главы правительства в первые же недели взвалил на себя посты председателя Ставки, наркома обороны и Верховного главнокомандующего, т.е взял полную ответственность за судьбу страны.

«Немецкие потери в пять раз меньше советских!..» Будто не знает попка, что немцы намеренно, сознательно, по плану уничтожали мирное население, а мы спа-

сали от голода и немцев, и поляков, и венгров... «Александр Солженицын, которому однажды загнали раскаленный шомпол в задний проход, свидетельствует...» Да не ему загоняли-то, а одной ныне вдовствующей тувинке, и не в задний, и не однажды, и не шомпол, хотя, конечно, и раскаленный... Почитайте хотя бы книгу Александра Островского о Солженицыне «Прощание с мифом», на худой конец мою — «Гений первого плевка». Там все сказано о шомполах.

Тут получила слово одна из судий — высокая русская красавица, чем-то напоминающая Аллу Гербер. Она негодовала: «До сих пор многие важнейшие документы о репрессиях засекречены!» Однако по памяти называла номера каких-то приказов, цитировала какие-то директивы — да откуда взяла при такой засекреченности? Кроме того, красавица не соображает, что в стране произошла антисоветская контрреволюция и ее творцы, а также их подпевалы Каролинги используют любую возможность, чтобы опорочить Советскую эпоху и ее деятелей. Вот свежайший пример.

8 марта один из помянутых творцов, справедливо осуждая некоторые страны за признание независимости Косово, сказал: «Они следуют по пути Советского Союза, где признавалось право наций на самоопределение вплоть до отделения!» Дескать, ха-ха, следовать советскому примеру — ничто не может быть глупей и позорней. Даже ради праздника не мог удержаться.

Ему неведомо, что во всем мире умные правители взяли многое из уникального исторического опыта его Советской родины, презираемой им. По своей должности он обязан знать бы, что право-то на отделение признавалось, но ведь при четких конституционных условиях. Во-первых, численность нации долж-

на быть не меньше миллиона человек. Во-вторых, нация должна иметь внешнюю границу. Наконец, обязателен был плебисцит.

В соответствии с этим, например, Эстония, где эстонцев было около 900 тысяч, долгие годы не имела права выхода. А Татарская Республика, Чувашия и Мордовия, Чечено-Ингушская АССР и обе Осетии не могли иметь его никогда.

А ваши воспитатели Горбачев, Ельцин да Собчак безо всяких плебисцитов распахнули ворота перед националистами Прибалтики и других республик. Вот о чем вам сказать-то надо бы, учитель. А вы все пилите советский сук, на котором двадцать лет сидели, свесив ножки.

И ведь не приходит ему в светлую голову вопрос: «И какая же нация за 75 советских лет воспользовалась правом на отделение?» Представьте себе, ни одна. Нигде и разговоров об этом не было. Хотя еще очень давно и ставился вопрос, например, в Абхазии о выходе из Грузии и присоединении к РСФСР.

А при вас все разбежались, вернее, вы сами всех разогнали, ибо за сохранение Союза, как уже упоминалось, прологосовало 76%, но вы наплевали на волю народа. А теперь вопрошаете — хоть плюй в глаза: «Кто спросил чехов, кто спросил поляков, хотят ли они иметь на своей земле американские базы?» Никто. А кто спросил русских, хотят ли они ликвидации нашей базы на Кубе? Кто спросил татар и чувашей, хотят ли они ликвидации нашей базы во Вьетнаме? Кто спросил армию, хочет ли она, чтобы ею командовал специалист по двуспальным пружинным кроватям? Кто спросил писателей, артистов, художников хотят ли они иметь минист-

ром культуры малограмотного провокатора с такой малохудожественной ряшкой?..

Я взглянул на табло: Проханов обгонял антропофага уже почти на 20 тысяч голосов...

* * *

А мадам, похожая на Аллу Гербер, стращала: «Знайте, господин Проханов, все ваши выступления, превозносящие Сталина, фиксируются, документируются, копируются. И придет час, когда вы ответите за все!» И было не ясно — перед кем? Перед ЦРУ, что ли? Да уж это была не Карла ли дель Понте?

Тут возник ведущий передачи, сам товарищ Соловьев, с вопросом к Проханову: «Какая разница между Сталиным и Гитлером?» Не помню, что ответил Александр, но я бы возмутился идиотским вопросам: «Как это какая разница? Сталин есть Сталин, а Гитлер — жертва культа личности. Это все знают. А вот Соловьев и Соловей-разбойник, Одихмантьев сын. Какая тут разница? Ведь оба за свои проделки заслуживаете булавы Ильи Муромца, но один ее уже получил, а когда получит второй?»

Жена чем-то отвлекла меня от телевизора, а когда я вернулся, на табло светился перевес в пользу Проханова уже в 23 тысячи голосов. Ведущий должен был бы прекратить поединок за несоответствием весовых категорий дуэлянтов и за явным преимуществом Проханова над Каролингами. Но Соловьев этого не сделал, у него свой хитрый расчет. Ведь бригаду судей он всегда подбирает из своих демократов. Поэтому очень часто у него вовсе не поединок, а у одного патриота шесть противников: тот, кто у барьера, четыре судьи и сам Соловьев.

Как правило, подобранная им бригада в глазах телезрителей терпит крах, но это ничуть не смущает ведущего, и в следующий раз он сформирует такой же отряд. Ну разве это не заслуживает булавы!

Слово получила внучка знаменитого кукольника Сергея Образцова. Он девяносто лет прожил в согласии с фамилией образцовым советским гражданином, которого власть осыпала милостями: народный артист, лауреат Сталинской и Ленинской премий, Герой Социалистического Труда, пять орденов Ленина — и вдруг на 91-м году скурвился: «Ненавижу Советскую власть! Слава освободителю Ельцину!» И тут же преставился.

Внучка выступила вполне в духе свихнувшегося дедушки.

И вот — конец! У Проханова перевес в 25 тысяч голосов. По-моему, такого никогда не было. О чем это говорит? Народ проснулся. Поняли, свободы, гения и славы палачи? Это был Божий суд, наперсники разврата! Беги, Сванидзе, к Анпилову, выпроси у него майку с портретом Сталина.

* * *

А в самом конце минувшего года ТВ закатила многосерийную телепередачу «Большой театр товарища Сталина». Автор — Боровик Генрих Авиэзерович, именующий себя Аверьяновичем. Он начал с того, что вот, мол, наша молодежь уже и не знает, пожалуй, кто такой Сталин, поэтому я кое-что напомню из биографии нашего диктатора...

Господи, как человек оторван от реальности! Да ведь вот уже почти пятьдесят лет его единомышленники от Хрущева до Радзинского на телевидении, в газетах, из-

дательствах, в кино только тем и заняты, что долдонят о Сталине. Все обсосали, все оболгали, все извратили...

А с большим запозданием в ответ на потоки лжи принялись за дело и те, кто хочет, чтобы народ, особенно молодежь, знал правду о Сталине. Недавно зашел я в большой книжный магазин «Москва» на улице Горького. Так там целые стеллажи забиты новыми книгами о Сталине, как русскими, так и иностранными. Ему при жизни не могло и присниться столько книг о себе. Причем иные, как, например, «Сталин» Ю. В. Емельянова, «Сталин в жизни» Е.Н. Гуслярова, «Сталин. Уроки жизни и деятельности» С.Н. Семанова, «Рядом со Сталиным» Г.А. Куманева изданы прямо-таки роскошно: золотое тиснение, золотой обрез, обилие прекрасных фотографий, научный аппарат да некоторые еще и в двух томах. И эти книги раскупают. А по соседству лежат два серых тома «Двести лет вместе» лютого сталинофоба и коммунофага Солженицына, уже несколько месяцев лежат. На днях увидел по телевидению: и в Минске лежат на книжных прилавках. Так и будут лежать лет двести

Словом, Боровик и его заединщики добились своего: возникла и все ширится подлинная сталиниада, притом всемирного характера. А вот кто такой сам Боровик, молодежь, пожалуй, действительно не знает. Откуда! И есть смысл кое-что поведать.

* * *

Генрих Аверьянович Боровик, член КПСС с 1953 года (вероятно, вступил в дни всенародной скорби о Сталине) — фигура грандиозная. Родился он в упомянутом Минске, но высшее образование получил, конечно, в столице — окончил Московский государственный ин-

ститут международных отношений (МГИМО). Потом в этом блатном вузе учился и его сын. Как иначе!..

Сразу после окончания института, повторю, юный Генрих рванул в партию большевиков и начал энергичную литературно-карьерную деятельность, в чем много преуспел. Сперва устроился в престижный «Огонек», потом стал корреспондентом не менее престижного агентства «Новости» и обозревателем на радио и телевидении, — ну, это уж вообще!...

В качестве корреспондента объездил весь мир, кроме Занзибара. Одновременно еще до нынешней демократической катавасии сочинил и издал десятка два замечательных книг, да полдюжины замечательных пьес, да не меньше замечательных киносценариев. Вы, читатель, все их, конечно, помните: «Человек с Пятой авеню», «Человек перед выстрелом», «Человек после выстрела» и т.п. В самом деле, как можно забыть, допустим, замечательный роман «Пролог» хотя бы по той причине, что Н.Г. Чернышевский свой роман под таким же заглавием закончить и опубликовать не смог, Генрих же Авиэзерович опубликовал, и мы ночами стояли в очередях за его романом. А пьесы «Агент 00», «Весна в Лиссабоне», «Осень в Вашингтоне», «Зима в в Буэнос-Айресе», — забыть ли, с какой страстью там обличался «американизм»!

И вот уже он не только член Союза писателей, но и секретарь его правления, председатель Советского и вице-президент Всемирного комитетов защиты мира да еще и главный редактор журнала «Театр», который в надлежащий срок он передаст в надежные руки Михаила Швыдкого, матерого культуртрегера и защитника матерщины. Позже был председателем какой-то не то Федерации, не то Ассамблеи мира и согласия, главным редакто-

ром таинственного журнала «Passport to the New Wolrd», членом Правления загадочной Внешнеполитической Ассоциации и, конечно же, еще был и нардепом СССР. Словом, этим ассоциациям, федерациям, как и публикациям, нет числа в бурной жизни титана Боровика...

Как из рога изобилия сыпались на Боровика дары советской власти: две Государственных премии (1977 и 1986 гг.), премии им. А. Толстого, им. Воровского, кажется, еще и Циолковского. Даже болгары выдали ему свою Государственную премию. За что? Не знаю. А какие ордена! Трудового Красного Знамени, Октябрьской Революции, Дружбы народов... Как у Горбачева. Не получил, разве что, лишь орден Подвязки да титул барона.

Как же человек всего этого достиг? Главным образом, конечно, благодаря таланту беспощадного разоблачителя американского империализма. Похлеще Познера лютовал! Но не только в этом дело. Ему помогали широко шагать, обильно загребать и такие, например, штучки. Идет большое собрание московских писателей. Звучат вдохновенные речи: «Перестройка!»... «Ускорение!»... «Новое мышление!»... Берет слово Генрих Аверьянович: «Да, да, всем нам надо перестраиваться, надо мыслить по-новому. Но, к счастью, есть среди нас человек, которому не надо перестраиваться, он давно перестроился, он всю жизнь думает и пишет по-новому. И нам остается только брать с него пример...»

Все замерли: о ком это он? А Боровик со счастливой улыбкой обращается в сторону председателя Союза писателей Г.М. Маркова и радостно восклицает: «Этот человек — наш дорогой Георгий Мокеевич, живой классик, дважды Герой и член ЦК!..»

А взять его выступление на XIX партконференции. Сколько в ней было хвалы руководству партии и стра-

ны, прежде всего в лице Горбачева! Наша родина, говорил Боровик, подобна самолету, который так долго сидел в болоте, что весь проржавел. Но вот благодаря необыкновенному мастерству Первого пилота самолет помчался по трясине и взмыл в небо. Чудо чудное! Диво дивное! И теперь «нам надо перестраивать самолет на лету, чтобы сделать его первоклассным!»

Представляете? На лету! Как в невесомости. Именно за такие речи Горбачев давал высокие посты и большие награды.

* * *

Боровик особенно усердствовал на телевидении в разоблачении империалистов вместе с Валентином Зориным. Но у того хватило ума теперь не высовываться, а этот вот переключился на разоблачение Иосифа Виссарионовича и выдал многосерийную телепередачку.

Генрих Авиэзерович и в молодые-то годы не особенно отличался своеобразием и свежестью умственных усилий, а уж теперь-то, когда ему идет восьмой десяток... Не удивительно, что его передача явилась собранием чужих замыслов, бородатых баек о Сталине и о Советском времени. Начать хотя бы с заглавия и сюжетного стержня, с намерения представить Сталина «режиссером» политического театра. Даже Б. Илизаров отмечает: «Многие говорят о Сталине, в том числе наш известный драматург Эдвард Радзинский, как о ярком режиссере собственного политического театра». Да, ваш драматург Радзинский вместе со «многими» говорит о Сталине именно так. Вот и Боровик заодно с теми же самыми «многими», только просто «театр» он превратил в «Большой театр». И дальше у него

все в духе единства или даже прямого повторения того, что уже было у «многих». А «Большой» означает лишь возросшую степень лживости. Впрочем, Сталин и для Илизарова ведь только «один из героев, взобравшихся на сцену XX века».

Вот замшелая побрехушка о том, как то ли Ежов, то ли Берия решил арестовать Буденного. К нему на дачу явился вооруженные наряд. А у Семена Михайловича еще со времен Гражданской войны и тачанок Первой конной стоял под кроватью пулемет «Максим» и ящик патронов в лентах. Он тотчас его вытащил, прочистил, смазал, вставил ленту, взгромоздил на подоконник и давай поливать свинцом пришельцев. Одновременно звонит Сталину: «Погибаю!» Гору трупов наколошматил. Только так и спасся. Откройте книгу драматурга Радзинского «Сталин» — вы это там найдете.

А вот побасенка о Рокоссовском накануне войны. «Привели его к Сталину. Тот не сказал «Здравствуйте!», а прямо: «Рокоссовский, что-то я вас не видел давно. Где вы были?» — «Я сидел в лагере, товарищ Сталин». — «Нашел время сидеть!»

Во-первых, Сталин не мог не поздороваться. Во-вторых, последний раз я видел эту заплесневелую лапшу в книге Б. Сарнова «Перестаньте удивляться». Ведь оба сочинителя не соображают, что Сталин до войны и не знал комдива Рокоссовского. Они уверены, что он так и родился знаменитым маршалом с орденом «Победа» и с двумя Золотыми звездами на груди.

Еще: «Сталин очень хотел быть российским вождем, русским царем, русским диктатором». И это вслед за Сарновым. Тот в данном вопросе даже пошел на подделку сталинской речи в связи с капитуляцией Японии. Но ведь нет же ничего странного, тем более предосуди-

тельного в стремлении нерусского руководителя страны, в которой большинство составляют русские, чувствовать себя русским и таким выступать перед всем миром. Это вполне понятно. Английский премьер Дизраэли, еврей, фигурировал как англичанин. Гораздо труднее понять, почему орденоносец и лауреат Авиэзерович именует себя Аверьяновичем.

А еще оратор поведал о том, как в Кремль пришел к Сталину в мирской одежде священник, с которым тот учился в духовной семинарии, и вождь сказал, имея в виду его одежду: «Меня боишься, а Бога не боишься?» Тоже «блуждающий сюжет» антисталиниады... Вот так они и воруют друг у друга байки, анекдоты, хохмы, мусолят их и слывут прогрессивными интеллектуалами.

Такого же пошиба блуждающая чушь о том, будто Сталин грозил Н.К. Крупской: «Мы подыщем Ленину другую вдову». Боровик думает, что это было бы так же просто, как из полилауреата Авиэзеровича сделать вроде бы колхозника Аверьяновича.

То же самое следует сказать о замусоленном обвинении Сталина в «органическом презрении к человеческой жизни». Даже не о равнодушии, не о безразличии, а о презрении да еще органическом — вот до чего оборзел Генрих Авиэзерович! Тут, по-прежнему отталкиваясь от Радзинского, он его даже превзошел.

Но когда наш летописец пробует не семенить вслед за другими мыслителями демократии, не таскать чужое, а говорить что-то от себя лично, то это очень похоже на интеллектуальное харакири. Его дремучесть во многих вопросах выглядит даже таинственно, если принять во внимание, что ведь писатель же, великий борец за мир, разоблачитель «империи зла». Ну, должен такой человек понимать хотя бы то, что обвиняемый и подсуди-

мый это совсем не одно и то же. Не понимает! Или — должен соображать, что почти все сказанное им легко проверить, а многое напрочь опровергается даже легким усилием памяти или обращением к источнику. Не соображает! И вот мы услышали его суждение из области, казалось бы, профессионально очень близкой Боровику: «Константин Симонов совершенно искренно написал известные строки:

Мы так вам верили, товарищ Сталин,
Как иногда не верили себе...»

Строки действительно очень известные, и тем более надо бы знать, что, во-первых, там не твердое «иногда», а предположительное «может быть», что гораздо правдивей и глубже. Во-вторых, это написал не Константин Михайлович, а Михаил Васильевич. Первый из них в осажденной и «похожей на Мадрид» Одессе тоже совершенно искренно написал вот что:

Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас?
Ты слышишь нас, мы это твердо знаем.
Не мать, не сына в этот грозный час,
Тебя мы самым первым вспоминаем...

В тот грозный час это было точным выражением нашего государственного чувства тревоги прежде всего за родину и, разумеется, отнюдь не противоречило нашим чувствам к родным и близким, что усматривают здесь некоторые фуршетные патриоты. Так вот спрашивается, чего ты, борец за мир, изображаешь себя знатоком поэзии, если для тебя что Исаковский, что Симонов — все одно.

Или: «Тридцать седьмой год. Год поразительных по цинизму постановок в Октябрьском зале Дома союзов. Это были помпезные постановки: охрана, прожектора!..» Не соображает или уже память отшибло, что охрана всегда присутствует на всех судебных процессах. Прожектора? Да как же без них, если идет киносъемка, а она шла. Где ж тут помпезность?

Лион Фейхтвангер, присутствовавший на суде, то же самое описал так: «Помещение, в котором шел процесс, не велико, оно вмещает примерно 350 человек. Судьи, прокурор, подсудимые, защитники, эксперты сидели на невысокой эстраде. Ничто не отделяло суд от сидящих в зале. Не было также ничего, что походило бы на скамью подсудимых; барьер, отделявший подсудимых, напоминает скорее обрамление ложи. Сами подсудимые представляли собой холеных, хорошо одетых мужчин с медленными, непринужденными манерами. Они пили чай, из карманов у них торчали газеты, и они часто посматривали на публику».

Сравните, Боровик, это с тем, что нередко в наши дни при супердемократическом режиме передают по телевидению из зала суда: охрана, прожектора это само собой, но еще и наручники, и железная клетка, в которой, как пойманные волки, сидят подсудимые. Вот помпезность так помпезность! Со звоном и в полоску. За все время советской власти ничего подобного не было. Как не было и милиционеров с дубинками. Все это достижения демократии Ельцина — Путина. И кстати сказать, Боровик, вы видели у полковника Буданова, отданного Верховным главнокомандующим под суд, хоть раз газетку в кармане?

Опять он же, Фейхтвангер: «Если бы этот суд поручили инсценировать режиссеру (а Боровик и называет

Сталина его режиссером. — *Авт.*), то ему, вероятно, потребовалось бы немало лет и немало репетиций, чтобы добиться от подсудимых такой сыгранности... Короче говоря, гипнотизеры, отравители и судебные чиновники помимо всех своих ошеломительных качеств должны были быть выдающимися режиссерами».

Боровик: «Показания обвиняемых звучали приблизительно так: «Я верный слуга иностранных разведок, вынашивал подлые планы... Я, подлая собака империализма...» Боровик, назовите хоть одного подсудимого, назвавшего себя «подлой собакой» — Пятаков? Радек? Сокольников?

А Фейхтвангер свидетельствовал: «Признавались они все, но каждый на свой манер: один — с циничной интонацией, другой — молодцевато, как солдат, третий — внутренне сопротивляясь, прибегая к увертками, четвертый — как раскаивающийся ученик, пятый — поучая. Но тон, выражение лица, жесты у всех были правдивы».

Кому же нам верить: знаменитому иностранному писателю, который видел все это своими глазами и не имел тут никакой корысти, или престарелому оборотню, ставшему сторожевой собакой демократии, который знает об этих процессах лишь со слов нашего драматурга Радзинского, а тот — со слов своего папы-антисоветчика?

Нечто свое и столь же ошеломительное поведал Боровик об академике М.В. Нечкиной, известном историке. Уверяет, что она рассказывала — кому? неизвестно! — что «работала над большим томом об Иване Грозном, где огромную часть посвятила оценке опричнины, естественно, весьма отрицательной». А в это время Эйзенштейн снимал фильм «Иван Грозный». Однажды Нечкина где-то встретила артиста Николая Чер-

касова, игравшего в этом фильме роль царя, и от него узнала, что Сталин сказал Эйзенштейну: в строительстве Российского государства роль опричнины была положительной. «Услышав это, Нечкина пришла домой и (тут Боровик язвительно хмыкнул, как часто делал во время всей передачи. — *Авт.*) переделала, что роль опричнины прогрессивная».

Такими вот лицемерами, холуями, беспринципными трусами и шкурниками Боровик изобразил всех, кто в его фильме так и или иначе связан со Сталиным, общается с ним. Тут целая галерея: члены Политбюро, способные лишь смотреть в рот и поддакивать Сталину; С.М. Буденный, готовый признать, что не он, а Сталин создал Первую конную армию; председатель Комитета по кинематографии И.Г. Большаков, постоянно дрожавший от страха и ждущий за всякий пустяк ареста; кинорежиссеры Григорий Козинцев и Леонид Трауберг, даже упавшие в обморок, когда им послышалось, что во время просмотра Сталин высказал неодобрительное суждение о их фильме «Юность Максима»; Игорь Моисеев, униженно и подобострастно лепечущий: «Товарищ Сталин, вы только скажите, любое ваше желание...»; моторостроитель А.А. Микулин, которого Сталин похвалил за новый мотор и предложил ему поехать выбрать дачу, а он решил, что его везут на расстрел... А между прочим, Нечкина в 1948 году получила Сталинскую премию, Трауберг — еще в 1941-м, Козинцев — две, Моисеев — три...

Так вот, Боровик, невозможно же поверить, что академик М.В. Нечкина (1901—1985), как вы уверяете, сама рассказывала, какая она беспринципная шкурница и хамелеонша, — неужели в ваши годы вы не можете это сообразить? А главное, Милица Васильевна никогда не пи-

сала об Иване Грозном, об опричнине — ни «больших томов», ни «огромных частей», ни маленьких статеек. Она специализировалась по истории общественного и революционного движения в России XIX века, в частности, много писала о декабристах. А вы меряете всех на свой аршин — аршин политических оборотней, литературных пролаз и интеллектуальных прохиндеев.

* * *

Но усерднее всего Боровик просвещает молодежь, конечно, о жизни самого Сталина. И начинает издалека, с его детства. Сталин, говорит, «никогда никому» не говорил о своем детстве и юности. Почему? А потому, что отец его был сапожником, пьянствовал и колошматил сына почем зря.

Ну, во-первых, что отец был сапожником, давно всем известно, и это может быть позорным лишь в глазах элегантного воспитанника МГИМО. Я слышал, что Аверьян, отец Боровика, был в белорусском местечке шинкарем. Ну и что? Из-за этого не пускать сына на телевидение? Лишать ордена Подвязки?

Во-вторых, если отец пьянствовал и колошматил сына, то можно лишь пожалеть малютку, а наш главный гуманист державы не выказал этого благородного чувства ни на грош.

В-третьих, зачем же, подобно Галине Вишневской, досадные обстоятельства семейной жизни выставлять на вселенское обозрение? Есть же вещи, о которых деликатнее промолчать. Неужели вы, Авиэзерович, инженер человеческого нутра, не понимаете таких простых вещей?

Наконец, в известной беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом, который высказал предположение,

что на выбор Сталиным судьбы революционера повлияло «плохое обращение со стороны родителей», он ответил: «Нет. Мои родители были необразованные люди, но обращались со мной совсем не плохо». Кому же опять верить — самому Сталину или его ненавистнику?

«Совсем не плохое» отношение родителей подтверждается и тем, что они прямо-таки боролись между собой за сына. Когда ему было пять лет, отец, желавший, чтобы он пошел по его жизненной стезе, увез мальчика из Гори в Тифлис, где он в таком возрасте стал работать на обувной фабрике. По воспоминаниям современников, «помогал рабочим, мотал нитки, прислуживал старшим»... Но через какое-то время мать, мечтавшая, чтобы сын стал священником, приехала и забрала его обратно в Гори, где он позже и был принят в духовное училище. Так не борются за детей, если к ним равнодушны. Трудно представить, чтобы когда-то в Минске папа и мама Генриха вот так боролись за него: мать хотела видеть его раввином, а отец — шинкарем.

А вот еще одно свидетельство того, что Сталин не делал секрета из своего детства. Маршал Жуков вспоминал, что в марте 1945 года Верховный главнокомандующий вызвал его с фронта. Сталину нездоровилось, и встреча состоялась на даче. Выслушав доклад, задав несколько вопросов, Сталин предложил пройтись по саду. Жуков рассказывал: «Во всем его облике чувствовалась большая усталость. За время войны он сильно переутомился. Ведь работал очень напряженно, постоянно недосыпал, болезненно переживал неудачи, особенно 1941—1942 годов... Во время прогулки И.В.Сталин неожиданно начал рассказывать мне о своем детстве...» Вот так «никогда», вот так «никому»!

Несколько раз Боровик иронически упоминул о том, что в юности Сталин писал стихи. Да, писал, но ни Государственной премии, ни должности главного редактора журнала, ни ордена Дружбы народов за это не получил. Однако есть вещи, которые выше и дороже всех премий, должностей и орденов. Стихи Сталина не только печатались в 1895-96 годы в газете «Квали» и даже на первой странице в газете «Иверия», редактором которой был классик грузинской литературы Илья Чавчавадзе, но и лет за десять до Октябрьской революции нашли место в «Сборнике лучших образцов грузинской словесности» и даже в школьном учебнике «Дэда Эна» («Родное слово»). А ведь Сталин не выступал на собраниях или митингах с речами в похвалу Чавчавадзе: «Вот человек, с которого мы должны брать пример!» А какая ваша книженция, Генрих Авиэзерович, вошла в школьный учебник? Какая пьеса попала в сборник «Жемчужины русской драматургии»?

Вот одно из стихотворений юного Сталина в переводе:

Ходил он от дома к дому,
Стучась у чужих дверей,
Со старым дубовым пандури,
С нехитрою песней своей.
А в песне его, а в песне —
Как солнечный блеск чиста,
Звучала великая правда,
Возвышенная мечта.
Сердца, превращенные в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме.

Но вместо величья славы
Люди его земли
Отверженному отраву
В чаше преподнесли...

Как это напоминает «Пророк» Лермонтова:

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья —
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Стихотворение молого грузина заканчивалось так:

Сказали ему : «Проклятый,
Пей, осуши до дна...
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!»

У Лермонтова:

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:
«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами.
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами.
Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

А ведь вы, Генрих Аверьянович, никогда не испытали чувств, подобных тем, что в этих стихах. Когда вы разоблачали империализм, вам никто не говорил:

И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!

Наоборот, вы за это получали ордена и премии. А кто посмел бы сказать при ваших должностях и гонорарах, квартирах и дачах, —

Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!

Но теперь, после этой телепередачи, последние две строки, пожалуй, могут бросить вам в лицо, изменив лишь несколько букв:

Смотрите, как он нагл и вреден,
Как презирают все его!

В самом деле, разве это не наглость, — утверждать, что Сталина сделала революционером «жажда отомстить обществу за нищету семьи». Ведь совсем недавно вы уверяли, что никакого единого общества при капитализме нет, а есть богатые и бедные, угнетатели и угнетенные. А Сталин, видите ли, хотел отомстить без разбора всем — и богатым и бедным? Это во-первых. А во-вторых, его семья жила скромно, но едва ли пребывала в нищете. Отец был отменный мастер своего дела, тачал сапоги гораздо более крепкие, долговечные и красивые, чем ваши пьесы. Мать была неутомимой труженицей. А сын, поскольку учился на сплошные пятерки,

получал стипендию — три рубля. Тогда на эти деньги можно было купить корову и прокормить весь клан Боровиков.

А разве это не прямой вред для юных и неюных умов — уверять, что Сталину удавалось пять раз бежать из тюрем и ссылок благодаря тому, что он «запугивал охранников». Дядя, чем запугивал — партвзысканием? Лубянкой? лишением гражданства? Ведь не одному Сталину удавалось бежать. Бежали и Троцкий, и Бухарин, и Орджоникинзе, даже Калинин. Может, и Михаил Иванович запугивал?

И потом, побег из заключения дело давнее, традиционное, можно сказать, чуть ли не святое. Вот «Американский исторический журнал»(The American Historical Review). Согласно опубликованным в нем данным, в самом-то разлюбезном для вас 1937 году на 1 января всего заключенных в СССР было 1 196 369 человек, т.е. при населении страны около 170 миллионов это гораздо меньше, чем 1 процент. Это к вопросу о «массовых репрессиях».

Ведь «массовые» — процентов 25—30, не так ли? Сейчас в пору великих гуманистов Путина и Медведева при населении России почти в два раза меньшим, чем в СССР, сидит примерно столько же.

Из названного числа заключенных в 1937 году к указанной дате освобождено по отбытии срока наказания 364 437 человек. Это к вопросу о том, что-де «оттуда никто не возвращался»(А. Солженицын, Л. Разгон, В. Новодворская и т.п.). Но были и особо нетерпеливые, не желавшие сидеть срок до конца, они сбежали из заключения. Это — 58 264 человека. Пять дивизий! Это около 4,5 процента от общего числа «армии заключенных». Нормальная цифра (АиФ № 45, 1989, а также: *Ма-*

рио Соуса. ГУЛАГ: архивы против лжи. М. 2001. С. 17). Вот Сталин и был из числа особо нетерпеливых...

А утверждать опять же вслед за Р. Медведевым, Б. Сарновым, К. Залесским, что «Сталин вообще не был оратором», — разве не наглость? Впрочем, К. Залесский пишет хотя бы, что Сталин был «плохой оратор» и проигрывал «блестящим ораторам» — Троцкому, Каменеву, Зиновьеву, Бухарину и Рыкову. А ведь у Боровика — вообще не оратор! Да как же он в открытых дискуссиях и спорах на съездах и пленумах партии наголову разбил всех этих «блестящих» и «сверкавших»? Почему его речи, как правило, множество раз, иные прерывались то бурными аплодисментами, то возгласами «Правильно!», то хохотом всего зала? Так, его речь на XVII съезде партии прерывалась 48 раз. Наконец, с чего бы весь мир прислушивался к каждому слову этого неоратора?

Однако надо признать, речь Боровика тоже вызывает эмоции. Слушая его, я, например, четыре раза подходил к телевизору и плевал на экран. Думаю, что это самая сдержанная реакция среднестатистического телезрителя.

А вот это как назвать: «В 1922 году Сталина избарают Генеральным секретарем, и он сразу вступил в конфликт с Троцким». А до этого что, боялся? Да еще в марте 1918 года Сталин уже «вступил в конфликт с Троцким. Как известно, тот на переговорах с немцами в Бресте провозгласил: «ни мира, ни войны, а армию распускаем» и рассчитывал, что ответом на его заявление будет революция в Германии и Австрии. А Сталин сказал тогда: «Позицию Троцкого невозможно назвать позицией. Революционного движения на Западе нет, а есть только потенция, а мы не можем полагаться в сво-

ей практике на одну лишь потенцию». Позже, когда уже шла Гражданская война и Троцкий стал председателем Реввоенсовета, Сталин написал Ленину из Царицына: «Если Троцкий будет не задумываясь направо и налево раздавать мандаты (как недавно Ельцин раздавал направо и налево суверенитеты. — *Авт.*), то можно с уверенностью сказать, что через месяц у нас все развалится на Северном Кавказе и мы этот край окончательно потеряем... Вдолбите ему в голову, что без ведома местных людей назначений делать не следует, что иначе получится скандал для Советской власти».

Еще не получив ответа Ленина, Сталин снова писал ему, что будет «сам без формальностей свергать тех комиссаров и командиров, которые губят дело», что намерен действовать так, как «подсказывают интересы дела, и отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит». Так что, запомните, Боровик, Иосиф Виссарионович не шибко робел перед Львом Давидовичем, причем задолго до того, как стал Генсеком.

Наглость с вашей стороны, любезный Генрих Аверьянович, и заявление о том, что будто бы «Ленин предложил убрать (!) Сталина с поста Генсека» и что это было не что иное, как «приговор», едва ли не смертельный.

Ведь ничего похожего! Ленин выразился очень корректно и при этом высоко оценил достоинства Сталина. Назвав его «выдающимся вождем ЦК», далее писал: «Предлагаю товарищам обдумать (!) способ перемещения Сталина с этого поста и назначить на это место другого человека, который во всех (!) других отношениях отличается от тов. Сталина только одним (!) перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д.»

Приговоры, сударь, пишутся другим языком. И где вы читали приговоры, в которых говорилось бы: «Суд предлагает товарищам обдумать способ перемещения выдающегося вождя на тот свет» и т.д. Там прямо пишут: «к расстрелу» или «к смертной казни через повешение». И обратите внимание: ведь Ленин не назвал человека, который отличался бы от Сталина «только одним перевесом» и годился бы на роль идеального Генсека, — значит, он и сам не видел такого человека. Позже оказалось, что не видели и другие члены партии. Но вот любопытно: когда в кресло главного редактора журнала «Театр» вместо выдающегося вождя Боровика сажали выдающегося вождя Швыдкова, кто-нибудь в Министерстве культуры сказал, что преемник отличается от предшественника хоть одним перевесом?

Тут же Боровик заявил, что этот ленинский «приговор» Сталину «удавалось хранить в секрете несколько лет», но «впереди был XV съезд в 27-м году, и надо было что-то делать. Это сделал сам Троцкий».

Что же именно сделал беспримерный правдолюб? По уверению Боровика, на этом съезде он в своей речи вывел коварного Генсека на чистую воду: «Выдал содержание письма Ленина в той части, где говорилось о Сталине». Но тот не растерялся, не сробел: «В отличие от истерической речи Троцкого он выступил очень спокойно и взвешенно, говорил уверенно и весомо... Зал ответил аплодисментами. Сталин обратил выступление Троцкого против него самого».

Ей-богу, хоть стой, хоть падай, хоть в гроб ложись с этими мультилауреатами и полиорденосцами из журнала «Театр». Ведь говорит так уверенно, словно сидел на XV съезде в президиуме и все это видел своими глазами. Батюшка Генрих Аверьянович, поверьте, не был Троцкий

на этом съезде и не произносил никаких речей, в том числе «истерическую речь». Зачем обижаете покойника? Право, хочется даже его защитить от вас. Сопоставьте даты и события: XV съезд проходил со 2 по 19 декабря 1927 года, а современный знаток истории ВКП(б), упоминавшийся К. Залесский, свидетельствует (впрочем, и без него известно): «В 1925—1927 годы Троцкий, объединившись с Зиновьевым и Каменевым, вновь предпринял попытку занять доминирующее положение в партии, но вновь был разбит Сталиным. В октябре 1926-го выведен из состава Политбюро ЦК, а в октябре 1927-го — из ЦК. В десятую годовщину Октябрьской революции 7 ноября 1927-го пытался апеллировать к демонстрантам, направлявшимся на Красную площадь, но в него стали бросать камни, разбили стекла машины, и Троцкий вынужден был ретироваться. 14 ноября этого года его исключили из партии». Спрашивается, как же без партбилета Троцкий мог оказаться делегатом съезда и получить там слово для «истерической речи»? «А 17 ноября по предложению Сталина он был уволен из Главконцесскома».

После этого за Троцким осталась только одна должность, за которую зубами держался висельник Чубайс, — начальник Главэлектро. Какая выразительная гримаса истории или, лучше сказать, параллель: Чубайс в кресле Троцкого! Для полного сходства не хватает только ледоруба. Но Льва Давидовича вскоре вышибли и из Главэлектро.

Так спрашивается, кто же кого накануне XV съезда выводил на чистую воду — Троцкий Сталина или наоборот? Или вы не знаете, Боровик, что вскоре Сталин «вывел» Троцкого из Москвы в Алма-Ату, а потом — за бугор?

А между тем, Лев Давидович действительно писал о «завещании» Ленина, только было это не в 1927 году, как уверяет Боровик, т.е. не в дни, когда ему били стекла, а 1 сентября 1925 года. Тогда в журнале «Большевик» №16 на странице 68 он дал отповедь американскому коммунисту М. Истмену, позднее изгнанному из партии, по поводу его книги «После смерти Ленина»: «В нескольких местах книжки Истмен говорит о том, что ЦК «скрыл» от партии ряд исключительно важных документов, написанных Лениным в последний период его жизни (дело касается писем по национальному вопросу, так называемого «завещания» и пр.); это нельзя назвать иначе, как клеветой на ЦК нашей партии. Из слов Истмена можно сделать вывод, будто Владимир Ильич предназначал эти письма, имевшие характер организационных советов, для печати. На самом деле это совершенно неверно. Владимир Ильич во время своей болезни не раз обращался к руководящим учреждениям партии и ее съезду с предложениями, письмами и пр. Все эти письма и предложения, само собой разумеется, всегда доставлялись по назначению, доводились до сведения делегатов XII и XIII съездов партии и всегда, разумеется, оказывали надлежащее влияние на решения партии, и если не все эти письма напечатаны, то потому, что они не предназначались их автором для печати.

Никакого «завещания» Владимир Ильич не оставлял, и самый характер его отношения к партии, как и характер самой партии, исключали возможность такого «завещания». Под видом «завещания» в эмигрантской и иностранной буржуазной и меньшевистской печати упоминается (обычно в искаженном до неузнаваемости виде) одно из писем Владимира Ильича, заключавшее в себе советы организационного порядка. XIII съезд пар-

тии внимательнейшим образом отнесся и к этому письму, как ко всем другим, и сделал из него выводы применительно к условиям и обстоятельствам момента. Всякие разговоры о скрытом или нарушенном «завещании» представляют собой злостный вымысел и целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича и интересов созданной им партии»...

Вот так Лев Давидович за «злостный вымысел» залепил с того света Генриху Авиэзеровичу звонкую оплеуху. Остается лишь для большей ясности добавить к написанному в 1925 году Троцким, что на XIII съезде (23—31 мая 1924 года, т.е. через четыре месяца после смерти Ленина) «завещание» было оглашено и обсуждено по делегациям, а XV съезд, вновь обсудив этот вопрос, полностью опубликовал «завещание» в Бюллетене №30. На первом из названных съездов было 1164 делегата от 735 тысяч членов и кандидатов партии, на втором — 1669 делегатов от 1 миллиона 236 тысяч коммунистов. Как при таком обилии людей, знавших о «завещании», слышавших или читавших его текст, можно говорить, что Сталин «несколько лет» держал его в секрете?

* * *

А что еще изобразил Боровик после смерти Ленина? Он сказал: «Те немногие, кто знали о завещании Ленина, полагали, что Сталин по давней русской традиции, зная о приговоре, постарается принизить дело Ленина, постарается его критиковать» и даже «будет мстить ему за письмо к съезду». Как уже сказано, с мая 1924 года о «завещании» знали не «немногие», а, по меньшей мере, 1164 человека. Что же касается критики, желания принизить предшественника и даже мстить ему, то с чего

Боровик взял, будто это «давняя русская традиция»? Разве Николай Второй принижал Александра Третьего, а тот хаял Александра Второго, который в свою очередь — Николая Первого и т.д.? Наоборот! Памятники ставили предшественнику: Екатерина — Петру, Николай Первый — Екатерине и т.д. В первые годы после революции у большевиков было такое поветрие — чернить прошлое, но достаточно скоро опомнились. Уже в самом начале 30-годов были принято несколько важных решений Совнаркома и ЦК о средней школе, об учебных программах — это было возвращение к традиционной для России системе обучения. А какое огромное значение имело постановление 1934 года «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Печально знаменитый вульгаризаторский учебник М. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке» (1920) был изгнан. В стране стали чтить и писателей прошлого, и ученых, и полководцев, потом генеральские и офицерские звания ввели и погоны вернули, и церковь поддержали. А вот плоскоумный Хрущев действительно попытался сделать традицией очернение предшественника. У него эстафету приняли нынешние демократы, одним из доказательств этого и оказалась передача Боровика. Но, конечно, между Хрущевым и такими, как Боровик, дистанция все же огромная: тот поносил главным образом персонально Сталина, клеветал на него лично, а боровики — не только на Сталина, но на всю Советскую эпоху.

А в клевете лично на Сталина автор передачи на сей раз дошел до заявления, что тот «присвоил себе его славу Ленина». Что, говорил, будто не Ленин, а он создал партию? Нет, не говорил. Или писал, что не Ленин, а он был вдохновителем и главным руководителем Октябрьского восстания? Нет, не писал. Или доказывал, что не

Ленину, а ему удалось добиться Брестского мира и тем спасти молодую Советскую республику? Нет, не доказывал. Или уверял, что в годы Гражданской войны не Ленин, а он возглавлял Совет труда и обороны? Нет, не уверял. Или морочил людям голову, будто не Ленину, а ему принадлежала идея нэпа? Нет, не морочил. Или врал, что план ГОЭЛРО это детище не Ленина, а его? Нет, не врал...

Так в чем же дело? Боровик, ну мы же не дурее вас, хоть вы и лауреат премии Циолковского! Мы знаем, что Сталин почти тридцать лет руководил страной без Ленина, ему своей собственной славы хватало. Вот лишь несколько цифр и только из одной области жизни. За первую пятилетку с 1928 года, когда, Генрих Авиэзерович, ваши родители сделали уже все, чтобы вы в следующем году появились на свет, по 1932-й год, когда вы уже бегали под стол, число учащихся в школах выросло с 12 миллионов до 21 с лишним. Почти в два раза! Число высших учебных заведений выросло в 5,6 раза. Правда, такой блистательный очаг антисоветчины, как МГИМО, тогда, кажется, еще не был создан. Грамотное население в стране увеличилось с 60 процентов до 90. Всего за четыре года! Кто тогда руководил страной и проводил такую политику? Увы, Ленина уже не было. А для того, кто руководил, одних этих цифр достаточно для славы и благодарности народа. Нет, не Сталин присвоил славу Ленина, а ваше отродье тщится лишить славы и того и другого. Хорошо сказал об этом недавно Александр Зиновьев: «Торжествующие пигмеи постсоветизма, разрушившие русский(советский) коммунизм всячески умаляют и извращают деяния великанов советского прошлого, дабы оправдать свое предательство и самим выглядеть великанами».

Лживо заявление Боровика и о том, что Сталин «присвоил себе право называться единственным учеником Ленина». В упоминавшейся беседе с Э. Людвигом он сказал: «Я только ученик Ленина и цель моей жизни — быть достойным его учеником». И называл Ленина «нашим учителем», а не только своим, «нашим воспитателем», а не только своим.

* * *

Можно было бы еще много интеллектуального барахла из этого телефильма выставить на обозрение читателя, но боюсь, что он уже устал и просто не выдержит. Однако нельзя умолчать о том, мимо чего не проходит ни один пишущий воспитанник МГИМО или сотрудник Института США и Канады, — о тосте, провозглашенном Сталиным 24 мая 1945 года в Кремле на приеме в честь командующих войсками Красной Армии.

Все они долдонят одно и то же: это был тост за терпение русского народа. Последний раз я читал это в недавно вышедшей книге «Вторая мировая война» доктора исторических наук А.И.Уткина, возглавляющего Центр международных исследований Института США и Канады: «Сталин поднял первый (!) поразивщий всех тост за *бесконечное терпение русского народа*» (с. 860). Не хочется мне употреблять такие выражения, как «чушь собачья», но что поделаешь! Прежде всего, это бы не первый, а последний тост на приеме. Сталин так его и начал: «Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост». Значит, любезный профессор никогда и не видел текста этого тоста, скорей всего, он списал его у кого-то из бесчисленных немецких, американских или английских авторов, которых в его книге невозможно сосчитать. Последние четыре слова автор выделил кур-

сивом, чтобы создать впечатление, будто это подлинные слова Сталина. На самом деле ни о каком «бесконечном терпении» Сталин не говорил.

Задолго до этого поэт Борис Слуцкий, умерший в 1986 году, написал даже стишок об этом тосте, который заезжий прохвост Коротич напечатал в «Огоньке». Стишок так и назван был — «Терпение»:

Сталин взял бокал вина
(может быть, стаканчик коньяка),
поднял тост, и мысль его должна
сохраниться на века:
За терпение!..
— Вытерпели вы меня, — сказал
вождь народу. И благодарил.
Это молча слушал пьяных зал.
Ничего не говорил.
Только прокричал «Ура!»
Вот каковская была пора...

Ну, во-первых, «пьяных зал» — это Жуков и Рокоссовский, Курчатов и Королев, Шолохов и Леонов, Шостакович и Хачатурян, Уланова и Гризодубова... Во-вторых, Сталин ничего похожего не говорил. В-третьих, зал слушал вовсе не молча, выступление Сталина сопровождалась аплодисментами, а в конце — «Бурные, долго не смолкающие аплодисменты». Авиаконструктор А. Яковлев вспоминал: «Речь Сталина постоянно прерывалась долго не смолкавшими овациями, поэтому его короткий тост занял чуть ли не полчаса. Наконец Сталин не выдержал и засмеялся:

— Дайте мне сказать...

Новый взрыв аплодисментов...»

По записанным в дневнике Чуковского воспоминаниям Константина Федина, сидевший рядом с ним Илья Эренбург почему-то расплакался после тоста: «Что-то показалось ему в этом обидное». Может быть, он с огорчением подумал: «Вот каковская пора — за русский народ пьем! Нет бы за еврейский...»

Вот теперь услышали и в фильме Боровика: «Сталин произнес свой знаменитый тост за русский народ... Он действительно всю войну удивлялся терпению русского народа». Ничего другого, мол, достойного похвалы у русского народа вождь не видел. Словом, все то же, как все.

На самом деле Сталин сказал: «Я поднимаю тост за здоровье нашего Советского народа, и прежде всего русского народа, не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение».

А вы, Генрих Авиэзерович, и ваши собратья жульничаете, выхватив их тоста лишь одно «терпение». Для этого не требуется ясного ума и стойкого характера, а только одна наглость. Приемчики-то у вас у всех однотипные, даже одинаковые.

* * *

Однако же объективности ради надо признать, что порой автор фильма даже, представьте себе, и похваливает Сталина, правда, хихикая при этом. Например: «Глуп он не был. Нет, не был он глуп, не глуп, не глуп...» По этому вопросу есть высказывания многих авторитетных людей, в МГИМО, к сожалению, не учившихся. Так, маршал Жуков размышлял: «И.В.Сталин производил сильное впечатление. Лишенный позерства, он

подкупал собеседника простотой общения. Свободная манера разговора, способность четко формулировать мысль, природный аналитический ум, большая эрудиция и редкая память даже очень искушенных и значительных людей заставляли во время беседы с И.В.Сталиным внутренне собираться и быть начеку». И дальше: «Сложный, противоречивый, но очень умный. В войну вначале разбирался в стратегических вопросах слабо, но ум, логика мышления, общие знания, хватка сослужили ему хорошую службу, и во втором периоде войны, после Сталинграда был как Верховный Главнокомандующий вполне на месте». И наконец: «В руководстве вооруженной борьбой в целом И.В. Сталину помогали природный ум, богатая интуиция. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, провести ту или иную крупную операцию. Несомненно, он был достойным Верховным главнокомандующим» (Воспоминания и размышления. М., 1971. С. 282, 284. и М., 1983. Т. 2, с. 102). Так говорил о Сталине человек, знавший его, может быть, лучше, чем себя. А кто скажет о вас, Боровик, что, переменив за свою долгую жизнь множество мягких кресел, вы хоть один раз были «вполне на месте»?

Маршал Василевский: «Взвалив на свои плечи огромную ношу, И.В.Сталин не щадил и других. В ходе Великой Отечественной войны, как, пожалуй, ни в какое время, проявилось в полной степени самое сильное качество И.В.Сталина: он был отличным организатором... Возглавляя одновременно Государственный комитет обороны, правительство, Верховное главнокомандование, Сталин изо дня в день очень внимательно следил за всеми изменениями во фронтовой обстановке, был в курсе всех событий и в народном хозяйстве.

Он хорошо знал руководящие кадры и умело использовал их....

Были в деятельности Сталина того времени и просчеты... Однако, как человек глубокого ума, он, естественно, не мог не сознавать своих просчетов и не делать выводов для себя... Будучи Верховным главнокомандующим, он, конечно, проделал уже в первые месяцы войны колоссальную работу. То, что он стоял во главе Ставки, придавало ей вес и значение. Он твердо держал в руках нити управления фронтами».

И вывод: «Сталина несомненно можно отнести к разряду выдающихся полководцев...» (Дело жизни. М., 1973. С. 126, 268). А вас, Боровик, несомненно можно отнести к разряду выдающихся пустобрехов, причем, к первому разряду.

Еще об уме Сталина? Ну, вот хотя бы один эпизод из воспоминаний Черчилля, на которого ваша братия молится. Он рассказал Сталину план «Торч» — план высадки союзников в Северной Африке. И потом писал: «Сталин моментально оценил стратегические преимущества операции «Торч». Он перечислил четыре основных довода в ее пользу... Это замечательное заявление произвело на меня глубокое впечатление. Русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей могли бы в несколько минут понять соображения. над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно» (Вторая мировая война. Ростов-Дон. 1997. Стр. 296).

Так говорили об уме и способностях Сталина три больших и хорошо знавших его человека, двое из которых глубоко уважали его, а третий и уважал, и ненавидел. Ну, пожалуй, хватит об уме Сталина. Теперь жди-

те, Боровик, что о вашем собственном уме и способностях скажут собственные внуки. Может быть, даже по телевидению.

* * *

Еще об одной байке о Сталине. Видит Бог, я долго не хотел опровергать ее — несуразную, малоумную, высмеивающую Сталина байку о том, будто он непременно хотел сам принимать Парад Победы на борзом коне, но — не совладал с конем и только поэтому поручил принимать Парад маршалу Жукову.

Не хотел потому, что измыслил эту злобную чушь и пустил ее гулять по белу свету фронтовик же, Герой же Советского Союза, которому теперь еще и перевалило уже за восемьдесят, — Владимир Карпов. Тем более не хотел, что ранее высказал немало претензий к его сочинениям о Великой Отечественной. Но вижу, что писаки о войне распространяют вздорную выдумку все дальше и дальше. По замусоленности ее можно поставить в один ряд, например, с выдумкой о маленьком росте Сталина. Ну, что тут взять, допустим, с покойного А. Собчака, писавшего в своей предсмертной книге «Дюжина ножей в спину», что Сталину, когда он выступал с трибуны, подставляли под ноги скамеечку. Мир праху этого читинского парижанина... А что взять с И. Хакамады, которая тоже об этом пишет? У нее и обо всей Великой Отечественной войне вот какое представление: «Задавленным (!), нищим (?), полуголодным (!!) людям, плохо вооруженным (??) и кое-как обученным (?!), оказалось по плечу разгромить сытых, вышколенных профессионалов, с их баснословными ресурсами, с их самой совершенной на тот момент военной техникой» (Осо-

бенности национального политика. М. ОЛМА-ПРЕСС. 2002. С. 225). У этой мыслительницы было не то три, не то четыре мужа. Хочется думать, что хоть один из них служил в армии. И неужели ему не захотелось выбить из головы дражайшей супруги малограмотную чушь о Великой Отечественной и объяснить ей, что невежество не должно быть особенностью русского национального политика, как и всякого другого?

Что, говорю, с нее, с демократки-чубайсатки, взять. Но вот Генеральный директор Гидросферно-экологической Академии П.М. Себелев. Он сочинил эпопею «Битва народов» в пяти томах и десяти частях общим объемом в 3000 страниц (М., Сфера. 1994). Видно по всему, что автор много читал, изучал, собирал материал. И вот у него на Первомайском параде 1941 года германский посол Шуленбург говорит послу английскому: «Присмотритесь к Сталину: щуплый невысокого роста человек. А каким крупным кажется он на Мавзолее. Под его ногами — деревянная подставка, чтобы казался не ниже рядом стоящих» (т. 1, с. 9).

Больше всего тут поражает загадочная тупость: ведь Сталина сейчас довольно часто можно видеть на телеэкранах в старой кинохронике. И что, ему требуется подставочка? Так запишите, Себелев, а вы, Хакамада, передайте еще и всем своим мужьям бывшим и будущим: 174 сантиметра — таков рост И.В. Сталина. Тюремный документ об этом привел даже прохвост из ПУРа Волкогонов, поищите в первом томе его «Триумфа и трагедии»(не спутайте с «Трагедией и триумфом» Черчилля!). Правда, это тоже не помешало генералу от пропаганды назвать Сталина «пигмеем духовным и физическим».

В таком же ходу байка о том, будто на предложение обменять попавшего в плен сына Якова на фельд-

маршала Паулюса, Сталин ответил: «Простого солдата на маршала не меняю» (например, хотя бы у Л. Млечина: Сталин и его маршалы. М., 2004. С. 599). Сталин действительно не выменял сына и не мог сделать это как вождь перед лицом армии и народа, несших тягчайшие утраты. Но и сказать приведенных слов он тоже не мог, ибо, во-первых, Яков был не солдатом, а старшим лейтенантом; во-вторых, если уж был бы солдат, то Сталин сказал бы так: «Фельдмаршала на солдата не меняю». Разве не ясно?

А о Параде 1945 года вот и совсем недавно в День Победы во время репортажа с Красной площади ведущий (не то Винокуров, не то Пивоваров, не то Дармоедов) многозначительно спросил полковника Герасимова Василия Леонидовича, комментировавшего парад: «А почему же все-таки Парад Победы принимал не Верховный главнокомандующий, как полагалось? Не любил ездить на лошадях?» Зная с каким сладострастием и неутомимостью наши тупоумные телевизионщики глумятся над всем Советским, естественно предположить, что Дармоедов рассчитывал услышать очередное повторение карповской чепухи на всю страну. Но не дождался. Полковник Герасимов дал ясный и четкий ответ: стоя на трибуне Мавзолея, к подножию которого наши воины бросали знамена разбитой немецкой армии, Сталин принимал парад в высшем нравственно-политическом, даже мистически-небесном смысле, как в известной песне Вертинского:

Чуть седой, как серебряный тополь,
Он стоит, принимая парад.
Сколько стоил ему Севастополь,
Сколько стоил ему Сталинград...

* * *

История дела такова. Я уже знал об очередном карповском открытии, а он — о моем отношении к нему. Однако 1 марта 1997 года он привез мне свою трилогию о Жукове, и на случай, если бы не застал меня дома, приложил письмо, в котором сетовал на молчание критики.Оно, видимо, было для В. Карпова трудно переносимо. За долгие годы пребывания на самых высоких постах в литературе (вплоть до первого секретаря Правления Союза писателей СССР), в партии (член ЦК), и органах государственной власти (депутат Верховного Совета СССР) он уж очень привык к постоянным и самым возвышенным похвалам. Но, увы, я достоинствами его трилогии «не проникся». Здесь не буду говорить о ней в целом, а скажу лишь о помянутой байке. Она уж очень характерна для уровня всей трилогии. Но сперва — несколько фактов, тоже дающих представление об осведомленности автора.

В «Генералиссимусе» он пишет, например: «25 мая 1945 года состоялся прием в честь командующих войсками Красной Армии». И повторяет: «25 мая...» (т. 2. с. 385). На самом деле этот знаменитый прием, на котором Сталин провозгласил великий тост «за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа», состоялся 24 мая (Собр. соч. М. 1997. Т. 15, с. 228). Обязан же знать это автор, всю жизнь пишущий о войне. Как обязан знать и то, скажем, что приказ «Ни шагу назад» был под номером 227, а не 277 и т.д.

В трехтомнике «Маршал Жуков» читаем уже о Параде Победы, состоявшемся 24 июня: «После парада был дан прием для его участников. Именно на этом (!) приеме фронтовые соратники вдруг обнаружили, что их

Верховный не имеет звания Героя Советского Союза...» (т. 1, с. 83). Но в «Генералиссимусе» автор уверяет, что это было на приеме 24 мая, да еще вздувает градус: «Участники торжества обратили внимание на то, что у Верховного главнокомандующего — нет наград!.. Они пируют, украшенные многими наградами, у некоторых по две, даже по три Геройских Звезды, а у Сталина, который совершил для победы больше любого из присутствующих, нет боевых наград!» (т. 2, с. 386)

Поразительно! Ведь пишет биографии полководцев и сам очень внимателен к наградам, особенно к своим... Еще в 1919 году Сталин получил боевой орден Красного Знамени за Царицын. А в Отечественную войну был награжден в 1944 году вторым орденом Красного Знамени, в 43-м — орденом Суворова первой степени после того, кстати, как этот орден уже дважды получил Жуков (28.1.43 и 28.7.43) и один раз — Василевский (28.1.43), а 29 июля 44-го опять же после Жукова и Василевского (одновременно — 10.4.44) Сталин награжден первым орденом «Победа». Второй орден «Победа» он получит уже после окончания войны (26.6.45) и снова после Жукова (30.3.45), но раньше Василевского (8.9.45). К тому времени получили орден «Победа» маршалы Рокоссовский и Конев (одновременно — 30.3.45), Малиновский и Толбухин (одновременно — 26.4.45), Говоров (31.5.45), Тимошенко (4.6.45), Мерецков (8.9.45) и генерал армии Антонов.

* * *

Однако перейдем к существу дела. В «Маршале Жукове» В. Карпов пишет: «12 июня 1945 года Калинин вручил Жукову третью Золотую Звезду... С позиции на-

шей нынешней осведомленности (Радзинского начитался. — *Авт.*) формулировка в Указе о награждении наводит на размышление. Текст Указа несомненно (откуда такая уверенность? — *Авт.*) продиктовал Сталин, кто ж еще может давать оценку заместителю Верховного» (С. 80).

Больше ему делать было нечего... Да неужели М.И. Калинин один или вместе с секретарем Президиума Верховного Совета А.Ф. Горкиным сами не могли составить Указ? Они же не оценку Жукову давали, не характеристику своему подчиненному писали, а составили официальный текст, который имел свою стойкую традицию: «За образцовое выполнение боевого задания командования» и т.д.

Но разведчик Карпов не верит, он преисполнен бдительности: «Текст Указа гласил: «за образцовое выполнение боевых заданий Верховного Главнокомандования по руководству операциями в районе Берлина». «Вдумайтесь с эти слова, — взывает к нам разведчик, — и вы без труда уловите, что они просто оскорбительны» (там же). Действительно, вдумайтесь: маршала награждали третьей Звездой Героя с целью оскорбить! Вот до чего может довести непомерное чтение Радзинского или мил-дружка Волкогонова.

Но что же все-таки мерещится Карпову? А вот: «Жукову дают награду не за победу (?) в Берлинской операции, а за исполнительность, не за высокое полководческое искусство (?), а за образцовое выполнение боевых заданий, которые давал Сталин» (там же).

Какая демагогия, замешанная на злобе! Повторяю: такова была традиционная исходная формулировка, за которой могли стоять самые разные дела и обстоятельства. Подробности в таких документах, вроде рассуж-

дений об искусстве, абсолютно ни к чему, их и не бывает. Надо же понимать разницу между характеристикой или описанием боевой операции, с одной стороны, и Указом о награждении — с другой. И в нем прямо говорилось о личном руководстве Жукова операциями, а не об «исполнительности» при осуществлении указаний Сталина, которые, кстати, были, как известно, и имели весьма важное значение.

Карпов продолжает свои язвительные художества, которые не имеют никакого отношения к Сталину, но ярко высвечивают внутреннюю суть самого автора. Вот, мол, получив третью Звезду, явился Жуков к Сталину. «Надо полагать, он поздравил маршала и обмыли они эту награду. А в глубине души Сталин, может быть, тешил свое болезненное самолюбие, вспоминая «формулировочку» Указа о награждении, которую он (?) сочинил для истории» (там же). Да, в этих рассуждениях бесспорно есть нечто болезненное: Карпов меряет Сталина на свой аршин! Как сам обмывал, поди, все награды, начиная с медали «За боевые заслуги», полученной в двадцать лет, и кончая второй (самодельной) Звездой Героя, в восемьдесят лет преподнесенной ему Сажи Умалатовой через голову президента, так думает, и Сталин в шестьдесят пять лет не мог без выпивона даже по случаю чужой награды. Как сам интриговал, так и Сталина изображает интриганом.

Всю эту запредельную эманацию карповского интеллекта можно сопоставить разве что с такой же эманацией Леонида Млечина в книге «Иосиф Сталин и его маршалы» (М., 2004). Он пишет: «4 мая 1941 г. Политбюро утвердило секретное постановление «Об усилении работы советских центральных и местных органов» (с. 380). Почему «утвердило», а не «приняло»? Ведь

утверждается постановление какой-то нижестоящей инстанции, но тут — ничего подобного, выше Политбюро был только Бог. Просто автор не понимает, что пишет. А почему секретное? Ответа нет...

Так вот, 4 мая, уверяет автор, Молотова секретно освободили от поста председателя правительства, а Сталина секретно назначили на этот пост. Но через день Политбюро почему-то решило рассекретить свое постановление, и 6 мая оно было опубликовано в виде Указов Президиума Верховного Совета. Второй Указ, уверяет историк-самоучка Л. Млечин, был составлен «в довольно пренебрежительном тоне». Как и Карпов, самоучка не понимает, что Указ высшего органа власти это не письмо сопернику или возлюбленной, и никакие эмоции в нем не мыслимы. Вот этот Указ: «Ввиду неоднократного заявления тов. Молотова о том, что ему трудно исполнять обязанности Председателя Совнаркома наряду с выполнением обязанностей Наркома Иностранных Дел, удовлетворить просьбу тов. Молотова В.М. об освобождении его от обязанностей Председателя Совнаркома».

Где, в чем здесь хоть крупица пренебрежительного тона? Ученик разведчика Карпова копает-сопит, сопит-копает и выкапывает: «В словах о том, что Молотову «трудно» быть главой правительства, звучало очевидное осуждение его небольшевистской слабости. Сталин же не жалуется, что ему трудно руководить и партией, и правительством. Формулировки важнейших Указов принадлежат самому Сталину. Значит, он не упустил случая принизить роль Молотова в глазах народа» (там же). Вот она, хитроумная карповщина в чистом виде! Там — оскорбление Жукова, здесь — унижение Молотова...

Но позвольте, как так «Сталин не жалуется»? В пункте 3 секретного постановления говорилось: «Ввиду того,

что тов. Сталин, оставаясь по настоянию Политбюро ЦК первым секретарем ЦК ВКП(б), не сможет уделять достаточного времени работе по Секретариату ЦК, назначить тов. Жданова А.А. заместителем тов. Сталина по Секретариату ЦК...» (там же, с. 381).

Если Сталин остался первым секретарем лишь по настоянию Политбюро, значит, он отказывался, значит, тоже и он жаловался, что не сможет, и с ним Политбюро согласилось, потому и назначило Жданова его заместителем по Секретариату. Выходит, Сталин коварно унижал Молотова, а Политбюро столь же коварно — Сталина. Так, мыслитель Млечин?

* * *

Возвращаясь к приведенным текстам Карпова, следует признать, что они чрезвычайно характерны для его истинного отношения к Сталину. У него прорва напыщенных громких похвал общего характера (стратег!.. провидец!.. гений!), но в конкретных обстоятельствах, в частных фактах прорывается враждебность, стремление высмеять, унизить. Например. в «Маршале Жукове» он приводит текст «Торгово-кредитного договора между СССР и Германией» от 19 августа 1939 г. Он предусматривал «предоставление Германией Советскому Союзу кредита в размере 200 млн. германских марок для закупки германских товаров в течение двух лет... А также поставку товаров со стороны Советского Союза и Германии в тот же срок на сумму в 180 млн. марок».

Казалось бы, если в Соглашении сперва сказано о германском кредите и о закупке нами германских товаров, то, коли тебе захотелось пояснить суть дела, то с этого и начни, а потом — о наших поставках Германии.

Карпов же поступает жульнически: приводит длинный список наших товаров, поставленных Германии, а о немецких поставках нам пишет: «Приведу только один пример...» Да почему же такая скромность? «Нами был куплен крейсер «Лютцов»... Немецкий буксир доставил в Ленинград корпус корабля без механизмов и вооружения...»

И следует издевательский вывод: «Вот так обманывали нашего «мудрого и гениального вождя народов», и так бездарно он отдавал столь необходимое нам стратегическое сырье...» (т. 1, с. 465-466). Однако по поводу крейсера Карпову предстоит схватка с упомянутым Млечиным. Тот пишет: «Немцы продали Красной Армии самый современный тяжелый крейсер «Лютцов», заказанный наркомом Тевосяном. Весной 1940 года немецкий буксир привел его в Ленинград. Семьдесят немецких инженеров и механиков под руководством адмирала Фейге участвовали в достройке крейсера» (И. Сталин и его маршалы, с. 291). Вот разбирайтесь...

Но гораздо важнее отметить, что Карпов низводит Сталина до своего самодостаточного уровня. Ему суют убогие фальшивки то о доносе в 30-е годы Г.К. Жукова на маршала Егорова, то о том, как Сталин пытался в 1942 году заключить мир с фашистской Германией и ударить вместе против Англии, США, то о расстреле 15 тысяч писателей, и он все это хватает, глотает, а потом — в свои книги. И явную чушь выдает за великие открытия. А тут уверяет, будто и Сталин был таким же олухом, но уже в государственном масштабе.

На самом деле поставки между СССР и Германией, конечно же, имели двусторонний и равноценный характер. Об этом можно прочитать хотя бы в воспоминаниях авиаконструктора А. Яковлева, который сам ез-

дил тогда в Германию и выбирал, что нужно купить из авиационной техники, или в воспоминаниях В. Бережкова, переводчика Сталина.

Так чем же объяснить такую ненависть Карпова к Сталину? В чем дело? Да, видимо, в том, что он до сих пор считает и пишет в газетах: «Сталин мне жизнь крепко покалечил» (Правда-пять, 14 июля 1998). Да как же покалечил, — спросили его высоколобые правдисты? Да как же! «Меня, — говорит, — ведь еще до войны судили за нетактичное высказывание о «вожде народов» (там же).

Он настойчиво берет последние два слова в издевательские кавычки. А что, не был Сталин вождем? Если немка Екатерина Вторая, спустя всего пять лет после вступления на престол через труп своего венценосного супруга получила титул «матери народов», то почему же Карпов не считает вождем народов Сталина, который тридцать лет именно вел страну как народный водитель, как вождь и привел с исторических задворок в первый ряд мировых держав? Ну, коли не по душе, можно и не называть, от этого ничего не изменится: тридцать лет не превратятся в тридцать дней, а передовая позиция в мире — в исторические задворки. К слову сказать, Гитлер в карповских книгах всегда фюрер без кавычек.

* * *

О том, за что Карпова судили и посадили, он подробно рассказал во многих публикациях, в частности, в своем «Полководце».

1941 год. Карпов курсант-выпускник Ташкентского пехотного училища им. Ленина. И вот: «Меня арестовали незадолго до выпуска»(Советский писатель, 1985. С. 237). Как незадолго? Сразу путаница: то гово-

рит в феврале, то в апреле. По последним данным, видимо, с его же слов, «в конце апреля, менее чем за две недели до выпуска» (Русские писатели XX века. М. 2000. Стр. 330).

Дальше: «Однажды, готовясь к семинару, я читал брошюру о работе Ленина «Что делать?»... Я очень любил Ленина, и меня коробило от того, что о Ленине у нас вспоминали все реже... Я подчеркнул в брошюре имя Ленина — оно упоминалось 60 раз, а имя Сталина — 80 раз. И сказал соседу, такому же курсанту: «Черт знает что! Ну почему нужно Сталиным заслонять Ленина?

Я показал соседу свои подсчеты. Этого было достаточно. Меня арестовали. В 19 лет я стал «врагом народа» (с. 237). Вот вам и очередная жертва культа личности.

И тут приходится сказать, что, во-первых, разведчику должно быть известно: врать лучше в нечетном числе и уж никак не с нулями на конце, а тут — 60 и 80. Это сразу вызывают сомнение. Во-вторых, живой руководитель страны с его делами, поступками, речами, естественно, оказывается на первом плане и, если угодно, «заслоняет» того руководителя, который умер уже почти двадцать лет.

Но — Ленина «вспоминали все реже»? Это всем очевидная чепуха. Журналист Алексей Голенков и его соавтор Геннадий Супрунюк, ныне покойный, напомнили Карпову фильмы тех лет: «Чапаев» (1934), «Ленин в Октябре» (1937), «Человек с ружьем» (1938), «Ленин в восемнадцатом году» (1939), «Яков Свердлов» (1940)... Во всех этих фильмах, а они шли в кинотеатрах всей страны, так или иначе, но с неизменным почитанием воссоздавался образ Ленина. А было еще и немало таких же спектаклей. Чего стоил один «Человек с ружьем» во МХАТе! А литература о Ленине! А издание его собст-

венных книг! Уже вышло три полных собрания сочинений, и как раз в 1941 году появился первый том четвертого, а за ним последовало и пятое. И высший орден страны — имени Ленина. А сколько городов носили его имя, начиная со второй столицы державы. И неужели не знал Карпов, что уже заложен фундамент Дворца Советов, который должна была венчать гигантская фигура Ленина? Наконец, и сам же он был курсантом училища, которое носило имя не Сталина, а Ленина. Словом, перед нами совершенно несуразная выдумка, рассчитанная на невежественных олухов.

А еще упомянутые два журналиста резонно пишут: если Карпов в 1985 году уверял нас в своей ревнивой любви к Ленину, то что ж он молчал, когда через два-три года началось злобное поношение Ильича? Что ж он и сейчас не выступит в его защиту? Странно...

Во-третьих, Карпов хотя не указывает, какую брошюру он читал, кто автор, но дотошные журналисты разыскали брошюру А. Григоренко «О книге В.И. Ленина «Что делать?». Она относится как раз к тому времени. Вполне вероятно, что Карпов читал именно ее. Так вот, в ней имя почившего Ленина упомянуто 115 раз, а живого вождя народа Сталина — лишь 36, т.е. не больше на треть, как уверяет жертва культа личности, а меньше в три с лишним раза. Выходит, что никак не мог курсант Карпов сказать «нетактичные» слова о Сталине в связи с этой брошюрой. И похоже, что посадили Карпова совсем не за «нетактичность» или негалантность.

В-четвертых, от слов «этого было достаточно» для ареста уж очень разит враньем солженицынского пошиба, что сажали за любое неосторожное словцо, за пустячный донос. Так было далеко не всегда. Это доказывается фактами хотя бы из жизни самого Солженицына:

на следствии он представил своими единомышленниками школьных друзей К. Симоняна, Л. Ежерец, Л. Власова, любимую жену Н. Решетовскую, но их никого и не тронули. Мало того, когда он сидел в лагере по статьям 58-10 и 58-11 (антисоветская пропаганда и создание антисоветской организации), его жена прошла на службе непростую процедуру засекречивания. Уж там не могли не знать, где и за что пребывает ее супруг... Это делает еще более загадочным рассказ Карпова о причине его ареста. И тут нас ожидает увлекательнейший поворот.

* * *

В 1967 году, когда В. Карпов еще жил в Ташкенте и пока не был даже лауреатом Государственной премии Узбекской ССР, его пригласили в одну исправительно-трудовую колонию выступить перед заключенными. И вот что, между прочим, он сказал браткам: «Когда приходится выступать перед другой аудиторией, я об этом не рассказываю. Стыдно. Судим я два раза. Первый раз — за ограбление... Мне казалось, что только среди уголовников есть смелые отчаянные ребята, что вся их жизнь идет по особому и очень интересному пути... После возвращения из заключения я понял, что общение со старыми друзьями приведет меня снова в тюрьму. Чтобы навсегда избавиться от этих связей, я решил поступить в военное училище. В 1939 году сдал экзамены и стал курсантом Ташкентского военного училища им. В.И. Ленина» («К новой жизни» №1'68. С. 41—42).

Тихо!.. Тут требуются спокойное размышление. Кого или что ограбил? Когда посадили? Сколько дали? Где сидел? Обо всем этом — ни слова. Странно... В «Полководце» Карпов повторяет: «В 1939 году, после окончания

средней школы № 61, я поступил в Ташкентское военное училище» (с. 237). Ему было 17 лет. Спрашивается, когда же товарищу удалось посидеть за ограбление — еще будучи школьником? Но тогда, если даже сидел всего лишь годик, не смог бы закончить школу в 17 лет. К тому же, по тем временам с судимостью его не приняли бы в офицерское училище, тем более — имени Ленина. Да и объявленное здесь Карповым увлечение уголовной романтикой решительно противоречит уже известной нам его пламенной любви к Ленину, и к тому, что еще в девятом классе «мечтал стать курсантом» (с. 10), и даже его любви к литературе, к писанию стихов, которые уже печатались в газете «Фрунзенец».

Что же получается? А то, что для двух судимостей, двух сроков, двух отсидок вроде бы и места нет. А? Похоже, что был только один арест в 1941 году и скорее всего именно за ограбление. Так при чем же здесь Сталин? Грабитель, как и вор, должен сидеть в тюрьме. К выводу об одной судимости именно за ограбление подталкивает и тот факт, что из лагеря в конце 1942 года Карпов попал на фронт. С 58-й статьей туда не взяли, например, О. Волкова, Б. Ручьева, С. Воронина, А. Разгона и других известных нам литераторов...

* * *

Впрочем, не так уж и существенно, одна судимость у человека или две. Какое нам, поэтам, до этого дело! Гораздо важнее выяснить, чем же все-таки лично Сталин «крепко покалечил жизнь» Карпову.

Мы уже выяснили, что никакого отношения к аресту будущего писателя вождь народа не имел. Грабитель, повторяю, должен сидеть в тюрьме. А что дальше?

Дальше Карпов года полтора, до конца 1942 года, пробыл в лагере: валил лес, рыл котлованы для стратегических запасов нефти. Очень полезное для обороны родины дело. Но это, конечно, не у тещи на блинах. Однако, с другой стороны, ему же всего 19—20 лет, он чемпион Средней Азии по боксу. Почему ж и не поработать на благо родины при таких физических данных. А между тем, шли первые самые кровопролитные месяцы войны. Он пишет в «Полководце»: «Весь наш выпуск в мае 1941 года был направлен в западные приграничные округа. Из ста лейтенантов, выпускников моей роты, я встретил за тридцать шесть послевоенных лет всего пятерах, остальные погибли» (с. 113). Ну, если не встретил кого-то, это вовсе не обязательно, что он погиб, но бесспорно, однокашники Карпова встретили вражеское нашествие грудью и многие пали в первые же дни войны. А он до декабря 1942-го хотя и потел крепко, может, и недоедал, но был, как и упомянутые выше собратья, в полной безопасности. Так что, если уж считаешь, что посадил тебя лично Сталин, то надо благодарить его за это, а не хулить: шибко вероятно, что жизнь твою сберег лагерь. Тем паче, что училище-то было ведь не какое-нибудь, а пехотное...

На фронте Карпов пробыл тоже года полтора. Воевал храбро, был разведчиком 629-го стрелкового полка 134-й дивизии 39-й армии, участвовал во взятии десятков «языков», получил много наград, стал Героем Советского Союза. О его «языках» в упоминавшемся биографическом словаре «Русские писатели XX века» говорится: «лично привел 45 «языков», участвовал в захвате 79» (с. 330). Итого, за год с небольшим, видимо, 124 языка! Прекрасно! Однако не совсем понятно, зачем столько языков одному полку или дивизии, даже целой армии.

А Карпов же был не один, в других полках и дивизиях армии тоже имелись разведчики, они тоже не мух давили. Так сколько же их набирается, «языков»? А ведь за каждым — переход линии фронта, охота, смертельный риск, снова переход линии фронта с живым грузом обратно...

Кроме того, вот что интересно: у Карпова с его 124 «языками» аналогов нет. Он один такой! Не только за полтора года участия в войне, но и за всю Вторую мировую не было ни одного разведчика, диверсанта, показатели которого хоть отдаленно походили на карповские. Правда, знаменитый Отто Скорцени уже после войны организовал побег из заключения более 500 нацистов. Но разве можно сравнивать: заключенные же хотели бежать и сами всячески содействовали этому, а «языки» Карпова не только визжали, вопили, царапались, но часто были при оружии, могли пульнуть. Почему за 124 «языка» не дали три-четыре Звезды, не знаю. Уж не это ли тоже имеет в виду Герой, когда говорит о своей несчастной покалеченной жизни?

А летом 1944 года В. Карпов уже в Москве, смотрит, как 17 июля ведут через всю столицу 57 тысяч немецких пленных (19 генералов), попадает в кинохронику. Осенью становится слушателем Высшей разведывательной школы при Генштабе. И с этого начинается беспрерывное шестидесятилетнее восхождение: в званиях и должностях, в новых наградах и премиях, в изданиях и переизданиях книг баснословными тиражами... Кое о чем уже было упомянуто. А сколько одних премий! Госпремия Узбекской ССР (1970), Министерства обороны (1978), Госпремия СССР (1986), премии им. Фадеева, им. Симонова, им. Бунина и даже какая-то загадочная итальянская премия «Золотая астролябия»... Да еще

и высокие звания — доктор литературы Стратклайдовского университета (Англия), академик Международной Академии информатизации при ООН, почетный академик Академии военных наук России... Не обременительно ли? Признаюсь честно: кое-что мне здесь просто неведомо и непонятно, например, какое отношение имеет писатель к астролябии или к Академия информатизации... А ведь это еще не все. Он же и почетный гражданин Ташкента, «Заслуженный работник культуры Узбекистана», «Заслуженный деятель культуры Польской Республики»...

И вот при всем этом не может Карпов до сих пор забыть, что Сталин крепко покалечил ему жизнь. Твердит неустанно: «Я был уже и Героем Советского Союза, и полковником, и коммунистом, а все ходил с ярлыком «врага народа» (Правда-пять, 14.7.98). Да где ж страдалец носил позорный ярлык — под Золотой Звездой, что ли, или под полковничьими погонами? Где значилось, что он «враг народа» — в паспорте? в партбилете? в удостоверении депутата Верховного Совета? в дипломах лауреата?.. Если так, то до чего ж безгранична была советская демократия! В руководящую партию принимали «врагов народа», отмечали их высшими наградами, ставили на ответственные посты, даже брали на работу в Генштаб... Но как быть с утверждением все того же биографического справочника, что «20 февраля 1943 года решением Военного совета Калининского фронта судимость с красноармейца Карпова была снята» (с. 330)? Сня-та!..

Сам он рассказал об этом на встрече с братками так: «Вступая в партию в 1943 году, я все рассказал коммунистам. Они слушали спокойно. Один пожилой человек улыбнулся:

— Молодость. Не знал, куда силы деть, вот и бесился.

Именно так все и было. Хотелось острых ощущений, независимости, какой-то таинственности» («К новой жизни», №1'68, с.42). Не ясно ли, что речь идет о грабеже и о судимости за него? А о 58-й статье — ни слова.

* * *

Но вернемся к «Маршалу Жукову». Мы остановились на том, что «они обмыли награду», и при этом, по мысли Карпова, Сталин тайно злорадствовал по поводу будто бы оскорбительной «формулировочки» в Указе о награждении. А дальше идет взятый в кавычки, как цитата из воспоминаний маршала, текст о том, что Сталин поручает командовать Парадом Жукову. Обращает на себя внимание концовка этой «цитаты»: «Прощаясь, Сталин заметил, как мне показалось не без намека: «Советую принимать парад на белом коне, которого вам покажет Буденный» (т. 1, с. 81).

Какой намек? На что намек? Неизвестно. Эти слова Сталина должны бы сильно удивить Жукова: откуда Верховный знает о каком-то белом коне? Но — ни малейшего недоумения. Запомните сей пассажик. Он имеется и в «Генералиссимусе», но уже не как цитата, а как собственный текст автора (т. 2, с. 378).

По поводу сталинского поручения маршалу командовать Парадом автор в обеих книгах восклицает: «Какое благородство! Какая скромность! Какое уважение к Жукову. Если бы за кулисами не творилось иное. Парад намеревался принимать Сталин сам. Об этом стало известно позднее от Василия Сталина, который в кругу собутыльников разболтал тайну отца» (т. 1, с. 81; т. 2. с. 378).

Круг собутыльников — это, надо полагать, по меньшей мере, человек десять. Кто же были эти собутыльники? Назови хоть одного? Не может... А когда разболтал? Неизвестно... И каким образом от собутыльников «тайна» дошла до мультилауреата Карпова? Молчит... Да ты, сердцевед, за кого же нас держишь?

Дальше «рассказ Василия» в переложении автора: «А дело было так. Сталин понимал, что он не молод (в 65 лет это все понимают, кроме, как увидим, Карпова. — *Авт.*) и на коня не садился с времен Гражданской войны, да и тогда редко бывал в седле, больше руководил в салон-вагоне».

Такой, дескать, был салонный руководитель этот «вождь народа» Сталин, хочет внушить нам сочинитель. А еще, как уверяет, Верховный был ужасно сонлив. Смотрите, говорит, 30 апреля 1945 года Жуков звонил ему из Берлина. В ответ слышит:

«— Товарищ Сталин только что лег спать

— Прошу разбудить. Дело срочное».

Обратите внимание на похожесть ситуации, — бдит разведчик, — когда произошло нападение Германии, Сталин спал. И вот кончается война, и Жуков опять поднимает Верховного с постели» (Правда. 26.4.02).

Что из этого следует? Да не то ли, что он всю войну от начала до конца проспал? А Карпов за это время под храп Верховного поймал и привел 124 «языка».

Дальше следуют две страницы подробнейшего — словно сам все видел — издевательского текста о том, как ночью Сталин в сопровождении начальника своей охраны Власика и сына Василия явился в Манеж, где «горел полный свет» и, следовательно, кроме «коновода» был кто-то из работников Манежа, и пытался с налету освоить верховую езду. Но поскольку «фокус не удался» парад было поручено принимать Жукову.

Все это чушь зеленая. Такое мог сочинить только человек, люто ненавидящий Сталина и не имеющий ни малейшего представления о том, что это такое — Сталин. Когда я рассказал Александру Проханову про эту чушь, он заметил: «Мне легче представить в седле Надежду Константиновну». И был, пожалуй, прав.

Если все-таки на минуту согласиться с Карповым, что Сталин горел желанием прогарцевать по Красной площади, то должен же военный писатель соображать, что Красная площадь это не полевая тропинка, что грандиозный Парад с его великим многолюдством, громом музыки, обилием ярких плакатов — это не тихий ночной Манеж. В такой обстановке надо так умело владеть лошадью, как это может только профессиональный кавалерист, каковыми и были маршалы Жуков и Рокоссовский. А говорить о 65-летнем старике, загоревшемся желанием принимать парад в седле, может лишь сильно необыкновенный человек, каковым Владимир Васильевич Карпов и является.

Но вот ведь еще какой поразительный факт. Карпов пишет в «Маршале Жукове»: «на моем письменном столе оказался наконец-то первый вариант воспоминаний Жукова» (т. 1, с. 78). Каким образом? Почему? С какой стати? Странно... Но, видимо, это действительно было так.

И вот на соседней странице Карпов цитирует будто бы выброшенные из воспоминаний Жукова строки: «На другой день (после получения третьей Звезды) я поехал на Центральный аэродром посмотреть, как идет тренировка к параду. Там встретил Василия Сталина. Он отозвал меня в сторону и рассказал любопытную историю». И далее следует уже знакомая нам манежная байка.

Но, во-первых, известно, что Василий боготворил отца. Так неужели он стал бы выставлять его перед Жуковым комическим честолюбцем? Ведь не был же он на тренировке пьяным. Во-вторых, как же так: только что Карпов уверял, будто Василий с пьяна проболтался «в кругу собутыльников», а теперь, оказывается, трезвым языком — трезвому Жукову. Одно грандиозное открытие уничтожает другое. В-третьих, вообще крайне сомнительно, что Василий мог быть на ночных тренировках, ибо в эту пору он командовал авиационным корпусом в Германии и, надо думать, находился там. Наконец, в так называемом выброшенном тексте Жукова писатель приводит такое место из случайного ночного разговора на аэродроме:

«— А на какой лошади отец тренировался? — спросил я (Жуков) Василия.

— На белом арабском коне, на котором он рекомендовал вам принимать парад».

Это уж совсем убийственно: ведь Василий же не присутствовал при разговоре отца с Жуковым и не знал ни о какой рекомендации. Таким знанием мог наделить его только Карпов за своим письменным столом. Это еще один, но пока не последний гвоздь в гроб махровой лжи.

* * *

В помянутый день 1 марта 1997 года я спросил Карпова, откуда он взял эту манежную историю. Он ответил, что, пользуясь высоким положением члена ЦК и 1-го секретаря Правления Союза писателей СССР, имел доступ к бумагам умершего маршала и среди них обнаружил вот этот рассказ Василия. Сокращения текста

жуковских воспоминаний, конечно, могли быть, были, и очень вероятно, что при восстановлении в десятом издании (1990 г.) сокращенных мест Карпову, пользуясь своим высоким положением, удалось вставить эту самую манежную байку, которую сам и выдумал в отместку за покалеченную жизнь. Ведь без труда видно, как этот издевательский текст чужд всей книге воспоминаний Жукова, проникнутой глубоким уважением к Сталину.

А можно еще и прикинуть, сколько человек, по сведениям Карпова, знали манежную историю: Сталин, Жуков, Буденный, Власик, Василий, человек десять его собутыльников, несколько работников Манежа и, конечно же, знакомые, близкие многих из них. Наверняка это сотни людей. И пятьдесят лет все, кроме любящего сына, хранили молчание, история никак не распространилась, и вот только разведчик Карпов выведал, поймал и привел... Пригнись, читатель, брехня летит, задеть может!..

А теперь прошу всех сесть поудобнее, чтобы, не дай Бог, не упасть после того, как узнаете еще об одном открытии Карпова. Вот: «Обратите внимание на то (любит он обращать внимание читателя, как мы уже видели в строках о сонливости Верховного. — *Авт.*), что Сталин настойчиво рекомендовал Жукову именно того коня, с которого сам свалился. Он знал, что дисциплинированный Жуков не может пренебречь его рекомендацией, и, может быть, втайне надеялся, что с маршалом произойдет такой же, как с ним, казус, и Жуков всенародно опозорится. Но, как видим, такая мелкая, недостойная вождя, надежда не оправдалась» (Маршал Жуков. Т. 3. С. 83).

Вы поняли? Вождь державы, глава государства, Верховный главнокомандующий армии-победительницы мечтал, чтобы любимец народа, его прославленный за-

меститель грохнулся с лошади на брусчатку Красной площади и величайшее в истории родины торжество обернулось бы вселенским позором.

Плутарх говорил: «Ничтожные люди, возвысившиеся над другими, делают все вокруг ничтожным и недостойным»... Надеюсь, теперь уже и без Плутарха все видят, что Карпов изображал не Сталина, а выворачивал перед читателями свое собственное нутро.

Вспомните еще раз слова, будто бы сказанные Сталиным Жукову, которых не было в предыдущих девяти изданиях его воспоминаний, но вдруг появились в десятом: «Прощаясь, он заметил, как мне показалось, не без намека: « Советую принимать парад на белом коне, которого вам покажет Буденный». Именно этот текст и всю последующую манежную байку, судя по всему, Карпов и вставил.

Но во-первых, если была столь гнусная надежда, зачем делать какой-то таинственный намек, который наверняка должен бы насторожить предполагаемую жертву коварства. Наоборот, следовало как можно лучше скрыть подлую мечту. Во-вторых, этот «намек» ведь не имеет никакого отзвука или продолжения в жуковских воспоминаниях, он повисает в воздухе. В воспоминаниях хотя и появилась манежная байка, но нет и тени полоумной мечты о конфузе во время Парада. Этот «намек» в устах Сталина нужен только Карпову, дабы сущий вздор выглядел правдоподобно.

И не соображает, ну как придуманный им негодяй мог надеяться, что 48-летнего кавалериста-профессионала, до сих пор упражняющегося в верховой езде, постигнет такой же конфуз с конем, как и 65-летнего старика, впервые забравшегося в седло. Да неужто Сталин был дурее Карпова!

И после всей этой брехни Карпов еще изображает возмущение тем, что после XX съезда на Сталина «вылили море грязи и помоев, которые являлись не только мстительным домыслом когда-то им обиженных, но и результатом конъюнктурной подлости новых карьеристов и угодников власти» (Маршал Жуков. Т. 1. С. 84). Тут можно добавить только одно: как новых угодников, так и старых.

* * *

И вот сталинофобская туфта пошла гулять по свету. Немногие поняли ее вздорность и дали отпор. Одним из первых — покойный Владимир Успенский. В его «Советнике вождя» герой-повествователь говорит: «Иосиф Виссарионович тяги к седлу не имел. Я просто не представляю себе его на коне... И уж, конечно, он понимал, что овладевать искусством верховой езды в 65 лет — не самое подходящее время. Тем более, не для прогулок по тихим полям и рощам, где конь не будет пугаться и шарахаться, а для того, чтобы гарцевать на площади при громе оркестров, раскатах «Ура!», резких командах. Даже не всякому джигиту доступно управлять конем в такой обстановке».

Знаток вопроса, В. Успенский рассказывал: «У нас сложилась традиция: командующий парадом и принимающий парад выезжают к войскам на конях военного маскировочного окраса — на караковых, вороных или рыжих. Лишь в 1945 году, как исключение, для придания особой торжественности, решено было подобрать для принимающего Парад коня белой масти. Сделать это оказалось не легко... Лишь к середине июня нашли наконец в кавалерийском полку дивизии имени Дзер-

жинского рослого и статного Кумира арабско-кабардинского комплексана, не просто белого, а с серебристым отливом. Этот красавец подходил по всем статям и сразу понравился Жукову. В оставшиеся до Парада дни Георгий Константинович каждое утро ездил в Манеж «обкатывать» Кумира, познавая его особенности и приучая к себе. Сработались безупречно.

Со скакуном для маршала Рокоссовского особых хлопот не было. Буденный предложил одного из своих любимцев — вороного Полюса. Статен, умен, обучен. Рокоссовскому хватило нескольких тренировок» (т. 4, с. 394).

Но многие другие авторы, поверив байке, видимо, просто растерялись и не знали, что делать. Воспроизвести — для разумного литератора, желающего воссоздать правдивый образ Сталина, это невозможно. Видимо, этой растерянностью объясняется, например, тот факт, что Ю. Емельянов в своем увесистом двухтомнике «Сталин» (М., 2002), за который получил из рук Юрия Бондарева премию им. Шолохова, даже не упомянул о Параде Победы. А вот профессор А. Уткин в своем великом труде «Вторая мировая война» (М., 2002) все-таки ухитрился в тексте объемом в 54 авторских листах выкроить семь строк для Дня Победы и четыре строки для Парада (с. 841). Начало у него такое: «9 мая московское радио объявило о великой победе». Что значит московское радио? Будучи ненавистником Сталина, любезный историк даже в строках о победе просто не в силах преодолеть себя и сказать, что 9 мая 1945 года Сталин обратился по радио к народу, поздравил с Великой Победой, провозгласил вечную славу павшим в боях за Родину. Это выглядит особенно позорно рядом с угодливыми строками о том, что сказал (цитаты!) и сделал в День Победы Черчилль. Да еще и вспомнил

о выступлении Ллойд Джорджа (опять цитаты!) после окончания Первой мировой. В таком контексте это оказалось не чем иным, как низкопоклонством перед Западом. Впрочем, им пронизаны все 54 листа книги.

А Емельянову, промолчавшему о Параде Победы, право, куда как полезнее было бы промолчать кое о чем в рассказе о Тегеранской конференции. Там лауреат уверяет, что в апартаментах американской делегации «штат специалистов по прослушиванию разговоров» во главе с Серго Берия, сыном Лаврентия Павловича, установил скрытые микрофоны, и таким образом Сталин знал о всех разговорах Рузвельта и Черчилля наедине (с. 336—337). Откуда автор это взял? Оказывается, из воспоминаний этого самого Серго «Мой отец — Лаврентий Берия» (М., 1994). Да как этим воспоминаниям можно верить! Он с самого начала путается: то пишет, что в Генштабе, куда его вызвали, ему сказали: «Аппаратуру, которую получишь (подслушивающую), следует установить в одном месте» (с. 231), то заявляет, что когда явился в наше посольство в Тегеране, «аппаратура была уже подключена», и «мне предстояло заниматься расшифровкой магнитофонных записей» (там же). Да как же могли установить аппаратуру до приезда С. Берии, если он ее и привез? Кроме того, как можно было устанавливать аппаратуру до начала конференции, точнее, до того, как удалось из-за угрозы покушения уговорить Рузвельта переехать в наше посольство, — ведь он мог и не согласиться?

А уж если задача состояла в переводе живой речи, то как выглядит вопрос Берии-отца к сыну: «Кстати, как у тебя с английским?» Ничего себе «кстати»! Да это самое главное!

А кем этот Серго был в 1943 году? Девятнадцатилетним курсантом военной Академии связи. И вот будто бы именно этому юнцу Сталин лично поручил проделать хитроумную штукенцию и именно с ним каждый день часа полтора вел по поводу ее разговоры. Да еще при этом доверительно советовался с курсантом, хотел знать его высокое мнение о возможных шагах Рузвельта и Черчилля: «Как думаешь, как чувствуешь — пойдут на уступки? А на этом будут настаивать?» и т.п. (с. 235).

«Видимо, — пишет С.Берия, — о том, чем мы занимаемся в Тегеране, кроме Сталина, мало кто знал» (с. 235). Да вовсе не мало. Сам же пишет, что вместе с ним работала целая группа: «Я не знаю, кто из них был армейским офицером, кто служил в разведке или Наркомате иностранных дел (с. 234). И приводит слова Сталина о целом «ряде людей», технических специалистов, которых он будто бы отобрал лично — «которых знаю, которым верю» (там же). И никто из этого немалого «ряда людей» за шестьдесят лет не сказал ни слова о подслушивании, а написал один лишь беглый предатель Олег Гордиевский. Так предателю и вера?

Если уж оставить в стороне все этические соображения, то неужели можно поверить, что этим делом занимался сам Сталин, а не кто-то другой, допустим. Л. Берия? И неужели автор не понимает, чем могло обернуться раскрытие подслушивания на союзнических переговорах таких фигур, как американский президент и премьер-министр Великобритании? А ведь они, надо думать, приехали в Тегеран тоже со «штатом специалистов» самых разных профилей. Рузвельта сопровождали даже любимые им филиппинские повара, упомянутые в воспоминаниях Черчилля. А уж надо ли говорить о специалистах служб безопасности и разведки?

Прошло, говорю, шестьдесят лет, но до сих пор вылез с разоблачением один лишь Гордиевский да С. Берия. И вот шолоховский лауреат счел необходимым ввести все это «в научный оборот», как принято говорить. Подумал хотя бы о том, почему Берия не назвал ни единого сподвижника. А ведь говорит,что был целый «штат специалистов». И почему при нынешней вседозволенности никто из всего «штата» не поведал об этом?.. Ну, а теперь могут заговорить во всем мире. Какой это подарок русофобам и фальсификаторам истории Второй мировой войны. Право, просто поразительна бездумная легкость, с какой иные патриоты швыряют комья грязи в свою родную историю.

* * *

Но вернемся к манежному открытию. Как накинулись на этого жареного карпа ненавистники Сталина и, работая на них, — простачки да недотепы!

Правительственная «Российская газета» 24 июня 1995 года под рубрикой «Военная тайна» отметила 50-летие Парада Победы невежественной и злобной статьей «Почему Сталин не принимал Парад Победы?» какого-то недоумка Владислава Иванова.

Он не только, захлебываясь от радости, пересказывал уже известное нам вранье о кавалергарде Сталине, но добавил вранье собственного приготовления. Так, уверяет дубина, «плоды долгожданной победы диктатор не хотел делить ни с кем». Да почему же в таком случае звание маршала, ордена Суворова, Победы, Золотые Звезды Героев сперва получали Жуков и Василевский и лишь после них — Сталин и другие маршалы?

Назначение Жукова в ноябре 1944 года командующим 1-м Белорусским фронтом, которому предстояло разгромить огромную берлинскую группировку немцев и взять столицу Германии, и назначение Василевского в феврале 1945 года командующим 3-м Белорусским фронтом, которому предстояло разгромить мощную Прусскую группировку и взять Кенигсберг, — эти важнейшие, ответственнейшие и почетнейшие назначения Владик Иванов объявил чуть ли не ссылкой: «Оба маршала были устранены от стратегических решений». И не соображает, что вопреки желанию поет хвалу Сталину: выходит, он мог обходиться и принимать важнейшие решения без этих двух крупнейших знатоков войны. Но это, конечно, чушь: оба маршала, став командующими фронтами, оставались членами Ставки, а Жуков — и заместителем Верховного главнокомандующего.

Нет! — верещит Владик, — «в последние месяцы войны Сталин почти не вызывал в Ставку ни Жукова, ни Василевского». Это опять же, чтобы не делить с ними славу победы.

Вот прохвосты! Пишут о войне, даже не прочитав хотя бы воспоминания Жукова. Из них узнали бы о многих вызовах маршала в Ставку, и о работе там, и о разговорах с Верховным в ту пору. Так, в первых числах октября 1944 года Жуков позвонил из-под Варшавы Сталину, доложил обстановку и услышал:

«— Вылетайте завтра с Рокоссовским в Ставку для личных переговоров.

Во второй половине следующего дня мы с К.К. Рокоссовским были в Ставке» (с. 558).

В конце этого же месяца в Ставке, разумеется, с участием Жукова и начальника Генштаба Василевского «рассматривался вопрос о завершающих операциях войны» (с. 560).

В конце октября и начале ноября Жукову «пришлось по заданию Верховного Главнокомандующего основательно поработать над основными вопросами завершающей кампании войны, и прежде всего над планом операции на берлинском направлении» (с. 564). Разумеется, работал маршал в тесном содружестве с Генштабом.

1 или 2 ноября Верховный вызвал Жукова и заместителя начальника Генштаба Антонова для рассмотрения плана зимних операций (с. 565).

«После ноябрьских праздников мы вместе с Генштабом, — писал Жуков, — занялись разработкой плана наступления войск 1-го Белорусского фронта» (там же).

15 ноября Жуков был назначен командующим 1-м Белорусским фронтом. И вот 25 января ему звонит на фронт Верховный, выслушивает доклад, спрашивает о ближайших намерениях (с. 573).

31 января 1945 года Военный совет 1-го Белорусского послал Верховному донесение об обстановке (с. 579).

7 или 8 марта Сталин вызвал Жукова на дачу. Рассказал маршалу о Ялтинской конференции (с. 590).

На другой день — вызов в Ставку. Обсуждение Берлинской операции (с. 592).

1 апреля доклад в Ставке нового начальника Генштаба Антонова об общем плане Берлинской операции, затем — доклад Жукова о плане наступления 1-го Белорусского фронта (с. 599).

В середине апреля Жуков докладывает Сталину о ходе наступления 1-го Белорусского (с. 603).

Взаимодействие фронтов в ходе Берлинской операции постоянно координировалось Ставкой (с. 609). 16 апреля в 3 часа Жуков докладывает Сталину по телефону о наступлении 1-го Белорусского. Вечером — новый доклад по телефону (с. 614—615).

В ночь на 1 мая Жуков сообщает Сталину по телефону о самоубийстве Гитлера (с. 632—633).

7 мая Сталин звонит Жукову по поводу сепаратного принятия союзниками капитуляции немцев в Реймсе. Капитуляция Германии перед всеми союзниками будет принята 8 мая в Берлине! (с. 638).

Утром 9 мая акт безоговорочной капитуляции доставлен в Ставку и вручен Верховному главнокомандующему (с. 642).

Итак, мы видим, как и во время всей войны, в ее последние месяцы имели место постоянное общение, беседы, переговоры, многообразная связь Верховного главнокомандующего со своим заместителем и, конечно, с маршалом Василевским. И вот ничего не зная этого или сознательно прикидываясь олухом, какой-то Владик возводит на Сталина несуразную ложь да еще в правительственной газете. Но не в этом беда: мы взяли том воспоминаний Жукова и прихлопнули им лгуна. Беда, что в самом правительстве сидят такие же малоумные и бесстыдные владики. Чего стоит один Кудрин, который, проталкивая подлый закон об отмене льгот, недавно воскликнул: «Деньги решают все!» Чучело кремлевское! Решают все — кадры, т.е. живые люди.

* * *

Карповскую чушь, как сороки на хвосте, понесли по белу свету дальше Н. Зенькович (Маршалы и Генсеки. Смоленск. 1997. С. 109), А. Гординко (Маршал Жуков. Минск, 1998. С. 196—197), московская газетенка «Мир новостей» (25.12.2001), Е. Гусаров (Сталин в жизни. М., 2003. С. 519), конечно же, полоумный В. Резун (Очищение. М., 2003. С. 344), а еще и враг его В. Грызун (Как

В. Резун сочинял историю. М., 2003. С. 319-320) и, разумеется, высоколобый Л. Млечин (И. Сталин и его маршалы. М., 2004. С. 799)... Странно, что среди этих сподвижников Карпова на сей раз почему-то не оказалось Э. Радзинского с двухпудовым «Сталиным»(М. 1997).

В этом перечне стоит, пожалуй, кое-кого отметить. Так, Н. Зенькович негодует не только по поводу того, «почему Жуков, а не генералиссимус, выехал из ворот Кремля на белом коне для принятия Парада Победы». Он возмущен и тем, «почему Сталин не поехал в Берлин принимать капитуляцию, а поручил это Жукову» (с. 109). Во-первых, историку войны надо бы знать, что 24 июня 1945 года Сталин не был генералиссимусом. А во-вторых, прежде чем возмущаться, поинтересовался бы, явились ли в Берлин принимать капитуляцию американский президент и главнокомандующий Трумэн, сменивший умершего Рузвельта, и английский премьер и военный министр Черчилль? Это историку и в голову не приходит. Он никогда не слышал и не знает, что капитуляцию принимают военные у военных.

А Резун уверяет, что Сталин не принимал Парад Победы только потому, что мечтал и планировал захватить всю Европу, потом «удушить Америку химическим оружием», т.е. покорить весь мир, а удалось-де лишь дойти до Берлина (там же). Какая досада!

Перед нами факт рутинного резунского полоумия. Но можно заметить, что выдумка о готовности и желании Красной Армии идти дальше Берлина, дальше Германии встречается и у других авторов. Так, В. Успенский уверял, будто именно это чувство владело нами: «Эх, топать бы дальше до самого конца этой Европы... Такое настроение владело и солдатами и многими офицерами. Капитан Владлен Ан(чишкин?) прямо сказал мне: и

сам и его люди готовы идти вперед до упора, до Атлантики» (т. 4, с. 380). Самое печальное, автор приписывал это вздорную мысль и командующим фронтами, и самому Сталину, даже пишет, будто план «Вперед до Ла-Манша!» обсуждался в Ставке. При этом Сталину вкладывается в уста такая фраза: «Наши резервы велики, а у союзников их практически нет» (там же, с. 383). Да куда же делись их резервы, хотя бы три миллиона американских войск, если союзники понесли по сравнению с нашими ничтожные потери в Европе?

Когда встречаешь подобные открытия в истории Второй мировой войны, то хочется спросить автора: «На кого работаешь?» Великая Отечественная это была не игра в хоккей, где выиграть или проиграть можно в последнюю минуту. И 9 мая 1945 года мы праздновали не победу, она уже давно была у нас в кармане, — армия и народ праздновали окончание войны. И вдруг — до Ла-Манша! Да еще как лихо: «Впереди лето, до холодной зимы, остужающей боевой пыл, далеко-далеко. Только гуляй!» (там же, с. 380). Так что, «бросок до Ла-Манша» представлялся летней прогулочкой... Есть большая картина, не помню чьей кисти: мальчишка бежит по полю к работающим там колхозникам и радостно кричит «Победа!». Именно так названа картина. Увы, она ошибочна. Во всей стране, во всем мире клич был иной: «Война окончилась!»

А Млечин, уже известный нам эрудит, начинает главу «Парад Победы» цитатой из воспоминаний Хрущева: «После наших побед Сталин ходил буквально как петух, грудь колесом, смотрел на всех свысока. и нос его задирался высоко в небо. А когда приближалась война, он ходил как мокрая курица» (с. 794). Эта цитата не характеризует ни Сталина, ни даже упомянутых здесь пернатых, а только — петуха Хрущева и курицу Млечина. Их

обоих легко прихлопнуть известной цитатой из Черчилля: «Сталин произвел на нас глубочайшее впечатление. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, мудростью. Он был мастером находить в трудные моменты пути выхода из самого безнадежного положения. Кроме того, в самые критические моменты, а также в моменты торжества был одинаково сдержан и никогда не поддавался иллюзиям».

Прежде всего именно этому — не поддаваться иллюзиям и вздорным выдумкам — надо бы научиться нашим многочисленным сталиноведам.

* * *

В последнее время самый крупный вклад в русскую историю внес бесстрашный Николай Добрюха, о котором я уже упоминал. Это — его труд «Кто похоронен вместо Сталина?», обнародованный в «АиФ», а также фундаментальное исследование «Как убивали Сталина» в двух частях с эпилогом, напечатанное там же.

К сожалению, заголовок первого труда не выражает его сути: историка вовсе не интересует, кто именно похоронен, но он уверен, что у Кремлевской стены похоронен не Сталин. Сенсационное открытие Добрюхи объявлено «шапкой» на всю первую полосу еженедельника: «Сколько лет страной правил двойник?» И опять не совсем точно: Добрюхе не так важно знать, сколько лет, но и он и редакция уверены, что 16 лет страной правил не Иосиф Виссарионович Сталин, которого давным-давно отравили, а безымянные таинственные двойники.

Добрюха пишет, что, по имеющимся у него сведениям, «настоящий Сталин был отравлен еще 23 декаб-

ря 1937 года». Подумать только: тоже точную дату знает! А кто отравил? Скорей всего, Киров, да? В отместку за то, что Сталин друг-друг, но место Генсека ему не уступил, хотя очень просили и Рой Медведев, именующий себя историком, и сам пан Радзинский. А как дело было? Ну, это просто: 21 декабря Сталин отмечал день рождения, собрались друзья, вот Киров и сыпанул ему «дар Изоры» в стакан с киндзмараули. Полтора суток человек помучился и — готов.

Минутку! Но ведь Кирова уже не было в живых. Пустяк! Для такого случая встал из гроба. Чем черт не шутит. А куда тело отравленного дели? Военная тайна. Что ж, все очень правдоподобно!

А что дальше? Как что! Заранее был заготовлен новый Сталин, фальшивый, но такой же талантливый и с тем же цветом глаз. Он и стал править. Да кто же это проделал? Берия, что ли? Но он тогда еще в Грузии был. Значит, Ежов? Пока точно неизвестно…

А двойник, еще не успев освоиться со своим новым положением, тут же написал сердитое письмо в Детгиз:

«Я решительно против издания «Рассказов о детстве Сталина». Книжка изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, «добросовестные» брехуны), подхалимы <…> Советую сжечь книжку».

Интересно, кто написал эту книжку. Не удивлюсь, если со временем выяснится, что папа Радзинского — Станислав Адольфович, которого в том году как раз приняли в Союз писателей.

А двойник написал в Детгиз, конечно же, чтобы убедить кое-кого в своей подлинности.

И долго этот тайный двойник правил? Оказывается, почти десять лет — до 26 марта 1947 года (опять точная дата!). Значит, неизвестно кто и готовил страну к войне, и во время войны стал Верховным главнокомандующим, и привел Красную Армию в Берлин, и звание генералиссимуса получил, и два ордена «Победа»… Да, да, да, неизвестно, говорит Добрюха.

А что случилось в роковой день 26 марта 1947 года? Двойника тоже, говорит, отравили. Вот те на! Зачем? Военная тайна. А что дальше? Как что! Заранее был заготовлен второй двойник, такой же талантливый и с тем же грузинским акцентом. Вот он-то и умер 5 марта 1953 года.

Впрочем, нет, умер не 5-го, а еще 1 марта. Откуда взял? Да как же, говорит, сопоставьте свидетельства врачей с тем, что говорил Петр Лозгачев, помощник коменданта дачи Сталина, который 1 марта первым вошел в кабинет вождя. Он утверждал, что тот лежал у стола на ковре «в одной нижней солдатской рубашке». Запомнили? Сразу видно, что липа: с какой стати генералиссимус будет носить солдатскую рубашку! «А теперь из журнала врачей узнаем, как было в действительности: «Больной лежал на диване в бессознательном состоянии в костюме»».

Не на полу, а на диване, не в нижней рубашке, а в костюме. Понятно? А ведь «Лозгачев нигде (!) не говорит, что Сталина к приезду врачей одели». Раз не говорит, значит, «его сразу нашли мертвым, а потом полураздетого заменили «срочно заболевшим» одетым в костюм двойником», точнее, второго двойника, воцарившегося в 1947 году, заменили уже третьим. Его, выходит, и заставили срочно умереть к 5 марта, по плану. Прекрасно!

Но почему же аналитик в одном случае не верит Лозгачеву, когда он говорит о конкретных фактах, называет их, а в другом — делает нужный ему вывод из того, о чем Лозгачев не говорит? Странно. К тому же ведь Лозгачев нигде не говорит и о многом другом, например, не упоминает о руках и ногах Сталина Третьего, в каком они положении. Неужели это значит, что ни рук, ни ног тоже не было?

* * *

Тут вдогонку за Добрюхой кинулись…Кто бы вы думали? «Правдисты»! Они догнали его и перегнали. На первой полосе напечатали вот что: в феврале 1953 года, «оставшись в полном одиночестве, Сталин решается на отчаянный шаг: на 1 марта приглашает своих боевых маршалов: Василевского, Конева, Тимошенко». Тут возникают вопросы. Во-первых, одиночество-то, выходит, вовсе не было «полным»? Во-вторых, И.С. Конев в это время командовал Прикарпатским военным округом, а Тимошенко — Белорусским, и, надо думать, первый находился во Львове, второй — в Минске. Если Сталин пригласил их, то почему не пригласил, скажем, высоко ценимого им Рокоссовского, который пребывал тогда в Варшаве? Ведь дело-то замышлялось какое-то «отчаянное».

Дальше: «Если бы это совещание с военными состоялось, дальнейшая история сложилась бы иначе». Что, Сталин замышлял некий переворот? Интересно!

Однако, увы, его опередили: «Совещание не состоялось. Уже в ночь на 28 февраля все телефоны Сталина были отключены». Ну, точно, как Лужков отключил Хасбулатова в сентябре 93-го.

«Ночь на 1 марта Сталин провел в Кремле, а не на даче. С утра собралась группа членов Президиума ЦК. На председательском месте сидел Маленков, по обе стороны от него — Берия и Микоян».

То есть Маленков самочинно занял место Сталин, а тот смирно сел в сторонке? Да почему же он, как Хасбулатов, сразу не возмутился, не воскликнул: «Вы это что ж, ребятки, вытворяете? Кто у меня телефоны отключил? Как посмели?»

Дальше картина страшнее, чем последний день Помпеи: «Выступавших было двое: Каганович и Микоян. Первый требовал отмены предстоявших в марте процессов над сионистами, второй — отставки Сталина со всех постов». Подумать только — со всех! И, судя по всему, — без выходного пособия. И это тот самый Микоян, что на XVII съезде назвал имя Сталина, великого и гениального, больше всех выступавших — 41 раз, тот самый единственный оставшийся в живых 27-й бакинский комиссар, тот самый, что после этого — «от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича»?

Дальше еще ужасней: «Вблизи не оказалось ни одного из преданных людей. Все было рассчитано точно — вождь оказался в капкане. Сосуды мозга не выдержали. Он внезапно почернел, стал рвать ворот мундира и повалился на пол. Злодейство совершено — заговор удался...» Неужели при этом Сталин не бросил в лицо Маленкову: «И ты, Брут?!»

Финал: «Роковую весть советские люди узнали утром 6 марта. Однако наши ненавистники за рубежом ликовали уже пятые сутки. Радиостанция «Свобода» (Савик Шустер?) начала 1 марта свои передачи с сообщения о смерти Сталина. В тот же день весть подхватили «Голос Америки», «Голос Израиля», «Голос Швеции»

и Би-Би-Си». Да, «правдисты» обогнали Добрюху: у них Сталин умер не 1 марта на даче, а еще 28 февраля прямо на заседании Президиума ЦК.

Давненько я не встречал ничего подобного в печатном виде… К этой вавилонской башне ума и эрудиции даже страшно пальчиком прикоснуться.

Чем объяснить такую публикацию в «Правде», где, казалось бы, все знают о Сталине лучше, чем в остальных газетах страны, вместе взятых? Ума не приложу!

Удивительно и то, почему ни Добрюха, ни «Правда», публикуя свои гомерические открытия, не разоблачили при этом, даже не упомянули тех, кто изображает себя очевидцами смерти Сталина 5 марта на ближней даче в Волынском. Ведь это множество людей — от родной дочери Светланы до Хрущева и других членов Политбюро, от знаменитых светил медицины до безвестных уборщиц и поваров, которые, кстати, устроили настоящий бунт, требуя от Маленкова, Берии, Хрущева скорейшего вызова врачей к больному, с чем те преступно тянули чуть не целые сутки.

Вот как об этих людях писала Светлана Аллилуева: «Пришли проститься прислуга, охрана. Вот где было истинное чувство, искренняя печаль. Повара, шоферы, дежурные диспетчеры из охраны, подавальщицы, садоводы — все они тихо входили, подходили к постели, и все плакали. Утирали слезы, как дети, руками, рукавами, платками. Многие плакали навзрыд, и сестра давала им валерьянку, сама плача… Здесь все было неподдельно и искренне, и никто ни перед кем не демонстрировал ни своей скорби, ни своей верности. Все знали друг друга много лет. Все знали и меня, и то, что я была плохой дочерью, и то, что отец мой был плохим отцом, и то, что отец все-таки любил меня, и я любила его. Ни-

кто здесь не считал его ни Богом. ни сверхчеловеком, ни гением, ни злодеем, — его уважали и любили за самые обыкновенные человеческие качества, о которых прислуга судит всегда безошибочно… Пришла проститься Валентина Васильевна Истомина — Валечка, как ее все звали, — экономка, работавшая у отца на этой даче лет восемнадцать. Она грохнулась на колени возле дивана, упала головой на грудь покойнику и заплакала в голос, как в деревне. Долго она не могла остановиться, и никто не мешал ей…

Было часов пять утра 6 марта. Я пошла на кухню. В коридоре послышались громкие рыдания — это медицинская сестра, проявлявшая здесь же, в ванной комнате, кардиограмму отца, громко плакала, — она так плакала, как будто погибла сразу вся ее семья… «Вот заперлась и плачет уже давно», — сказали мне…

Люди, служившие у отца, любили его. Он не был капризен в быту, — наоборот, он был непритязателен, прост и приветлив с прислугой, а если и распекал, то только «начальников» — генералов из охраны. Прислуга же не могла пожаловаться ни на самодурство, ни на жестокость, — наоборот, часто просили у него помочь в чем-либо и никогда не получали отказа. А Валечка — как и все они — за последние годы знала о нем куда больше, чем я, жившая далеко и отчужденно. И как вся прислуга, до последних дней своих она будет убеждена, что не было на свете человека лучше, чем мой отец. И не переубедить их всех никогда и ничем».

Именно Валечка обмыла Сталина перед положением в гроб…

В «Правде» никто не читал этого. Видимо, только этим и можно объяснить их публикацию?

* * *

Но вернемся к добру молодцу Добрюхе. Он пишет: «9 марта 1953 года соратники могли похоронить совершенно другого человека вместо Сталина». Конечно, при желании можно похоронить кого угодно, — хотя бы и Добрюху, даже и Правдюху. Да и не присутствуем ли мы при похоронах тов. Зятькова, главного редактора «АиФ»?

Но, позволь, историк, как так — «вместо Сталина»? По твоим же словам, его отравили 23 декабря 1937 года, заменили двойником, и того отравили, заменили вторым двойником, на смертном одре второго заменили третьим. Выходит, в 1953 году этого третьего и похоронили, а вовсе не Иосифа Виссарионовича. Но историк свое: «Куда дели мертвого, Сталина неизвестно». Да не Сталина же это, а второго двойника! «Не исключено, что вначале спрятали на даче в холодильную камеру. Потом тайно захоронили или замуровали в подвале». Какие ужасти! Вот бы его самого — в камеру или замуровать живьем в подвале дачи пана Радзинского…

«На патолого-анатомическую экспертизу доставили не Сталина — это сомнений не вызывает». Конечно, если тело умершего уже в холодильнике или замуровано, то доставили и не Сталина, и не второго двойника, а третьего. А где же его взяли? Как где! Заранее был припасен, как дрова на зиму. Тут уж и акцент не требовался. Быстренько его укокошили и — на вскрытие.

Тут начинается самое увлекательное представление резвого ума радзинского закваса. Добрюха сличает данные медицинских осмотров Сталина в 1925-м, 1926-м, 1929-м годах и даже «при аресте в 1904 году» с данными

освидетельствования и вскрытия его тела после смерти, обнаруживает ряд расхождений и восклицает: «Эврика! Это не Сталин!»

Конечно, Архимед, это твой третий двойник. Но даже если был бы и Сталин, то и тогда сопоставление данных ничего не дает, ибо ведь там был человек 45-50 и даже 25 лет, а здесь — 73-х. Увы, с возрастом во внешности человека кое-что меняется. Добрюха и этого не знал.

Он восхищен дотошностью патологоанатомов, производивших вскрытие: «На коже тыльных поверхностей кистей рук рассеяны многочисленные пигментные пятна величиной от булавочной головки до 0,6 × 0,5 см». И он ликует: а в 1904 году этих пятен не было! Значит, «вскрываемое тело Сталину не принадлежало!!!».

Сколько вам лет, любезный Добрюха, — 25? Подождите лет сорок, и у вас такие пятна появятся. У Правдюхи, которому под семьдесят, поди, уже есть. А что касается 1904 года, историк, то тогда Сталин вовсе не был арестован, наоборот, 5 января этого года он обрел свободу — бежал из села Новая Уда, что в Иркутской губернии, куда был сослан на три года. Представить страшно: в сибирские морозы через всю страну без паспорта… Как пели тогда,

Шел я и в ночь, и средь белого дня,
Близ городов я поглядывал зорко;
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой…

Вы, Добрюха, знаете, где Сибирь? А что такое махорка?

Между прочим, в редакционной врезке к великой публикации сказано: «Не так давно был рассекречен журнал 10 врачей о последних днях Сталина». И вот, мол, проанализировав сей рассекреченный документик, историк-новатор «совершает переворот во всех представлениях о том, что случилось со 2 по 6 марта 1953 года». Нет ничего увлекательней и гонораристей, чем делать такие перевороты. И потом, что за рассекречивание, когда все важнейшие медицинские документы, связанные с болезнью и смертью И.В. Сталина, давно опубликованы и введены в литературный обиход с датами и именами врачей: это Третьяков, Лукомский, Тареев, Коновалов, Мясников, Филимонов, Глазунов,Ткачев, Иванов (См. хотя бы: *Е. Гусляров.* Сталин в жизни. М, 2003. С. 627). Известны и те, кто 6 марта произвел вскрытие, кто присутствовал при этом: профессора Струков, Лукомский, Мясников, Аничков, Мордашев, Скворцов, Мигунов, Русаков (там же, с. 630). Так что ото всей этой новаторской сенсации сильно шибает липой. Хотя кого-то из многомиллионных читателей «АиФ» она, возможно, и проймет аж до печенок, до брюха.

* * *

Но минуло несколько месяцев, и накануне Нового года бесстрашный Дорюха с благословения тов. Зятькова предпринял новую сокрушительную мозговую атаку против многомиллионных читателей еженедельника. Тут он ведет речь так, словно ни о каких двойниках раньше и не упоминал. Теперь доказывает, что на даче отравили подлинного Сталина, но не 5-го, а 1 марта.

Как и прежде, Добрюха ссылается на свои новейшие изыскания в «бывшем кремлевском архиве» и в ар-

хиве «Старой площади». Прекрасно, но очень опасно! Ведь таких архивов не существовало. Это знает даже Радзинский. Поэтому он никогда не называет архивы, а говорит о своей каторжной работе в неведомых архивах отвлеченно. И притом, ликующе улыбаясь, травит баланду примерно так: «Я всегда подозревал, даже был уверен, что такой документ есть. Я перерыл горы архивных бумаг. И представьте мою радость, когда после семи лет бессонного труда я наконец его нашел. Вот он — журнал посетителей кабинета Сталина в Кремле!» А журнал этот давным-давно опубликован в «Известиях ЦК КПСС». И так — всегда и всюду. Вот и Добрюха преподносит нам, например, «секретные записи врачей» у смертного одра Сталина, а в них с самого начала не было ничего секретного, и они опубликованы хотя бы в книге В. Болдина «Красный закат».

Такие «архивы», такие «секреты» давно осточертели, но на сей раз есть у исследователя и нечто неожиданное — «новые данные, полученные от последнего оставшегося в живых человека из окружения Сталина».

Что же это за «последний человек»? Знакомьтесь: Г.Н. Коломенцев, пенсионер восьмидесяти с гаком лет. Кем он был в «окружении Сталина»? Оказывается, «начальником кухни». И в этом качестве он сообщает нам множество важнейших исторических сведений: Сталин любил простые щи, пельмени, печеную картошку в мундире, летом пил сухое белое вино, зимой — красное, а коньяка «позволял себе лишь две маленькие рюмочки». Прекрасно!

А что «начальник кухни» говорит о смерти Сталина? Он при этом сам не присутствовал, ему рассказывал о ней, подтверждая сенсационную новость о 1 марта, Иван Михайлович Орлов, комендант дачи Сталина в

Волынском, где тот умер. На даче и рассказывал. Замечательно! Авторитетнейший источник. А когда рассказывал? «Примерно через месяц после похорон Сталина».

И тут опять выплывают вопросы. Ведь сам же Коломенцев говорит, что «когда Сталин умер, Берия всю «обслугу» разогнал. Всю!» И притом — «срочно». Как же могла состояться беседа с одним из членов целиком разогнанной «обслуги» спустя месяц да еще на даче? Непонятно…

Но еще важнее тот факт, что ведь сам-то Орлов в те скорбные дни на даче не был, а был его заместитель — упоминавшийся Петр Лозгачев.

Значит, то, что рассказывает сейчас Добрюха, мы получаем уже из третьих или даже из четвертых рук. Разумеется, степень достоверности тут весьма невелика. Тем более, что ее сокрушают и другие обстоятельства.

Так, с одной стороны, Дюбрюха заявляет, что «неожиданная смерть Сталина была шоком» для всего окружения, в том числе, — для Берия и Маленкова. С другой, именно их он изображает коварными отравителями. С этой целью Добрюха приводит письма из заключения начальника некой ядовитой лаборатории Майрановского, который-де умолял Берию пощадить его за то, что яд оказался слаб. Но как же так слаб, если он сработал, цель достигнута — Сталин отравлен. За что же просить пощады?

Какой шок? Удачное исполнение замысла. За что же Берия посадил Майрановского? Должен был орден дать!

Да и сам факт смерти дается то так, то эдак, выбирай, что хочешь. Вначале говорится, что когда вечером 1 марта какие-то неназванные лица из Главного управления охраны явились и «вскрыли дверь», то увидели,

что «Сталин лежит на полу уже мертвый…». В другом месте: «Яд действовал почти моментально. Сталин сразу упал. Тут его и увидела дачная обслуга, взломав двери в покои вождя».

И опять вопросы. Во-первых, кто же «взломал двери» — люди их ГУО или работники дачи? А никто. Вот что писал П. Лозгачев: «В 22.30 пришла почта. Тут я использовал момент. Забрал почту и решительным твердым шагом направился к Сталину. Прошел одну комнату, заглянул в ванную, осмотрел большой зал, но Сталина ни там, ни тут не было. Уже вышел из большого зала в коридор и обратил внимание на открытую дверь в малую столовую, из которой просвечивалась полоска электроосвещения. Заглянул туда и увидел перед собой трагическую картину. Сталин лежал на ковре около стула… Я оцепенел…»

Как видим, никакую дверь вскрывать не пришлось. Значит, либо у охраны были ключи, либо двери вообще не запирались. К тому же из воспоминаний охранников вовсе не «выходит, что Сталин отравился сразу». Совсем наоборот: «Я быстро по домофону вызвал Старостина, Тукова и Бутузову, дежуривших в эту ночь. Они прибежали и спросили: «Товарищ Сталин, вас положить на кушетку?» Как показалось, он кивнул головой. Положили, но она мала. Все четверо понесли товарища Сталина в большой зал. Видно было, что он уже озяб в одной нижней солдатской рубашке. Видимо, он лежал в полубессознательном состоянии с 19 часов, постепенно теряя сознание. Сталина положили на диван и укрыли пледом».

Но тут выплывает еще одна коряга расследования. Теперь оказывается, Сталин вопреки яду оставался жив. «Среди документов, — пишет бесподобный Добрюха,—

один показался мне особенно загадочным. Он касается укола адреналином, который сделала сестра Моисеева. После него Сталин тут же скончался. Именно это дало повод для слухов, что Сталина на тот свет оправила специальным уколом специально подготовленная Берией женщина еврейского происхождения».

Ну, во-первых, что за специальная подготовка требуется, чтобы сделать укол? Моя жена, не имея никакого медицинского образования, делает уколы всему поселку, где мы живем, и даже собакам. Если попросит Радзинский, живущий тут же, и ему сделает хоть адреналином, хоть гуталином.

Но главное тут в фамилии медсестры Моисеевой. Это уж до дна вскрывает всю умственную пропасть таких мыслителей, как Добрюха, и таких редакторов, как Зятьков. Они твердо убеждены, что если Моисеева, значит, непременно еврейка. Как же-с, они слышали о еврейском пророке Моисее!.. И потому считают евреями известного революционера Петра Моисеенко, знаменитого балетмейстера Игоря Моисеева, народную артистку СССР Ольгу Моисееву, бывшего начальника Генерального штаба Михаила Моисеева. Зачислили они в евреи и всех Абрамовых. Да что там! Даже Шостаковича — туда же. А вот Радзинский у них великий русский патриот, поскольку доказывает, что «нельзя запрещать гнусные шоу» («АиФ» №35'050). Это-де в интересах нравственного здоровья великого русского народа. Потому и не сходит он со страниц «АиФ» как основатель великой исторической школы эпохи путинской демократии.

Это все было в первой части великого труда, а за ней тотчас последовала и вторая. И тут опять: «Обнаруженные мною документы бесспорно свидетельствуют…» Да где они обнаружены-то? «Я показал специа-

листам анализы крови…» Что за специалисты? Как их имена? «Я спросил специалистов… И мне ответили…» Кто ответил? Уж ныне-то какая может быть тайна о делах полувековой давности при антисталинском режиме? «Все анализы выписывались на имя начальника выездной охраны Хрусталева». Так, скорее всего, Добрюхе и попали в руки не анализы крови Сталина, а анализы мочи этого Хрусталева.

«Берия на майском параде прямо сказал Молотову, что это он отравил Сталина…» Ну, это вы расскажите Правдюхе. А Берия дураком не был. И опять: «Я обратился к одному из крупнейший специалистов в области ядов… На условиях анонимности он сказал…» Кто он? Какая анонимность? Чего ныне может опасаться человек, если поможет доказать, что Берия отравил Сталина? «Историю болезни Сталина профессор Луковский переписывал четыре раза». Зачем? И таким вопросам нет конца…

А эпилог великого труда таков:

«Комментарий экс-главы КГБ СССР В.А. Крючкова:

— Сильный материал… Очень сильный материал… Убедительный материал… Документы настолько значительны, что теперь от них уже никто не сможет отвернуться…»

Кто — «никто»? Кому не отвертеться — Берия? Маленкову? Майрановскому? Моисеевой? Лукомскому? Да ведь никого уже нет в живых...

Я не ленивый. Я позвонил Крючкову и спросил, действительно ли он так оценивает эту Добрюхиаду. Владимир Александрович ответил, что судить о материале, давать ему оценку он может только после того, как прочитает, а пока он его не читал.

Потом я звонил А.Ф. Сергееву и В.Ф. Аллилуеву. Рассказал им о трех двойниках Сталина, жестоко убитых беспощадным Добрюхой. Оба они долго и неутешно хохотали.

* * *

Как бы еще уколупнуть Сталина, думает и лауреат премии им. Константина Симонова Б. Васильев. Со скрежетом зубовным говорит он о нем: «Его роль во время Гражданской войны была ничтожна по сравнению с истинными героями...» Конечно, Борис Львович, все относительно, ведь можно сказать и так: «Роль Васильева в русской литературе была и есть ничтожна по сравнению с истинными писателями — Горьким, Шолоховым, Леоновым, Булгаковым...» А? Но все же в годы Гражданской войны Сталин был членом Реввоенсовета Республики и Совета обороны страны и его почему-то постоянно бросали с одного фронта на другой: Царицын, Пермь (Восточный фронт), Петроград (против угрозы Юденича), Западный фронт, Южный, Юго-Западный... А ведь это совсем не то, что быть, как вы, членом Союза писателей, Союза кинематографистов, членом редсовета журнала «Читающая Россия».

И на военных должностях Сталину удавалось немало сделать. Чего стоят хотя бы организованные им оборона Царицына или взятие фортов Красная Горка и Серая Лошадь на подступах к Петрограду. Мне кажется, что в 1919 году Иосиф Виссарионович с гораздо большим основанием получил орден Красного Знамени, чем, скажем, вы, Борис Львович, в 1984 году по случаю шестидесятилетия — орден Трудового Красного Знамени. По юбилеям-то у нас всем давали и дают.

Но вот вы уже вплотную приступаете к теме Великой Отечественной, ее важнейших причин. Одну из них вы усматриваете в договоре 1939 года. Немцы, мол, «правильно взвесили азиатскую страсть Сталина к приобретению территорий» и умело использовали ее: «выманили нас на предполье обороны... Сталин выдвинул на это предполье более чем двухмиллионную армию и ждал дальнейших указаний германского командования».

Борис Львович, голубчик, что же с вами делать-то? По чьему указанию страсть приобретения чужих земель вы называете азиатской? Вон же хотя бы милейшие англичане когда-то во всех концах мира наприобретали земель раз в пятьдесят больше, чем сама Англия. А прекрасная Франция, а Испания и Португалия, Голландия и Бельгия, а США? Сколько они всюду нахапали, а ведь вовсе не азиаты. Не слышали? Нет, вам только бы колупнуть родную страну, до остального дела нет. Интересно, а существует ли, допустим, еврейская страсть приобретательства и писательства?

Что же до Сталина, то он, в отличие от вышеназванных, не хапал чужое, у него была другая и притом благородная страсть — он лишь возвращал то, что спокон веку принадлежало России. Соображаете, какая разница? Да еще и не все вернул: получили независимость и Польша, и Финляндия. И потом, разве православная Грузия это Азия, грузины — азиаты? Спросите Саакашвили.

Дальше о причинах у вас так: «Германское командование, проанализировав ход Финской войны, пришло к заключению, что Россия — колос на глиняных ногах. И это явилось одной из решающих причин нападения Германии на СССР». Ну да, ну да... Однако вот что 8 марта 1940 года, за четыре дня до окончания Финской войны, писал о ней известный представитель герман-

ского командования Гитлер известному представителю итальянского командования Муссолини: «Принимая во внимание возможности маневра (они были весьма невелики. — *Авт.*) и снабжения (они были чрезвычайно трудными. — *Авт.*), никакая сила в мире не смогла бы достичь таких результатов при морозе 30—40 градусов, каких достигли русские уже в самом начале войны» (Время №24'00). Право, в иных случаях Гитлер был не глупее некоторых членов ПЕН-центра.

Но вернемся к позорной страсти приобретательства. Сталин поддался ей позже, а перед войной, говорите, сидел он на пеньке, курил свою трубку и ждал дальнейших указаний Гитлера. При этом время от времени его охватывали «судороги собственного разоружения». Этого я даже у Резуна не читал и от Новодворской не слышал. Вы их превзошли, вам — пальму первенства!

Эти судороги вы, маэстро, изображаете, в частности, так: «танковые корпуса разогнали». Что ж, так и вступили в войну без танковых частей и соединений?

Но вот что, представьте, писал об этом один человек, знавший и Сталина, и всю предвоенную обстановку несколько лучше, чем вы с милашкой Новодворской: «В 1940 году начинается формирование новых мехкорпусов, танковых и моторизованных дивизий. Было создано 9 мехкорпусов. В феврале 1941 года Генштаб разработал еще более широкий план создания бронетанковых и моторизованных войск».

Но вы все свое: «Десантные войска, которые начал любовно формировать Тухачевский, были ликвидированы». Значит, и без них мы воевали? Такое впечатление, право, что это вас любовно сформировал Тухачевский, ставленник Троцкого. Так вот, запишите. За время войны было высажено более 100 морских десан-

тов. Наиболее крупные — Керченско-Феодосийская десантная операция 1941-42 года, Керченско-Эльтигенская 1943 года, моряки-десантники участвовали в освобождении Новороссийска в 1943 году, Моонзундских островов в 1944-м, Южного Сахалина и Курильских островов в 1945-м. А воздушных десантов было выброшено в тыл врага свыше 50. Наиболее крупные — Вяземская воздушно-десантная операция 1942 года, Днепровская 1943-го... Существовало централизованное командование ВДВ. Его возглавил генерал-майор Глазунов В.А., впоследствии генерал-лейтенант и дважды Герой Советского Союза. К нынешнему Глазунову, великому финофилу, которого недавно так ярко осветил Станислав Куняев, Василий Афанасьевич, разумеется, никакого отношения не имеет.

И еще запишите, маэстро: все воздушно-десантные войска были гвардейскими. Все! А 196 десантников стали Героями Советского Союза. Ей-ей, даже загадочно, почему вы так много пишете о войне, но ничего этого не знаете. Вы чем на войне-то занимались? В какую сторону стреляли? Не носили ли на груди портрет Тухачевского, как Солженицын — Троцкого?

* * *

Читаем дальше о судорогах разоружения. Не дождавшись указаний Гитлера, «И.В. Сталин сам вел большую работу с оборонными предприятиями, хорошо знал десятки директоров заводов, парторгов, главных инженеров, часто встречался с ними, добивался с присущей ему настойчивостью выполнения намеченных планов». Встречался, как надо теперь понимать, у пенька, на опушке леса.

И вот очередной приступ судороги: «В 1939—1941 годах было сформировано 125 новых дивизий... Накануне войны Красная Армия получила дополнительно около 800 тысяч человек... 13 мая Генеральный штаб дал директиву выдвигать войска на запад из внутренних округов... Всего в мае перебрасывалось ближе к западной границе 28 стрелковых дивизий и 4 армейских управления».

Этот едва ли известный вам человек приводит еще и внушительные данные по вооружению, военной технике, но все, кто интересуется, знают эти данные, повторять их утомительно. А итог таков: «Дело обороны страны в своих основных, главных чертах велось правильно. На протяжении многих лет в экономическом и социальном отношении делалось все или почти все, что было возможно. Что же касается периода с 1939 до середины 1941 года, то в это время народом и партией были приложены особые усилия для укрепления обороны, потребовавшие всех сил и средств». А Сталин все сидел на пеньке и читал повесть Васильева «А зори здесь тихие»- о том, как несколько милых девушек, русских и евреек, впервые взявших в руки оружие, лихо напевая «Любо, братцы, любо!..», наколошматили гору отборных немецких егерей. У Иосифа Виссарионовича опять случилась судорога...

Кто же автор приведенных цитат? Маршал Жуков Георгий Константинович, во время войны — заместитель Верховного главнокомандующего. Слышали о нем?

Но вернемся к причинам войны. После шестидесяти лет размышлений, к восьмидесятому году своей жизни вы пришли к выводу, что причин было две: Финская война и договор с Германией 1939 года. Дорогой товарищ Васильев, неужели вам за все эти годы ни разу не

попалась вот эта давно замусоленная цитатка: «Когда мы говорим о новых землях в Европе, то мы должны в первую (!) очередь иметь в виду лишь (!) Россию... Сама судьба указывает нам этот путь». Сама судьба! А вы про какие-то локальные войны и договоры. Чьи же это слова? Да ведь опять самого Гитлера, который ровно через десять лет после этого афоризма в своем «Майн кампфе» возглавил Германию, а потом стал и Верховным главнокомандующим немецкой армии.

* * *

Перед тем, как уж вплотную взяться на тему Великой Отечественной, вы вдруг заявляете, что, когда ее фронтовики перемрут (голубая мечта писателя-гуманиста!), вот «тогда-то и придет время анализа. Настанет время ПОЧЕМУ». Господь с вами, касатик, те, кому нужно, начали анализ войны сразу после ее окончания, даже раньше. Но вы упрямо твердите, что только тогда будут возможны ответы на многие очень важные вопросы. Вот некоторые из них.

«Почему мы меняли командующих фронтами в начале войны?» И это для вас загадка? И вы не понимаете почему?

Дальше сказано: «В первый же день войны Сталин назначил командующих тремя фронтами. Южным командовал Буденный, Центральным — Тимошенко, Северным — Ворошилов».

Во-первых, как офицер, вы должны знать, что в таких случаях перечисление ведут с правого фланга на левый, а у вас — наоборот, это неграмотно. Во-вторых, как военный писатель, вы должны знать, что тогда были созданы не фронты, а «стратегические направления».

В-третьих, они назывались совсем не так, как пишете: не Южный фронт, а Юго-Западное стратегическое направление, не Ценральный фронт, а Западное стратегическое направление, не Северный фронт, а Северо-Западное стратегическое направление. В-четвертых, направления были созданы, а командующие их назначены не Сталиным, который тогда еще не был ни наркомом обороны, ни Верховным главнокомандующим, а Постановлением Государственного комитета обороны. В-пятых, это произошло 10 июля, т.е. не «в первый же день войны», как уверяете, а на 19-й день. Что ж это вы, ваше благородие, — в одной фразе столько опять чепухи!

А уж дальше с презрением даже: «Три маршала — рубаки времен Гражданской войны. Воевали как умели». А как иначе? Все воюют, как умеют. Вот и вы пишете, как умеете. Двое из названных вами воевали не только в Гражданскую, но еще и в Германскую. А Буденный к тому же пять Георгиевских крестов там заработал. За что ж вы о них так высокомерно? Тем паче, что сам-то пришел с войны без единой медальки, это уж потом вам надавали к разным юбилеям — Октябрьской революции, Союза писателей, к собственным. К тому же, надо бы вам знать, что Жуков и Рокоссовский тоже были рубаками-кавалеристами времен и Германской и Гражданской.

Так вы терзаетесь загадкой, «почему мы меняли» Ворошилова, Буденного и Тимошенко. А прежде выяснили бы, почему, например, в мае 1940 года во время вторжения немцев во Францию командующий 9-й армией генерал Корап был заменен генералом Жоржем, а немного позже главнокомандующий генерал Гамелен — генералом Вейганом. А? Неинтересно? Или вот еще факт для энер-

гичного шевеления мозгами: почему в начале 1942 года после разгрома немцев под Москвой Гитлер отправил к чертям собачьим самого главнокомандующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала Браухича и еще 35 генералов, в том числе генерал-фельдмаршала Бока, который командовал группой армий «Центр», наступавшей на Москву, генерал-полковника Гудериана, побитого со своей 2-й танковой армией под Тулой, и т.д. Вот интересно — почему!

Но еще интересней другое: в 40-м году французы поменяли генералов, но это им, увы, не помогло: немцы пришли в Париж; в 42-м и позже Гитлер без конца менял генералов, но это ничуть не помогло и немцам: Красная Армия пришла в Берлин; а мы кое-что поменяли — и каков эффект! Вот о чем думать-то надо, ваше степенство, а не Радзинского обирать.

* * *

Война вот-вот начнется, и мы читаем: «У нас было в восемь раз больше танков и самолетов, в десять раз больше артиллерии, мы численно превосходили германскую армию едва ли не в семь раз!» Боже милосердный, да откуда же все это взялось, если, как вы уверяли, страна и ее вождь долгое время корчились в «судорогах собственного разоружения»? Когда же вы врали — тогда или теперь?

Увы, и тогда и теперь. Вот данные из только что вышедшей «Книги памяти», которую дарили фронтовикам в дни юбилея Победы: «Группировка советских войск на Западном театре военных действий с учетов 16 дивизий РГК насчитывала 3 миллиона человек, око-

ло 39,4 тыс. орудий и минометов, 11 тыс. танков, 9,1 тыс. боевых самолетов. Германия и ее союзники сосредоточили на границе с СССР 4,4 млн. человек, 39 тыс. орудий и минометов, 4 тыс. танков и штурмовых орудий, 4.4 тыс самолетов» (с. 33). Если тут и не все точно, то уж одно бесспорно: говорить о нашем семи-восьми-десятикратном превосходстве можно только за крупную взятку или по причине полоумия. Наоборот, имея полную возможность выбрать место и направления удара, немцы на этих участках фронта организовывали трех-четырехкратное превосходство.

И вот началось вторжение. Как это видится фронтовику-патриоту Васильеву? «В первые же дни германские войска окружили и взяли в плен свыше двух миллионов советских бойцов и командиров». Помните о «более чем двухмиллионной армии», которую Сталин «выдвинул на предполье»? Ее немцы и взяли в плен в первые же дни. Что дальше? Как что! Дальше, естественно, — «триумфальный марш немцев на Москву».

Да почему же все это? А потому, говорит, что в результате репрессий на места командующих фронтами, армиями, корпусами «были назначены вчерашние командиры полков, батальонов и даже рот», т.е. полковники да подполковники, капитаны да лейтенанты.

И тут, говорит, перетрусивший Сталин «дал указание разыскать недорасстрелянных командиров высшего звена. Всех перечислять не имеет смысла, достаточно одного: Рокоссовский. Тот убедил Сталина (в личной беседе, да?) создать механизированные корпуса».

Все это Васильев опять не сам придумал, а у кого-то сдул. У кого? Да у любого замшелого антисоветчика, писавшего о войне, например, у грамотея Академии наук Яковлева.

Здесь вспоминается плодотворная мысль английского писателя Сэмуэля Батлера: «Каждый дурак может говорить правду, но чтобы толково солгать, надо кое-что иметь в голове». Мультиорденоносец и суперлауреат Васильев, увы, толково лгать не умеет. Действительно, вот говоря о военных кадрах, привел бы конкретные примеры: таким-то фронтом командовал полковник А., такой-то армией — майор Б., таким-то корпусом — лейтенант В., — это было бы толково. Но ведь у него, как и у бесчисленных предшественников, нет ни единого примерчика! Где ж сыскать олухов, которые им поверили бы?

Но вот что писал в своем дневнике 20 ноября 1941 года, надеюсь, все же известный Васильеву генерал-полковник Гальдер, начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта: «В моей бывшей 7-й пехотной дивизии одним полком командует обер-лейтенант, батальонами командуют лейтенанты». Тут, как говорится, факт, а не реклама. И нет оснований думать, что в других дивизиях дело тогда обстояло лучше.

А что касается Рокоссовского, то, во-первых, он вовсе не принадлежал к «высшему звену», а был всего-то комдивом, то бишь генерал-майором, которого Сталин и не знал. К тому же, освободили его не в октябре — ноябре 41-го и сразу — на беседу к Сталину, как уверяет Васильев, а еще в марте 40-го. Вернули награды, он съездил с семьей в Сочи отдохнуть, и вскоре его назначили командовать 9-м механизированным корпусом.

Всю эту невежественную бодягу о знаменитом полководце Васильев почерпнул скорей всего из тухло знаменитой «Московской саги», либо трехтомника В. Аксенова, либо из 22-серийной телемахиды Д. Барщевского с супругой. Там все именно так.

* * *

Помянутый немецкий генерал помогает развеять малограмотный вздор советского офицера и о свыше двух миллионов пленных «в первые же дни войны». Например, на восьмой день войны он записал: «Русские всюду сражаются до последнего человека; лишь местами сдаются в плен... При захваченных батареях большей частью взяты в плен лишь отдельные люди. Часть русских сражается, пока их не убьют». На десятый день: «8-й русский мехкорпус окружен. По-видимому, у него не хватает горючего. Закапывают танки в землю и таким образом ведут оборону» и т.д.

Тут становится ясной и картина васильевского «триумфального шествия». Ах, как он любит возвышенные слова: «тихие зори», «белые лебеди», «триумфальный марш»...

Для большей полноты картины триумфа приведем еще несколько выдержек их дневника Гальдера. 23 июня: «Противник в белостокском мешке (вы, Борис Львович, понимате разницу между «мешком» и «котлом»? Лев Толстой понимал. См. «Войну и мир», гл. 1. — *Авт.*) борется не за свою жизнь, а за выигрыш времени». 24 июня: «Войска группы армий «Север» почти на всем фронте отражали сильные танковые контратаки противника... Русские сражаются упорно и ожесточенно. Русские не думают об отступлении, а напротив, бросают все, что имеют в своем распоряжении, навстречу немецким войскам»... 26 июня: «Группа армий «Север» медленно (триумф не терпит суеты! — *Авт.*) продвигается вперед, неся значительные потери. Со стороны противника отмечается твердое и энергичное руководство».

29 июня: «Упорное сопротивление русских... В районе Львова противник медленно отходит на восток, ведя упорные бои...»

И каков итог триумфального марша на Москву? А вот он. 22 ноября: «Войска совершенно измотаны и не способны к наступлению. Фельдмаршал Бок указывает, что создалось такое положение, когда последний брошенный в бой батальон может решить исход сражения». Но, увы, последнего батальончика не оказалось.

Куда же он делся? Ответ дает все тот же аккуратист Гальдер. 28 августа: «Части 1-й танковой группы потеряли в среднем 50% танков. Части 2-й группы — 55%. Части 3-й группы: 7-я дивизия потеряла 76% первоначального количества танков. Остальные дивизии группы в среднем потеряли 55%». И это, повторяю, данные на 28 августа, война едва перевалила на третий месяц. Соображаете, Васильев, как выглядите со своим триумфом?

Ничего он не соображает. Чтобы еще разукрасить фашистский триумф, пишет: «Тимошенко попал в Вяземский котел». И что — погиб там? Он даже не знает, где Вязьма. Так слушай сюда: это на полпути между Смоленском и Москвой, тогда, в октябре, — Западный фронт, а Тимошенко был за сотни верст на Юго-Западном.

И ведь ни слова о том, чем закончился для немцев в декабре 41-го их полугодовой триумфальный трюх-трюх на Москву. Ни словечка! Вот шулерская манера! Прочитает эту обрезанную историю молодой читатель и в лучшем случае ничего не поймет.

И если о разгроме немцев под Москвой — ни слова, то о победе в Курской битве — сквозь зубы: «устояли». И только? А что же дальше было? В честь чего 5 августа 1943 года был дан первый салют в Москве, потом еще 353 салюта? Молчание. Победный марш Красной Армии

на Берлин ему неинтересен. А ведь статью-то газета заказала к большому юбилею Победы. А он написал лишь о начале войны да еще и наврал с три короба.

Опять же с чужих слов долдонит: «Мы научились воевать, только поверив в победу под Сталинградом». Во-первых, народ верил в победу даже в те дни, когда немцы стояли в 27 верстах от Москвы, а потом — на Волге. Иначе борьба была бы невозможна. Во-вторых, естественно, что такой мыслитель соглашается признать умение Красной Армии воевать только с той поры, как настало время ее побед. Но понять, что и умелая, храбрая армия может терпеть неудачи, как мы в 1941—1942 годах, он неспособен.

* * *

А вот еще один великий писатель решил поведать нам о войне и о Сталине в фильме вездесущей телебалаболки Сорокиной. В первом же кадре появляется Даниил Гранин и уверенно объявляет: «По всем данным войну с Германией мы должны были проиграть». Я сразу и подумал: понимает он, что сказал? Это по каким же «данным»? По историческим? Но Россия всегда изгоняла захватчиков. По экономическим? Но СССР к 1941 году стал могучей мировой державой. По отсутствию патриотизма в народе? Об этом и говорить смешно. Остается, разве что, один довод — арифметический: коли Германия разбила войска чуть ли не дюжины стран Европы, то как же она может не одолеть еще одну, 13-ю по счету — Россию! Это излюбленная мысль Гранина, он и на страницах «Новой газеты» вложил ее в уста какого-то безымянного «старика с кошелкой»: «Как мы сумели победить, ума не приложу!»

Конечно, не только на Западе, но и у нас были люди с кошелками и без кошелок, думавшие так же. Представление об этом дает, например, сводка УНКГБ по Москве и Московской области о реакции населения на речь И.В. Сталина по радио 3 июля 1941 года, приведенная в интереснейшем документальном издании «Органы госбезопасности в Великой Отечественной войне».

Вот что говорили иные москвичи. А.И. Шифман, научный сотрудник Института мировой литературы, специалист по Толстому и, между прочим, в недавнем прошлом мой сосед: «Всему крах. Положение на фронте безнадежное. Куда же девалась доблесть Красной Армии?» Израелит (не отец ли Кириенко?), юрисконсульт: «Правительство прохлопало германское наступление в первый день войны, и это привело к дальнейшему поражению и колоссальным потерям... СССР оказался в кольце, выхода из которого не видно». Перельман, инженер: «Все эти речи, мобилизация народа, организация ополчения не спасут. Видимо, в скором времени немец займет Москву». Майзель, редактор издательства «Физкультура и туризм»: «Немцы вплотную подходят к Москве. Все эти разговоры о народном ополчении — детские и наивные забавы. СССР накануне решающих событий». Карасик, служащий: «Неизбежен крах, неизбежна потеря Москвы. Все, что мы строили 25 лет, все оказалось мифом» (т. 2, кн. 1, с. 168). Научный сотрудник, юрист, инженер, редактор... Как видим, пораженческое настроение, увы, было характерно для некоторых представителей интеллигенции.

Однако мы не просто победили Германию, а разбили наголову и вынудили ее армию к безоговорочной капитуляции.

И тогда, в июле 41-го, трудовой народ верил в победу, о чем свидетельствует та же сводка УНКГБ. А. Рассказов, рабочий фабрики пластмасс: «Чеканная, теплая речь вождя. В ответ хочется еще лучше работать». Хенкинс, служащая: «Весь народ, все, как один, станут на защиту родины… Враг будет разбит». Дорохин, служащий НКПС: «При таком вожде наш народ победит». Непринцев, рабочий карбюраторного завода: «После речи тов. Сталина настроение у народа поднялось. Мы победим». Иванушкин, рабочий троллейбусного парка: «В ответ на речь тов. Сталина я иду добровольцем в Красную Армию и, не щадя своей жизни, буду уничтожать фашистских гадов. Прошу перечислить мой заработок в фонд обороны» и т.д. (там же, с. 167—168).

Да, мы победили. Как же это случилось? Гранин уверяет: «Войну выиграла не армия, а народ!» И опять вопрос: соображает, что вытащил из своей кошелки? Ведь это разделение и противопоставление нелепо! Разве армия не народ? Или она у нас состояла из наемных швейцарцев? Или Жуков, Василевский и Рокоссовский командовали толпами с вилами, косами и серпами? Представьте себе, Гранин уверяет, что сам видел, как ленинградцы шли на фронт с косами. Ну подумал бы старче: где взять кос хоть на один батальон в большом современном городе? И что можно было делать косами на фронте — танки косить?

«Всегда (!), — говорит писатель, — правда о войне меняется». И дополняет это открытие еще и таким всеохватным афоризмом: «Каждая (!) война рано или поздно становится грязной». По поводу второго афоризма, полагая бесполезным углубляться в него, заметим только, что, следовательно, Гранин считает себя участником Грязной войны, а я, как и миллионы моих сограждан, был на Великой Отечественной.

Что же до первого афоризма, то как его понимать — меняется правда о войне, т.е. сама суть или ее оценка, восприятие? За два века что кардинально изменилось в правде, допустим, о войне Двенадцатого года? Я знаю только два факта. Первый: Солженицын в своем полубессмертном «Архипелаге» уверяет, что «из-за полесских болот и лесов Наполеон так и не нашел Москвы». Ну, это кардинально!

Второй — вот у Гранина. Но это, точнее, не о войне, а о романе «Война и мир»: «Французы для Толстого были не только оккупантами, но и людьми, которые страдали, мучились». Сударь, назовите хоть одного француза из романа, который, грабя и убивая русских, страдал бы да мучился. «Толстой относился к французам как к несчастным людям, втянутым в кровопролитие». Хоть один пример несчастного захватчика! Хоть одну цитатку о сочувствии Толстого ко втянутому супостату! Право, такое впечатление, что человек до 85 лет так и не прочитал великий роман, но где-то нахватался благостно-розовых, умильно-пошлых представлений о нем. Не у Хакамады ли? На этот случай я выпишу для них краткие реплики двух главных, самых дорогих Толстому персонажей его эпопеи — Кутузова и князя Андрея. Первый говорит второму: «Верь моему слову, будут у меня французы лошадиное мясо есть!» И ели. Мучались, страдали втянутые, но ели.

Князь Андрей говорит другу Пьеру Безухову: «Одно, что бы я сделал, ежели бы имел власть, я не брал бы пленных. Что такое пленные? Это рыцарство. Французы разорили мой дом и идут разорить Москву, оскорбили и оскорбляют меня всякую секунду. Они враги мои, они преступники все...» Вот что такое Толстой, и его отношение к несчастным французским захватчикам.

Гранин написал предисловие к книге немецкого «писателя-солдата» по фамилии Стахов. Чем книга его привлекла и умилила? А тем, что «в ней отсутствует ненависть к русским». Вы только подумайте, как трогательно: разорвав все договоры, вломились в наш дом, грабили, жгли, угоняли в рабство, истребляли и, оказывается, при этом были среди них такие, что не испытывали никакой ненависти, а просто исполняли приказы. Как же не порадоваться! Как не написать благостное предисловие в полной уверенности, что и Толстой написал бы.

А что важное, основополагающее изменилось в правде о Великой Отечественной? История войны, говорит, «бесстыдно обросла враньем». Но тут же, опровергая себя, показывает на конкретных данных, как со временем уточнялись цифры наших утрат. Наконец, называет 27 миллионов. И однако: «Но и к этой цифре доверия нет! Расчеты не приведены...» Ну что с ним делать! Ему, видно, для полной веры требуется 47 миллионов. А вы, сударь, верите цифрам холокоста? — спрошу я его, как спрашивал Бориса Васильева? Почему не требуете и тут расчетов? А ведь они есть и очень впечатляющие: от 200 тысяч число жертв со временем выросло до 6 миллионов. Почему не протестуете?

Есть, конечно, старатели вроде Аксенова-старшего, чуда заморского, или Климова-младшего, туземца, которые пытаются внедрить в массы такую, например, «новую правду» о Великой Отечественной войне: «схлестнулись два тирана и обрекли свои народы на массовую гибель» (ЛГ. 6.5.05). Но что взять с этого Аксенова, который, как помянутый Млечин, тоже патроны называет пулями и не ведает, где Катынь, где Хатынь, и какая тут разница. А что ожидать от этого Климова, родители ко-

торого учились в школе имени Достоевского, и он считает это невероятным, ибо ему кто-то из сванидзей внушил, что после революции Достоевского едва ли не запретили. А его огромные тиражи? Спектакли и фильмы по произведениям? Музей? Памятник? Не может быть! Сталинская пропаганда!

Другие старатели уверяют, что СССР сыграл в разгроме Гитлера лишь подсобную роль, правда, отрицать, что Берлин взяли мы, пока не решаются. Третьи — что Красная Армия изнасиловала 3 857 395 немок. Четвертые, как видим, уверяют, что на фронт шли с косами. Пятые додумались на страницах все той же «Литературки» до того, что Сталин явился на Тегеранскую конференцию трех держав с коровой в самолете и т.д. Вы это, что ли, товарищ Гранин, считаете новой правдой?

Писатель уверяет: «У нас до сих пор нет истории Великой Отечественной войны». С чего взял? Да, видно, только с того, что нет ее у него на книжной полке или нет такой истории, которая ему нравилась бы. «Вот, скажем, книга Астафьева о войне». Он сожалеет, что она «не всколыхнула общественность». Ах, если бы история войны была написана астафьевским пером! Но ведь Астафьев всегда лгал о войне. К тому же он был в военном отношении человеком загадочно невежественным: даже не умел читать военную карту или схему, о чем мне когда-то приходилось упоминать.

Или Гранин опять не понял, что слетело с языка? Ведь на самом-то деле, книг о войне в целом и об отдельных сражениях множество, в том числе — иностранных, немецких, есть и наша 6-томная «История Великой Отечественной войны», есть и 12-томная «История Второй мировой войны». Разумеется, в этих «Историях» можно найти немало недостатков, но главное там сказано.

А Гранину они просто не интересны, он и не читал их, ему бы только о наших неудачах да потерях.

Так и говорит: «У нас «скрывали правду потерь и поражений». Что, писали, будто мы на западной границе отбили врага и триумфальным маршем без потерь дошли до Берлина? Как без наших поражений и побед врага он мог дойти до Москвы? Или мы и это скрывали? Как без наших неудач и его успехов враг мог дойти до Волги? Как все это можно было скрыть? Любая дубина понимает: немыслимо.

«Мы не публиковали до самых последних лет потери по фронтам, по годам, по (!) полководцам». До самых последних? Да ведь еще в 1992 году вышли книги «Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР» и «Россия и СССР в войнах XX века». Там писатель может много найти для души. Но, видимо, его особенно интересуют «потери по полководцам». Он бы вывел им «рейтинг по потерям». Как сегодня без рейтинга? Возьмите, Гранин, книгу генерала армии М. Гареева о Жукове. Там есть и «по полководцам». Выводите свой рейтинг, разложите все по полочкам. Тут — взгляд на войну как на спортивное состязание при равных для всех условиях, например, как на бег, допустим, на стометровку даже при одинаковом ветре в лицо или в спину. А ведь в каждом сражении условия разные по многим данным. Не сечет!

Но тот, кто хотел знать, еще задолго до названных книг знал, например, что при освобождении Польши погибло около 600 тысяч наших солдат и офицеров, в Чехословакии — свыше 140 тысяч и т.д. Нет, вы ему непременно дайте с точностью до единицы, сколько погибло при освобождении Сычевки и при взятии Алленштейна. Гуго Пекторалис без этого 60 лет спать не может.

«До последнего времени не говорили, что наряду (!) с нашими блестящими военными операциями были блестящие операции и противника». Разумеется, были, и о них писали, правда, не пуская слюни от восторга. Но как же так «наряду», если наши блестящие операции полностью перечеркнули их блестящие операции? Вы, Гранин, знаете ли все-таки, где и чем война-то кончилась? Я не могу спокойно смотреть, как наши проигрывают в футбол или хоккей, а он требует, чтобы я восхищался блестящими операциями врага, громившего и уничтожавшего на моей земле моих братьев. Всю жизнь прожил Гуго на русской земле, но русского чувства так и не обрел.

«Что это были за разгромы наших войск под Киевом, под Харьковом? Крымская операция?» Все это — претензии невежды. Он и не слышал, допустим, о давно известной книге «Важнейшие операции Великой Отечественной войны». Там обо всем этом сказано. Да было много и других книг о названных операциях. Читай — не хочу! Но писателю это опять неинтересно и лень читать, дайте ему что-нибудь жареное.

«Война состоит из поражений и побед. Мы же брали только наши победы». В таком возрасте — такая блажь. Если вы «брали», то так и скажите: «Я брал».

* * *

Особенно проникновенно и настойчиво из статьи в статью Гранин жалуется на то, что «слово ленд-лиз начисто забылось». Да никто на фронте и не знал это слово. «Мы до сих пор не говорим о том, чем и как нам помогли союзники». Лютая чушь! У нас даже издали книгу госсекретаря Эдварда Стеттиниуса, нагло озаглавленную

им «Ленд-лиз — оружие победы». Помним и о том, что с марта 1941 года по август 1945-го американские поставки по ленд-лизу 42 странам составили 46 млрд. долларов, в том числе Англии — больше 30 млрд., Советскому Союзу — менее 10 млрд., т.е. в три раза меньше. А вы, надеюсь, все-таки знаете, Гранин, какой кровавый груз войны волокла Россия и с какой авоськой трусила Англия. Об этом можете прочитать у самого Черчилля, не говоря уж о Рузвельте. Знаете, кто это?

«Со вторым фронтом союзники тянули, мы их поносили последними словами...» Что ж вы так уклончиво и невнятно: тянули? Можно сказать четко: была договоренность об открытии второго фронта в 42-м году, но не открыли, обманули; обещали в 43-м и опять надули; посулили весной 44-го и открыли только летом. Тянули-то, бережа свои шкуры, до крайней возможности. И тем не менее вы, гуманист, за них в обиде: «поносили...» Ах, бедненькие... Да кто ж их поносил? Где и когда? Сталин очень вежливо выражал в письмах Черчиллю и Рузвельту свое презрение к их лживости и шкурничеству.

«...Поносили, зато (!) консервы ихние, витамины, глыбы шоколада поддержали нашу жизнь. Почему мы об этом не пишем в истории войны?» И опять я сомневаюсь: соображает ли человек, что ляпнул. Ведь с одной стороны — консервы и шоколад, а с другой-то — кровь и смерть миллионов. Потери США во Второй мировой войне почти в 100 раз меньше наших. И вранье, что об этих консервах не написано.

Судя по всему, у Гранина есть только одна книга о войне — однотомная «Энциклопедия Великой Отечественной войны», и он беспощадно ее поносит. Да, в ней кое-чего нет и кое-что лишнее, так ведь она вышла двадцать лет тому назад. Но статья «Ленд-лиз» как раз

имеется. В ней все перечислено: американцы поставили нам 14 795 самолетов, 7056 танков. 8218 орудий и т.д. И все это не превышало 4% отечественного производства (с. 400). Как же назвать это стенание: «Мы до сих пор молчим...»?

И не только «тянули» союзнички со вторым фронтом, не только за нашу кровь платили консервами. Валентин Фалин, семь лет бывший послом в ФРГ, затем — секретарь ЦК КПСС и заведующий его Международным отделом, глубокий знаток истории Второй мировой, изучив недавно опубликованные в Англии и США новые документы, пишет, как союзники опасались Сталинградской и других советских побед. Да что там! «Разгром немцев на Курской дуге еще более озадачил наших союзников. 20 августа 1943 года в Квебеке на заседании начальников штабов США и Великобритании (при участии Черчилля и Рузвельта) стоял вопрос о выходе этих стран из антигитлеровской коалиции и об их союзе с нацистами против СССР» (Слово, 7 мая 2005). Ну, этого простительно не знать человеку, не читавшему «Войну и мир».

Дальше уже о весне 1945 года: «По логике Черчилля (кумира наших губошлепов вроде правозащитника В. Лукина. — *Авт.*), Западу давался шанс использовать момент, когда рессурсы СССР были на пределе, тылы растянуты, войска устали, техника изношена, требовалось бросить вызов Москве, понуждая подчиниться диктату или испытать тяготы еще одной войны.

В начале апреля (по другим сведениям, в конце марта) Черчилль приказал готовить в пожарном порядке операцию «Немыслимое». Что за «Немыслимое»? Война против СССР. «Дата начала войны приурочивалась к 1 июля 1945 года. В ней должны были принять уча-

стие американские, английские, канадские силы, польский корпус и 10—12 немецких дивизий из тех, что держали нерасформированными в Шлезвиг-Гольштейне и в южной Дании.

Как должна была действовать Ставка после поступления соответствующих сигналов? Берлинская операция явилась реакцией на план «Немыслимое». Подвиг наших солдат и офицеров был предупреждением Черчиллю и его единомышленникам. Политический сценарий Берлинской операции принадлежал Сталину. Генеральным автором его военной составляющей являлся Георгий Жуков» (там же). Какая богатая пища для ума даже Героев Социалистического Труда!

* * *

Считая историю войны то извращенной, а то даже и ненаписанной, Гранин сам восполняет пробелы. Рассказывает такую, например, историю: «Самое начало войны. Мы наткнулись на четырех немецких солдат. Они, уставшие, грязные, свалились в кусты и спали». Странно, конечно. Что за солдаты? Почему они отбились от своей части? Почему так беззаботно без охраны все дрыхнут на чужой земле, в которую вторглись? И где это случилось? Объяснить бы надо. Ну, да ладно, допустим, на войне все бывает. Что дальше? «Командир сказал: «Не будем стрелять в спящих» Его тогда чуть не отдали под суд».

Да, я думаю, что и князь Андрей не стал бы стрелять в спящих. Но с другой стороны, ведь это солдаты, пришедшие разорить твою землю, а среди тысяч и тысяч спящих жителей Минска, Киева, Севастополя были и ни в чем не повинные спящие дети, и это не оста-

новило немцев в ночь на 22 июня 41 года бросить на них бомбы, погибли не четыре человека, а сотни, тысячи спящих; а разве не было спящих среди 135 тысяч мирных жителей Дрездена, погибших под англо-американскими бомбами 13 и 14 февраля 45-го; а в те августовские ночи 45-го года неужели никто не спал среди всех возрастов мирных жителей Хиросимы и Нагасаки, неужели все бодрствовали, ожидая американскую атомную бомбу?..

Но что дальше-то было с теми странными немецкими солдатами — взяли их в плен или хотя бы разоружили, допросили? Неужели только полюбовались спящими оккупантами, согнали с них комаров, мух и пошли дальше? Об этом Гранин молчит, ему и это неинтересно, для него главное — нарисовать драматическую ситуацию сомнительной достоверности и демагогического оттенка.

Еще одна загадочная история: «Был 41-й год, конец августа, мы (?) выходили из окружения. Шли несколько дней. И самое трудное было — выбираться». Откуда, из чего выбираться? И хотелось бы знать, с какого именно участка фронта шли так долго? Ведь все крупные окружения известны. Назвал хотя бы армию или ближайший город. Опять никаких данных! «Немцы наступали на Ленинград. Мимо нас шло огромное количество транспорта, бронемашины, мотоциклисты, велосипедисты». Шли мимо и не трогали? Интересно. Другим так не везло. «Днем мы часами лежали в кюветах, ожидая паузы». Крайне странная картина! Группа советских солдат, как увидим, даже с оружием, в дневное время часами лежит в придорожных кюветах, а по этим дорогам валом валят немцы и на этих солдат, судя по всему, еще и в форме, не обращают ни малейшего внимания.

Может, вы, Даниил Александрович, хотели сказать что-то другое? Или не знаете, что такое кювет?

И вот, говорит, как сейчас помню, однажды лежим мы полеживаем в кювете, ничто нас не колышет, вдруг видим: «Идет колонна наших пленных, человек пятьсот. Черные от грязи, изможденные. А впереди немецкий велосипедист и сзади немецкий велосипедист — все!.. 500 человек идут покорно».

Поверить в это еще трудней, чем в безмятежное лежание при свете дня в кювете на глазах немцев. Во-первых, чтобы велосипед не повалился, надо ехать с некоторой скоростью, и она выше, чем движение пешехода, тем более, изможденного. Так что передний велосипедист непременно укатил бы от колонны, а задний врезался в нее. Во-вторых, не составляло никакой проблемы налететь сзади на переднего велосипедиста, руки которого заняты рулем, сбить его на землю и прикончить, причем так, что задний из-за колонны ничего и не услышал бы и не увидел. Да и с ним расправиться можно. Ведь чтобы защититься, немцу надо соскочить с велосипеда, снять из-за спины винтовку или автомат и открыть стрельбу — времени и возможности на это у него не было бы. И велосипедисты не могли не понимать такой просто вещи.

Но самое глубокомысленное дальше. Кюветчики «решили подстрелить охрану (почему «под», а не снять вообще? Ведь тут не спящие. — *Авт.*), но Саша Ермолаев сказал: «Думаете, они разбегутся?» В лицах их читаешь поражение». И основываясь на анализе выражения лиц пленных, кюветчики ничего не предприняли для их освобождения. А один из них через 65 лет не стесняется изобразить нам поведение шкурников как некий увлекательный психологический феномен одних наших сол-

дат на фоне комплекса поражения и безнадеги других. И это в самом начале войны, в дни Брестской крепости и обороны Одессы.

«Неправда в деталях разрушает представление о войне», — в этом-то Гранин прав.

* * *

Итак, тема пленных. Писатель видит причину того, что наши солдаты и офицеры «претерпели голод, нечеловеческие условия в немецком плену» только по той причине, что «не были защищены Женевской конвенцией». Давненько я не встречал сей замшелый довод, когда-то не сходивший со страниц сочинений самых тупых антисоветчиков. Видимо, даже они все-таки в конце концов сообразили, что это разоблачает их как людей, ни уха, ни рыла не смыслящих в том, какой и чем была война со стороны германского фашизма. И вот на тебе — патриарх Гранин эксгумировал дохлятину и подает как новинку к празднику Победы!

Во-первых, что такое конвенция? Это собираются мужики иностранных дел из разных стран и за рюмкой коньяка говорят друг другу: «Ребята, давайте жить дружно!» Например, Женевскую конвенцию 1925 года о запрещении отравляющих веществ сразу подписали 37 стран, позже — 93, в том числе СССР. И это не помешало Японии в начале 30-х годов использовать газы в войне против Китая, немного позже — Италии против Абиссинии, а в 60-е годы США вовсю применяли дефолианты во Вьетнаме. Женевскую конвенцию 1949 года по защите жертв войны подписали 120 стран. И неужели вам неизвестно, писатель Гранин, что после этого вытворяли американцы сперва в Корее в 1950 году, потом — во Вьетнаме?

Другое дело — конкретный договор между двумя конкретными государствами, какими и были два советско-германских договора 1939 года. В этом случае степень ответственности, мера прочности неизмеримо выше. Так вот, если немцы наплевали на два конкретных межгосударственных договора с нами, то откуда у вас, Гранин, уверенность, что они стали бы считаться с решением какой-то благостной многонациональной конференции о пленных и обращались бы с советскими солдатами и офицерами как с французами или датчанами?

Во-вторых, зачем порядочным людям нужна какая-то международная конвенция, чтобы по-человечески обращаться с пленными, — так, например, как мы обращались с немецкими и японскими пленными?

В-третьих, в этом же номере «Новой газеты» напечатана статья военного историка Вячеслава Дашичева. В советское время, когда этот историк фигурировал как приличный человек, он издал фундаментальный двухтомный труд «Банкротство стратегии германского фашизма» — собрание документов германского командования и других властей военного времени. Комментарии автора уж слишком шибали в нос верноподданными ссылками на Маркса, Ленина и Сталина, цитатами из речей Брежнева, постановлений ЦК КПСС, «Истории партии» и т.п. Но документы сами по себе представляют большой интерес.

Приведу лишь один, впрочем, давно и хорошо известный всем, кто интересовался историей Второй мировой войны. Еще в 1934 году, за пять лет до войны, Гитлер говорил тогда близкому приятелю и президенту сената Данцига Герману Раушнингу: «Нам надо изыскать методы депопуляции, т.е. уничтожения, целых расовых

единиц. Именно это я намерен осуществить... Если я могу послать цвет немецкой нации в ад войны без малейшего сожаления по поводу того, что будет пролита драгоценная немецкая кровь, то я, конечно, вправе уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как паразиты» (The voice of distruction. London. 1940. P. 137). Такого же рода заявления во множестве делались Герингом, Гиммлером, Геббельсом, Йодлем и другими главарями фашистской Германии. И было сделано ими все, чтобы в СССР реализовать свои планы.

Короче говоря, писатель Гранин, этими «расовыми единицами», «людьми низшей расы», «паразитами», подлежавшими по плану Гитлера «депопуляции», были прежде всего я — как русский, вы — как еврей и наши народы. Словом, со стороны немцев их агрессия против Советского Союза была войной на истребление. А вы лепечете о Женевской конвенции! Это можно объяснить только либо полным невежеством в данном вопросе, весьма странном в вашем возрасте, либо сознательным намерением обелить фашистов: коли Советский Союз не подписал конвенцию, то истребление его граждан вполне законно.

И это обеление фашистов дополняется клеветой на советскую власть: «Одно из тяжких и постыдных последствий войны — отношение к пленным. Плен у нас карался как преступление... Бывших пленных подвергали репрессиям, они пребывали отверженными, бесправными».

Тут самое малое — бесправными. И что за высокомерная манера — всегда вещать об ужасах, не приводя никаких данных, ни одного доказательства! Я, мол, такая личность, что мне вы все обязаны верить на слово.

Хотя бы в «Энциклопедии», которая у вас есть, Гранин, вы можете прочитать, например, про генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина, коммуниста, разумеется, не имеющего ничего общего с Лукиным-черчеллефилом. Михаил Федорович командовал войсками в окружении под Вязьмой в октябре 1941 года. Там он был ранен и попал в плен, где и пробыл до конца войны. В плену держался мужественно. После освобождения продолжал службу в армии. Был награжден, как вы, орденом Ленина (впрочем, у вас их даже больше, чем у генерала — два), пятью орденами Красного Знамени и опять же как вы — орденами Трудового Красного Знамени и Красной Звезды. Умер в 1970 году, не дожив, слава Богу, до Горбачева, Путина и ваших размышлизмов о войне.

Я и лично знал многих побывавших в плену. Приятель мой Николай Войткевич, член партии, попал в плен в 42-м под Севастополем. После освобождения вернулся в столицу, поступил в элитный, как ныне говорят, Литературный институт им. Горького, все пять лет был старостой нашего курса, а потом, будучи восстановлен в партии, до пенсии работал на радио, которое вещало на заграницу. Идеологический фронт! Тоже не дожил он до вашего вранья о репрессиях против него. Он бы вам ответил.

Еще в Литинституте учились со мной побывавшие в плену Борис Бедный и Юрий Пиляр. И что? Да разве мало уже того, что приняты были в такой московский вуз! А они потом еще и успешно работали, печатались, помню хороший фильм «Девчата» по повести Бориса Бедного.

Был в институте даже преподаватель из числа пленных — А.Н. Власенко. Да продлят небеса его дни!

В «Дружбе народов» я работал дверь в дверь с большим поэтом Ярославом Смеляковым. Тоже прошел плен, у финнов. И что? Не замечая своей отверженности, бесправия и репрессий, работал, издавал книги, был председателем секции поэзии МО Союза писателей, а однажды как военному преступнику ему вручили Государственную премию за книгу «День России». Уж Ярослав-то тоже за словом в карман не полез бы, чтобы просветить вас, гражданин Гранин, по вопросу о пленных.

А слышали вы, правдоискатель, о Степане Злобине? Попал в плен в том же Вяземском котле. Несколько раз пытался бежать, в январе 45-го его освободили, и он продолжает службу в армии, работает в дивизионной газете, дошел до Берлина. После войны возвращается в Москву, восстанавливается в Союзе писателей, становится председателем секции прозы МО ССП. Его роман «Степан Разин» по личному предложению вождя был отмечен Сталинской премией первой степени.

Хватит или назвать еще репрессированных пленников? Пожалуйста, — Г. Бедняев, Ф. Бирюков, К. Воробьев, И. Дроздов, В. Саблин, Л. Семин, А. Стрыгин, Н. Трифонов, В. Кочетков, Н. Щербаков... Это только писатели и только России. За полноту списка не ручаюсь, но ручаюсь, что почти все были награждены и работали, печатались после войны. Разумеется, все они проходили соответствующую проверку, как во всех странах и армиях.

Но Гранину плевать на все это, он свое: «После победы многих военнопленных отправили в лагеря, уже наши». Да, отправили тех, кто это заслуживал.

В своих воспоминаниях «Лабиринт» один из главных руководителей германской разведки Вальтер Шелленберг (1910—1952) писал: «В лагерях для военно-

пленных отбирались тысячи русских, которых после обучения забрасывали в глубь русской территории. Их основной задачей, наряду с сообщением текущей информации, было политическое разложение населения, диверсии». И находились такие, что выполняли это. А как вы думали?

И. Пыхалов в книге «Время Сталина» (Ленинград. 2001), приведя обстоятельные аналитические таблицы, пишет, что на 1 октября 1944 года, т.е. за семь месяцев до конца войны, в фильтрационных лагерях прошли проверку 312 594 бывших пленных и окруженцев. Из них 75,1% кто был направлен опять в армию, кто в народное хозяйство, кто на лечение, а в штрафроты или арестовано — 6,2% (с. 65).

К 1 марта 1946 года, т.е. уже после войны, было репатриировано 1 539 475 пленных. Из них направлены в распоряжение НКВД, т.е. могли после разбора их дел подвергнуться репрессиям 14,69%. «Как правило, это были власовцы и пособники оккупантов» (с. 69). Подумайте над этими цифрами, мыслитель Гранин.

Конечно, были тут и прискорбные факты разных ошибок и злоупотреблений, но ЦК и Совет министров приняли специальное постановление: «Осудить практику огульного политического недоверия к бывшим советским военнослужащим, находившимся в плену или в окружении противника, как противоречащую интересам Советского государства» (цит. по: Правда, 19 мая 2005).

Но вот странно: почему Гранин, рассуждая о бесправии и репрессиях тех, кто побывал в плену, ни слова не сказал об окруженцах? А ведь какой истинный любитель правды истории! В чем дело? Да очень просто: он же сам, если, конечно, верить, побывал в окружении, что не помешало ему не только избежать всяких

притеснений и репрессий, но получить орденов больше, чем у иных генералов, а о премиях и званиях я уж и не говорю.

* * *

Нет у писателя Гранина конца обидам и претензиям к советской власти. И ведь где только он их не изыскивает. Смотрите: «Ни разу Сталин не помянул погибших за Родину». Ни разу! Объясните, как нормальный человек его возраста может не помнить, что все приказы Сталина о взятии городов кончались словами: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!» Все! И в обращении к народу 9 мая 1945 года: «Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим жизнь за свободу и счастье нашего народа!» И в обращении 2 сентября 1945 года по случаю победы над Японией: «Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины!» А разве салюты не имели к памяти погибших никакого отношения?

Тут опять одно из двух: или человек сознательно лжет, или, увы, не понимает, что лепечет.

А вот еще какая жуткая несправедливость и бездушие советской власти: «Только спустя двадцать лет после войны, в 1965 году, отметили солдат медалью в честь Победы». Вранье или маразм? В 65-м году была медаль не в честь Победы, а в честь ее двадцатилетия. Медаль же в честь Победы — «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» — была учреждена сразу, 9 мая 1945 года. Ею наградили около 15 миллионов человек.

А медали за освобождение наших городов и за взятие иностранных столиц, — разве это не медали в честь

Победы? Как иначе могу я смотреть на мою медаль «За взятие Кенигсберга» или «За победу над Японией»?

Но тут Гранин приводит, наконец, конкретный пример: «Мой товарищ Герман Гоппе, изувеченный под Кенигсбергом, инвалид первой группы, за свои боевые заслуги не имел ничего». Разумеется, в деле награждений, как и во всяком другом, были, есть и будут ошибки, несправедливости, злоупотребления. Неужели это новость для старого человека? Взглянул хотя бы на писателей или на себя в зеркало посмотрел.

А что совершил Гоппе? Он был ранен. Но это не подвиг. За ранение орденами не награждают, а в разных армиях выдают либо значки, либо нашивки, либо отмечают еще как-то. А когда Гоппе умер? Гранин молчит. Если даже вскоре после войны, то и тогда Гоппе мог получить упомянутые медали «За победу над Германией» и «За взятие Кенигсберга». А позже, когда по случаю юбилея Победы орденом Отечественной войны были награждены все фронтовики, он должен был получить и этот золотой орден первой степени. Почему не получил, неизвестно.

Но скулежный список претензий продолжается: «Нечто странное: в 1946 году сняли выплату пенсии (?) за ордена. Деньги шли маленькие: в месяц за Красную Звезду — 15 рублей, за Красное Знамя на десятку больше... Ликвиднули, ничего не объясняя».

Ну, явление... Право, как говорится, достойно кисти Айвазовского. У народа ныне, ничего не объясняя, а мороча голову прелестями демократии, ликвиднули социалистический строй, страну развалили, и он, Герой-суперлауреат, не протестовал, но не может забыть, что шестьдесят лет тому назад ему перестали платить 15 рублей за Красную Звезду. Ну фигура...

А что тогда надо было объяснять? В каком положении находились мы в 46-м году? Полстраны лежало в развалинах. А за время войны всего за боевые отличия было произведено около 13 миллионов награждений. В тылу же одной лишь медалью «За доблестный труд» — свыше 16 миллионов человек. А платили не только за ордена, как пишет Гранин, но и за медали. У меня, скажем, медаль «За отвагу» № 3241244. И это была вовсе не последняя медаль войны, всего их около 5 миллионов. И до войны ведь тоже награждали. За орден Ленина платили, кажется, 50 рублей. А ему, высоколобому, требуется объяснение, какие тут суммы для послевоенного бюджета страны...

И опять: «23 декабря 1947 года (все-то он помнит по этой части!) отменили выходной в День Победы... ни салютов, ни фейерверков не подавалось». Ему, видите ли, фейерверков не хватало. И наплевать, что стране было тогда не до праздников, не до фейерверков. Зато ныне что ни день — «подают» фейерверки, карнавалы, празднества. Любуйся, если сыт.

«Перестали носить ордена: нескромно, говорили фронтовикам». Кто говорил? И тут молчит: сам, дескать, знаешь. Сталин, что ли? Да нет, Эренбург писал в одном стихотворении: «Носить нескромно стало ордена...» И был совершенно прав. Всему свое время. Когда-то — посмотрите фотографии Гражданской войны — ордена носили даже на шинелях и полушубках, а потом стали носить планки, еще позже — надевать только в День Победы да и не все награды. Естественный ход жизни.

И особенно скорбно, что все это крохоборство, вся ложь — из уст благополучно прожившего жизнь человека, до пупа увешанного орденами, медалями, премиями.

* * *

Как уже сказано, на писателя Гранина порой накатывают приступы безумной любви к Советской власти, ко всему советскому. Вот один из таких приступов. Писатель, представьте себе, решительно осуждает тех, кто пытается опорочить и даже перечеркнуть советское искусство: «Именно советская литература, советское кино, советский театр, советская музыка оказались наиболее ценными в истории русского и мирового искусства». И приводит перечни имен действительно замечательных советских писателей, композиторов, режиссеров... И добавляет: «Стоит положить на весы советскую часть искусства и постсоветскую и сравнить». И еще: «Был Серебряный век в поэзии, но был и Золотой век в кино, в литературе. Разве не так?» Восхищается и советской наукой: «Мы были в первых рядах!»

Казалось бы, какой убежденный советский патриот! Но вот что читаем на этой же странице по поводу присуждения Нобелевских премий: «Против советской и нынешней России (на Западе) есть предубеждение. Мы зарабатывали его 70 лет», т.е. все советское время, за которое-де и сейчас приходится расплачиваться.

Это чем же мы «зарабатывали» — названными передовыми позициями в физике, в биологии? замечательным искусством? всеобщим ростом культуры народа? или вскрытыми Граниным искажениями истории войны? репрессиями против наших военнопленных? отменой платы за ордена?.. Нет ответа.

И вот новый извив мысли в связи с вопросом о переименовании улиц в Ленинграде. Одна из них носила имя Куйбышева, теперь названа иначе. И писатель уверяет:

«Даже если вы будете восстанавливать старое название, все равно не поймете — кто этот деятель». Какое высокомерие! И это почему же «не поймете»? В.В. Куйбышев (1888—1935) — крупнейший деятель партии и государства, занимал самые высокие посты: был членом Политбюро, Первым заместителем главы правительства и председателем Совета труда и обороны (СТО), председателем Всесоюзного совета народного хозяйства (ВСНХ) — как же можно «не понимать», кто этот деятель? Он был одним из крупнейших строителей той самой советской жизни, советского общества, советской науки и культуры, что порой припадочно восхищают Гранина.

И понимает же он, кто были, скажем, Меншиков Александр Данилович, сподвижник царя Петра, или Потемкин Григорий Александрович, помощник и любимец Екатерины, или хотя бы Плеве Вячеслав Константинович, николаевский министр внутренних дел... Попробуй сказать, что он не знает и не понимает, кто сии фигуры уже далекого прошлого! Это же обвинение в невежестве. А вот кто такой его современник Куйбышев не желает знать. В чем же дело? Почему?

Думается, у него гораздо больше оснований остаться в памяти народа, в нашей истории, чем у самого Гранина — в истории нашей литературы. Мне кажется, что вскоре после того, как Даниил Александрович исчезнет со страниц газет и с экрана телевидения, многие перестанут понимать, кто был этот деятель…

Вместо эпилога

СТАЛИН И «НЫНЕШНИЕ»... БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАНЫ

Начну с цитат. В 1925 году, находясь на отдыхе в Сочи, Сталин пишет жене: «Надя, пришли мне, пожалуйста, учебник по металлургии». Она посылает и при этом жалуется: «Иосиф, я сижу без копейки денег. Если можешь, пришли рублей 50». Он высылает 150 и опять просит какую-то научную литературу…

И вот вам результат изучения металлургии и многого другого, вот итог такого образа жизни, когда жена руководителя страны иной раз сидит без копейки. Знаменитый авиаконструктор А.С. Яковлев: «Сталин задал несколько вопросов. Его интересовали состояние и уровень немецкой, английской и французской авиации… Я был поражен его осведомленностью. Он разговаривал как авиационный специалист».

Министр нефтяной промышленности Н.К. Байбаков: «Все мы были удивлены конкретной осведомленностью Сталина о запасах нефти по категориям в Краснодарском крае». По категориям!..

А.А. Громыко: «Где бы ни доводилось мне его видеть, прежде всего обращало на себя внимание, что Сталин — человек мысли… Он на лету ловил смысл сказанного. Его внимание, память, казалось, как электрон-

но-вычислительная машина, ничего не пропускали. Во время заседаний в Левадийском дворце на Ялтинской конференции я яснее, чем когда-либо раньше, понял, какими незаурядными качествами обладал этот человек».

Прервем цитирование… Как думаете, читатель, у кого из нынешних наших правителей на плечах голова-ЭВМ? Мне лично кажется, что только у одного Починка, да и то — давно нуждается в починке.

Черчилль: «Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов, заставляя даже нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов». О, это высокое искусство! Была полная возможность применить его, если б оно было, например, в Чечне. Но где там! Наши правители всей своей политикой и поощрением злобной, малограмотной антисоветской клеветы сами плодят себе врагов внутри страны и презрение за рубежом. Ведь до чего договорился недавно один из них: массовый героизм во время Великой Отечественной войны это, мол, «эффект заградотрядов». Такая клевета объяснима в устах какого-нибудь Чубайса или Радзинского. Но ведь он-то — как бы «отец нации». Да к тому же, говорят, сын фронтовика…

Дадим еще парочку цитат… Известный оружейник В.Емельянов рассказывал, а его сын Ю.В. Емельянов сейчас привел это в интересной книге о Сталине, как во время Финской войны группа специалистов представляла вождю в его кремлевском кабинете специальный броневой щиток для бойцов-лыжников: «Сталин, окинув щиток взглядом, опустился на колени и обращаясь к Ванникову (наркому вооружений), сказал: «Дайте автомат».

Сталин лег на пол, просунул ствол через щель броневого щитка и стал целиться. Он несколько раз ме-

нял положение, передвигал щиток, вынимал ствол автомата из щели и снова просовывал его туда. В кабинете стояла тишина. Только иногда раздавался лязг металла. Наконец, Сталин поднялся и сказал: «Щель для стрельбы лучше сместить миллиметров на двадцать вправо. Вот здесь, — он указал место на щитке, — следует укрепить полочку, чтобы обоймы на нее класть. А то стрелок протянет руку за новой обоймой в патронташе, плечо у него поднимется над щитком и снайпер может прострелить его.

В последнее время, — продолжал Сталин, — много ранений в пах, при которых атрофируются ноги. Чтобы избежать таких поражений, надо удлинить открылки у щитка, чтобы защитить и эту часть тела».

Да, это вам не рылом в татарскую сметану… Знания Сталина, его отеческая дотошность это важное слагаемое того факта, что во время Великой Отечественной у нас были лучшие, чем у врага, танки, самолеты, орудия, автоматы…

Вот такие качества руководителя страны, а не умение кататься на лыжах с крутых горок да щеголять в тельняшках ценит народ. Наш знаменитый пушечник В. Г. Грабин рассказывает, как в 1935 году на полигоне Сталин выбирал для принятия на вооружение Красной Армии тип пушки. Дело было уж очень не простое и крайне важное. И он сделал выбор! Как показал опыт Отечественной войны это был единственно верный, оптимальный выбор…

Frankfurter Allgemeine со ссылкой на кремлевские источники пишет, что газ для штурма Дворца культуры на Дубровке «президент Путин выбирал лично». Итог известен: 137 погибших заложников… А как хо-

рошо бы прежде испробовать на себе или хотя бы на Рушайле…

Сталин знал даже характер ранений красноармейцев в далекой Финляндии и последствия таких ранений. А нынешний министр здравоохранения Шевченко не знает, как именно и от чего у него под носом погибли люди и только лопочет, что все было сделано по закону да смиренно выслушивает от академика А.И. Воробьева: «Что конкретно сделал главный медик страны для ликвидации медицинских последствий теракта? Какие из медицинских специальных учреждений были задействованы в этой трагедии? Никакие! Никакие из самых крупных учреждений города, которые оказывают помощь самым тяжелым больным, ни один институт Академии медицинских наук! Ни одного больного туда не привезли. Я, конечно, звонил министру, его заму, и Шевцовой, и Сельцовскому. Ответ один: не надо»… А ведь додуматься до мобилизации этих учреждений мог и не медик, а любой кремлевский обитатель…

У академика Воробьева за плечами опыт спасения жертв Чернобыльской аварии. А какой опыт у Шевченко, кроме опыта спасения от прокуратуры известного оборотня Собчака? Об этом напоминает газета «Стрингер»: «Юрию Шевченко не впервой отмазывать власть. Именно он, будучи начальником ленинградской Военно-медицинской академии, поставил липовый диагноз Собчаку, когда тот скрывался от прокуратуры». Военной? А какое отношение к военным имел штафирка Собчак? Диагноз был выдан, когда его все-таки сцапали после того, как он не явился в прокуратуру и на двенадцатый ее вызов. Не за это ли Шевченко и пост министра отхватил? Ведь в операции по спасению от прокуратуры

он действовал плечо к плечу с Путиным, заместителем штафирки, сыгравшим главную роль в операции.

Вот же какая биография: космическую станцию «Мир» спасти не смог, подлодку «Курск» спасти не смог, наши военные базы на Кубе и во Вьетнаме спасти не смог, а этого субчика спас! Вернее сказать, ни станцию, ни подлодку, ни базы спасать он и не думал, а за огородное чучело демократии готов был живот положить: у каких-то финнов раздобыл спортивный самолет «Сессна» (тот самый, рустовский!), погрузил туда умиравшего от медвежьей болезни друга, совершенно мертвую (только язык неутомимо работал) Нарусову и перебросил их в Париж. Похоже, что это была его единственная безусловно успешная операция за все годы работы в КГБ и за время президентства.

* * *

Когда-то широко известный литературный критик Корнелий Зелинский, участвовавший во встрече писателей со Сталиным на квартире Максима Горького 19 октября 1932 года, потом писал: «Сталин поражает своей боевой снаряженностью. Чуть что, он тотчас ловит мысль. Он очень чуток к возражениям и вообще странно внимателен ко всему, что говорится вокруг него. Кажется, он не слушает или забыл. Нет, он все поймал на радиостанцию своего мозга, работающую на всех волнах. Ответ готов тотчас, в лоб, напрямик, да или нет. Он всегда готов к бою».

Прикинем опять: у кого из нынешних в черепной коробке помещается портативная радиостанция, работающая на всех волнах? Может быть, у Грефа? Может, ГРЕФ это Государственная радиостанция евреизирован-

ной Федерации? Но тогда почему же он не ловит дельные мысли, что буквально клубятся вокруг него?

А могли бы вы, кстати, представить себе Путина, беседующего с писателями, скажем, на квартире Татьяны Толстой или Дуни Смирновой? Не ордена да премии в Кремле раздающего то Жванецкому, то Ваншенкину, не руки пожимающего то Хазанову, то Рязанову, а именно беседующего с писателями о литературных делах, как беседовал Сталин с большой группой их в 1932 году и позже при очных встречах и по телефону — с Горьким, Шолоховым, Булгаковым, Уэллсом, Эмилем Людвигом, Фадеевым, Ролланом, Эренбургом, Фейхтвангером, Пастернаком, Вандой Василевской, Симоновым…

Вот закройте глаза и вообразите: товарищ Путин беседует с Роменом Ролланом о «Жан-Кристофе» или с Лионом Фейхтвангером о культе его, Владимира Владимировича, драгоценной личности. Вообразилось?.. Известно, что наш бывший президент иногда поздравлял любимых писателей и артистов с юбилеями. Поздравил, например, Лазаря Карелина, Петра Градова, Владимира Карпова…

Очень прекрасно. Некоторые писатели дарили ему свои книги. Так, Чингиз Айтматов презентовал свой шеститомник. Правда, при этом Путин воскликнул: «Вот замечательный поэт!» Видимо, спутал с Гамзатовым. Признаться, и я не удержался: послал ему свою книгу «Колокола громкого боя», надеясь доставить удовольствие любовно выписанным там портретом его учителя Собчака. Почему-то не ответил. Да и смешно было ждать. Он не отвечал, даже когда публиковали в столичных газетах открытые коллективные письма по 30—40 генералов и адмиралов, докторов наук и академиков, фронтовиков и лауреатов Ленинских, Государст-

венных и Нобелевских премий, недавних министров и матерей погибших к Чечне… Ему нечего было ответить им, как и всему вымирающему народу: пустота… Хотя еще летом 2000 года в своем первом обращении к парламенту сам признал, что в ближайшие пятнадцать лет мы можем потерять еще 22 миллиона сограждан…

А Сталин в самую трудную пору войны в ноябре 42-го года за два дня до великого контрнаступления под Сталинградом получил оттуда письмо, в котором говорилось, что контрнаступление надо отложить, оно провалится и последствия будут катастрофическими для хода и исхода всей войны. Кто писал — представитель Ставки? командующий фронтом? маршал? прославленный Герой Советского Союза? Нет, писал неизвестный Верховному командир 4-го механизированного корпуса генерал-майор В.Т. Вольский. Вызвав Василевского и переговорив с ним, Сталин попросил соединить его с комкором и сказал: «Спасибо, что, как честный коммунист, прямо высказали свои сомнения. Они неосновательны. Завтра наступление. Ставлю ваш корпус на острие атаки. С Богом!» Через четыре дня остервенелых боев, уничтожая и расшвыривая немцев и румын, 23 ноября в 16 часов именно 4-й механизированный корпус Сталинградского фронта под командованием Вольского в районе хутора Советский соединился с 4-м танковым корпусом Юго-Западного фронта под командованием генерал-майора Кравченко, и кольцо окружения, в котором оказалось 22 дивизии врага замкнулось. Скоро немцы начали жрать своих лошадей, а в Берлине готовились к трауру. Это вам был не Первомайск…

А 23-го ночью Сталин позвонил Василевскому, находившемуся там, и сказал: «Прошу вас найти пока хоть что-нибудь и немедленно наградить от моего име-

ни Вольского». Василевский потом вспоминал: «У меня был трофейный немецкий «вальтер», и я приказал прикрепить к нему пластинку с соответствующей надписью. А когда мы встретились с Вольским, я поздравил его с успехом, поблагодарил, передал ему слова товарища Сталина и от его имени вручил этот пистолет. Мы стояли с Вольским, смотрели друг на друга, и он был так потрясен, что в моем присутствии разрыдался, как ребенок»… 4-й механизированный корпус стал 3-м гвардейским. Войну Василий Тимофеевич закончил генерал-полковником танковых войск. Умер он в первый же год после войны сорока восьми лет от роду…

* * *

Да, поздравительные телеграммы к юбилею и книги в подарок это прекрасно, но вот позвонил бы Путин неведомому Вольскому в ответ на крамольное письмо? А написал ли он хоть одному писателю, как Сталин писал тем же Горькому и Шолохову, Демьяну Бедному, Билль-Белоцерковскому, Безыменскому, Ставскому?… Даже критик Евгений Громов в насквозь антисоветском и антисталинском сочинении «Сталин и искусство» вынужден признать: «Он серьезно знакомился с произведениями писателей». И нередко вел не только с ними серьезные разговоры, писал серьезные письма.

Особо важных юбиляров Путин приглашал в Кремль и вручал им подарок, таинственную черную коробочку. Что там — никому неведомо. Должно быть, что-то очень драгоценное. Но я не помню, чтобы при этом хоть кто-то разрыдался, как ребенок.

А если перенестись в сферу чисто политическую, то, да, мы видели, как Путин встречался и душевно бесе-

довал с королем Абдуллой, со Шредером, Блэром, с Бушем, который, вынув изо рта жвачку, похлопывал его по плечу, как Савика Шустера. Тоже прекрасно! Но можете ли вы, читатель, вообразить Путина беседующим с Рузвельтом и Черчиллем? Да не просто беседующим, а твердо, решительно отстаивающим перед лицом этих акул интересы нашей родины? В силах ли вы помыслить, что Черчилль, как в свое время о Сталине, сказал бы: «Когда Путин входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали и, странное дело, почему-то держали руки по швам». Я представить себе этого не мог, хотя чуть не каждый день видел по телевидению, как при его появлении вскакивали навытяжку члены его замечательного правительства и даже мадам Матвиенко, которая уже столько нет — на острие атаки. Против народа…

* * *

Управляющий делами СНК Я. Е. Чадаев рассказывал, что однажды, воочию убедившись, что нарком целлюлозно-бумажной промышленности Анцелович плохо знает, как обстоят дела в порученной ему отрасли и бездействует, мямлит, Сталин прямо сказал ему: «Чего вы ждете? Каких указаний? Нарком вы или кто? С виду — тигр, а на деле выходит — мышонок». Вскоре Анцилович был снят… И неужели Путин хотя бы под мухой не сказал хотя бы одному из своих сановных кретинов, дебилов и идиотов, целиком ответственных за трагедию и национальный позор Дубровки: «С виду ты, генерал Николаша, тигр, а на деле — мышонок. Или застрелись, как фельдмаршал Клюге, не сумевший в 1944 году ос-

тановить союзные войска на пути в Германию, или убирайся, как Анцелович». Нет, ничего не сказал…

Где там! Ничего не сказал даже кретину обороны Иванову, который даже после того, как НАТО уже перешло теперь границы Советского Союза, бодро и лихо заявил: «Это нас не касается. Эстония, Латвия, Литва — самостоятельные государства. Что хотят, то и делают. Это не имеет к нам никакого отношения. Абсолютно!». Но все же в ответ на продвижение НАТО добился реабилитации пятиконечной красной звезды на знамени, видимо, считая это достойным отпором.

Ничего не сказал президент и дебилу иностранных дел, который в ответ на вступление новых стран в этот агрессивный блок и его выход к Псковской земле заявил: «Механическое расширение НАТО…» Что значит «механическое»? Да ты как хочешь назови — «механическое», «арифметическое», «географическое», но это есть расширение — выход к границам твоей родины. Двусмысленным здесь словцом он, видите ли, хотел выразить свое несогласие, осуждение, даже гневный протест, но на более определенную форму изъявления своего гнева решиться не смеет. «Механическое расширение при сохранении прежней военной направленности вряд ли (!) отвечает интересам безопасности». Вряд ли! И чьей безопасности? — вряд ли Люксембурга. Он даже не смеет сказать, что вопрос стоит о безопасности его родины! Да кто же он, как не дебил иностранных дел?

В Праге на пресс-конференции его спросили: собирается ли Россия вступать в НАТО? Он ответил: «Россия этот вопрос никогда не ставила. А раз Россия вопрос не ставила, то нет и предмета для обсуждения». Вы поняли? Человеку под шестьдесят, уже не первый

год ходит в министрах, но убежден, что если вопрос о предмете не ставится, то и сам предмет не существует. В философии это называется солипсизмом. Нет, дядя, предмет существует совершенно независимо от того, ставится о нем вопрос или не ставится, подобно тому как женщина существует независимо от того, стоит у тебя на нее или не стоит.

Но еще и вот в чем дело: вопрос-то ставился! И не как-нибудь, а открыто. И не кем-нибудь, а самим президентом в его беседе с корреспондентом Би-би-си. Если об этом помню я, рядовой гражданин, которому это вовсе не обязательно, я не за это пенсию получаю, то зачем стране министр, который обязан это помнить и знать, а он не помнит, не знает, поскольку дебил.

Путин же на пресс-конференции сказал: «Мы считаем, что расширение НАТО не вызвано необходимостью». Ах, как деликатно! Он что, до сих пор не понял: у нас своя необходимость, а у них — своя, совершенно противоположная нашей. Дальше еще деликатней: «Но мы принимаем к сведению позицию США». Когда 22 июня 1941 года Германия обрушилась на Советский Союз, мы тоже приняли к сведению акт агрессии, но не ограничились этим, а тотчас дали отпор. Вы же до сих пор ни в чем, нигде, ни разу не дали отпора, а, наоборот, только сдаете и сдаете одну позицию за другой. А был великолепный шанс! Когда натовская орда обрушилась на Югославию, она попросила у нас ракет, каких нет у американцев. Если бы мы их дали, вся агрессия могла бы провалиться, и это был бы прекрасный урок для налетчиков. Но вы по причине своего невежества, трусости, полной деморализованности демократической болтовней собчаков, киселевых, радзинских, — вы испугались, что США начнет войну и против нас. В вашем

правящем кагале, включая министра обороны и начальника Генштаба, просто нет человека, который знал бы, что иностранная помощь во время войн — обычная международная практика. Россия помогала Северным Штатам во время Гражданской войны там; США, Англия, Франция и ряд других стран помогали белогвардейцам в годы нашей Гражданской войны; Советский Союз помогал Китаю, испанским республиканцам, Монголии; Германия помогала в Испании генералу Франко; Китай помог Северной Корее в 1953 году вышвырнуть за океан американцев, — и ни один из этих фактов военной помощи и советниками, и людьми, и военной техникой не привел к войне. Увы, поезд, под колесами которого оказалась Югославия, ушел…

Путин: «Мы надеемся на позитивное развитие отношений со всеми странами НАТО. По мере реформирования блока мы не исключаем углубления наших отношений с альянсом». Надеемся... не исключаем… О, они стоят друг друга! Но о каком реформировании речь? Где его признаки?

Но вот самое интересное и характерное: «Мы согласны с президентом Бушем и его коллегами, что они должны убедиться, что у Ирака нет оружия массового уничтожения». Какое лакейство! Он признает, что США, находясь за тысячи километров от Ирака, имеет право конкретно, на фактах убедиться в отношении его, а себе сам отказывает в праве так же убедиться, что НАТО это не военный союз против России, что он подполз к нашей земле не с целью агрессии. Ему с его министром достаточно заверений…

Да, от нашего министра народ услышал: «Мы получили заверения от руководства НАТО и от США, что это не затронет интересы России и ее безопасности».

Так и рвется с языка вопрос Сталина: «Вы министр или кто?» Они получили заверения!.. Никто их не слышал. Это ему генеральный секретарь НАТО Робертсон в гардеробе при разъезде из Праги пролепетал мультипликационным ротиком: «Мы любим Россию, господин кретин иностранных дел. Мы жить не можем без России!» Это ему госсекретарь Пауэлл, потягивая шампанское, шепнул на ушко: «Да ты, Игорек, не волнуйся. Все будет тип-топ». А уж сам-то Буш напевал и на тусовке в Чехии и в Царском Селе: «То, что произошло в Праге, очень хорошо для России. Очень хорошо, даже прекрасно!» И опять же Робертсон ворковал своим мультипликационным ротиком: «Россия прямо заинтересована в нашем приближении к ее границам!» Вы только подумайте: заинтересована! Они скоро еще потребуют, чтобы мы это все и оплатили.

* * *

Они получили заверения!.. Я думал, что Иванов хотя бы учился в институте международных отношений (МИМО). В советское время это был серьезный вуз. Но нет, оказывается, он кончал иняз, который всегда славился только одним — обилием красоток. Так что, не удивлюсь, если он и не знает, как США разделались когда-то со своей Чечней — с Южными штатами, которым вздумалось отделиться; если он и не слышал, что США оттяпали половину территории нищей Мексики; если ему неведомо, что американцы не мытьем, так катаньем вынудили Францию продать им Луизиану, Испанию — Флориду, Россию — Аляску и Алеутские острова; если он давно забыл, что американские войска в 1918—1920 годах вторглись в нашу страну и оккупиро-

вали ряд районов нашего Севера и Дальнего Востока. Едва ли Иванов знает, что за двести лет, с 1776 года по 1976-й, США увеличили свою территорию в четыре раза и не прочь увеличить ее теперь еще раза в два.

И вот в такой-то исторической ситуации, перед лицом такого ненасытного живоглота наши государственные кретины отталкивают Беларусь, последний бастион на пути НАТО. За таких союзников, за такие геопозиции, как она, умные правители десятилетиями, веками ведут изнурительные войны, как Петр — за Прибалтику, Екатерина — за Крым, Сталин — за Карельский перешеек, за Западную Украину и Белоруссию, за Сахалин и Курилы. А тут братская страна, долгие столетия жившая с нами, но оторванная от нас бандой шушкевичей, снова сама тянется к нам, а они изображают дело единения столь трудным и сложным, будто речь идет не о соседях-братьях, а о заморском неведомом Мадагаскаре, где и язык непонятный и все иное — история, культура, вера. И эти госкретины выдвигают такие неприемлемые условия, что Лукашенко вынужден ласково сказать им: «Да пошли вы коту под хвост!» В Беларуси живут две моих сестры, урожденные тулячки. Это они для вас мадагаскарки, Путин?

* * *

О господи… Они получили заверения!.. Это в любовной лирике красиво звучит: «Ведь обмануть меня не трудно — я сам обманываться рад…» Но они в политике живут именно по законам любовной лирики. Им стали внушать: «Никакой классовой борьбы не было и нет, это досужая выдумка бородатого Маркса» — и они

радостно обманулись, хотя читали когда-то, что это вовсе и не Маркс.

Им принялись нашептывать, а потом и орать в уши: «Октябрьская революция — случайный, нелепый выверт истории, а Советская эпоха — ее черная дыра» — и они легко поверили, хотя своими глазами видели, что в Советское время их родина стала могучей, благоденствующей сверхдержавой.

Им принялись мурлыкать: «У Советской власти не было никаких врагов, и все политические репрессии — это произвол, беззаконие!» — и они тотчас поддакнули, хотя знали, что была Гражданская война, были Корнилов и Краснов, Юденич и Деникин, Колчак и Врангель, были интервенты английские и французские, американские и японские, были Троцкий и Бухарин, Зиновьев и Каменев, что у них оставались единомышленники, и все они хотели свергнуть Советскую власть.

Их накачивали: «Самое важное на свете — права человека и безграничная гласность. Надо везде и всюду за них бороться!» — и они дошли в своем рвении тут до того, что стали учинять открытые суды с показом по телевидению над своими солдатами и офицерами за «нарушение прав человека». И посылали солдат в бой в сопровождении следователей прокуратуры.

Их убеждали: «Кровожадные коммунисты уничтожили 110 миллионов человек!» — и они, уже ненавидя коммунистов, коими сами были еще вчера, дружно закивали головами, хотя достоверно знали, что за 70 лет население СССР удвоилось: было около 150 миллионов, стало около 300.

Им твердили: «И сейчас у России нет никаких врагов. Все нас жутко любят, особенно американцы. Так да-

вайте же лобзаться с ними!» — и они кинулись лобзаться, хотя ясно видели, что у лобзаемых торчат клыки.

Сейчас им сверлят уши: «Караул! Международный терроризм! Наша общая и главная задача — борьба против него. Помогите нам получить военные базы у ваших соседей в Средней Азии, в Грузии и кое-где еще, может быть, в Кубинке» — и они помогли, хотя им хорошо известно, что в Советском Союзе никакого «международного терроризма» не было, нигде нет его и сейчас, а есть борьба народов мира против наглого американского диктата и гнета, а у нас — это порождение безмозглой политики идиота Ельцина, который сперва брякнул «Берите суверенитета, сколько проглотите!», а потом послал такого же идиота Грачева утюжить этот суверенитет танками.

Вот и теперь им внушают: «Расширение НАТО — это счастье для России!» — и они опять верят, не могут не верить, уже так привыкли и даже расписки пусть даже без печати не требуют, а только просят дать им заверения. Им дали заверения: «Нате, ешьте до заворота кишок!» И они счастливы…

Чем объяснить эту небывалую в истории доверчивость и податливость? Только одним — достослезным состоянием содержимого черепной коробки.

Они получили заверения!.. Да мы в 39-м году не заверения за рюмкой или в гардеробе получили, а два полновесных договора, подписанные министрами и ратифицированные как Верховным Советом, так и рейхстагом. И какие договоры-то! Второй — не о чем-нибудь, а о дружбе. Да еще с секретным протоколом. И вы что, дядя кретин, не знаете, чем все это обернулось 22 июня 41-го года? А разве неведомо вам, что еще раньше, в 1934 году, договор о дружбе Германия заключила и с Польшей…

* * *

Они получили заверения!.. Да ведь уже было много заверений и в эти годы уже при вас. Сперва — что ФРГ никогда не станет членом военного блока НАТО, а она стала. Потом — что объединившаяся Германия не станет членом НАТО, а она стала. Потом — что НАТО не будет расширяться на восток, а он расширяется. Потом — что бывшие Советские республики никогда не будут членами НАТО, а они стали. Теперь заверяют, что натовские аэродромы и натовские танки у Псковской области это только в интересах России. И им подпевают такие безродные прохвосты, как бывший кретин иностранных дел Козырев: «Надо не протестовать, а радоваться: это же в образе НАТО к России вплотную подошла демократия, цивилизация, прогресс!..»

Они обязаны потребовать у НАТО не заверений, а конкретных неопровержимых доказательств миролюбия. Пусть, например, преобразуют военный блок в Международный клуб филателистов или — в спортивную ассоциацию, и никто не будет против, если наш президент станет членом ее лыжной или конной секции. В противном случае все они будут нести полную ответственность за последствия своего внешнеполитического кретинизма и в должный час сядут на жесткую скамеечку в казенном доме на Поварской. И тщетно будут они тогда уповать на известный мораторий в отношении известной акции.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. Акция «Вторая мировая»…
«Правдюки» о войне 5

Часть 2. Преемники Йозефа Геббельса. Вид на войну
из окна министерства пропаганды 75

Часть 3. Сталин и война. Минное поле клеветы 125

Вместо эпилога. Сталин и «нынешние»…
Безопасность страны 254

Бушин Владимир Сергеевич

ДЕЛО: «ЗЛОБНЫЙ НАВЕТ НА ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ»

Редактор *О. В. Селин*
Художник *Б. Б. Протопопов*
Верстка *А. А. Кувшинников*
Корректор *Н. Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99. Тел.: 617-0825
Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-9789
«Столица-Сервис» — 375-3211, 375-2433, 375-3673
ООО «БСК»: 380-0028
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41
Сайт: http://www.algoritm-kniga.ru
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Книги издательства «Алгоритм» можно приобрести в
интернет-магазине: http://www.politkniga.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в ООО «Дип покет»* ***E-mail:*** **foreignseller@eksmo-sale.ru**

International Sales: *International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.* **foreignseller@eksmo-sale.ru**

Подписано в печать 15.12.2008.
Формат 84×108 $^1/_{32}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,28.
Тираж 4000 экз. Заказ № 5946.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Из главной, всеохватной ненависти «демократов» к коммунистам и Советской власти вытекает их субненависть к советской истории, в том числе к истории Великой Отечественной, т.е. к тому, как они написаны и известны. Почему? А потому, говорят, что писали историю чекисты «и выдали нам такую историю, в которой нет ни капли правды». Эти блаженные просто не имеют никакого представления, что такое была война…

ISBN 978-5-699-33757-6